

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

4

2015

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/2015 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

С.В. Рыбаков — О смысловой структуре понятия «история» 18

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В.В. Вяткин — Иван Иванович Мелиссино 26

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Ю.А. Пелевин — Казус Засулич 41

ПУБЛИКАЦИИ

Мировая война глазами поручика. Публикацию подготовил
Л. Степаненко 62

СООБЩЕНИЯ

И.В. Чемоданов — Вятское крестьянство в годы первой
мировой войны 74

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

А.А. Чирков — Военные комиссии в Государственной думе III и IV созывов	89
А.В. Гринёв — Классификация кораблей Российско-американской компании (1799—1867 гг.).....	108

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Т. Наджафли — Взаимоотношения Азербайджанского государства Сефевидов с Россией в XVI—XVII вв.	122
---	-----

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Г.Л. Арш — К вопросу об оценке Ламброса Кацониса в историографии	137
---	-----

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Р.Ю. Почекаев — А.И. Бутаков и Аральская флотилия в конце 1840-х — начале 1860-х гг.	142
--	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

П.Н. Гордеев — Революционная цензура на сцене государственных театров в 1917 году	151
И.В. Ковтун — Открытие каменного угля в Кузбассе в 1720-х гг.	160
Ф.А. Озова — Роль института аманатства в черкесско-русских отношениях в 1552—1864 гг.	166

ИСТОРИОГРАФИЯ

И.Н. Гребенкин — Первая мировая: взгляд из окопа	172
Ю.Е. Ивонин — Утрехт-Раштатт-Баден 1712—1714. Работа по заключению европейского мира в конце века Людовика XIV	174

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Конференция Пражской группы партии социалистов- революционеров 1931 г.

Заседание от 17 апреля 1931 года

Присутствуют гг. Архангельский, Воронович, Лозовой, Минахорян, Савинкова, Постникова, Постников, Якушев, Марков, Кузятин.

Председательствует т. Архангельский.

Прения по докладу т. Минахоряна.

Т. Я к у ш е в. Я считаю, что наиболее важным вопросом для ЗОПСР является вопрос организационный. Теоретические наши построения, относящиеся к вопросам идеологии партии, решающе влиять на нашу работу за границей не могут, т. к. для этого отсутствует живая российская действительность. Организационный же вопрос, правильно нами поставленный и разрешенный в наших условиях, поможет нам во многом. К сожалению, теоретическая часть доклада по организационному вопросу мало меня удовлетворяет. Я не могу согласиться с построениями докладчика, относящимися к моральной стороне вопроса. Докладчик почему-то обходит вопрос общечеловеческой морали, и свои построения базирует на какой-то особенной «социалистической морали». Признаться, я такого положения не понимаю. Для меня существует одна и единственная мораль — общечеловеческая. Другой морали, а тем более «социалистической», я себе не представляю. Я согласился бы с докладчиком, если бы он в своих теоретических построениях орг. вопроса исходил из существующих общих основ человеческой морали.

Переходя к существу доклада, должен признать, что в общем доклад построен правильно. С его политической частью и отчасти с разделом 2 и 3 тезисов я не могу не согласиться. Желательно было бы задачи ЗО ПСР расширить за счет практической работы, о чем в тезисах ничего не говорится. И, кроме того, внести ясность в раздел 3 тезисов, относящийся к общественной работе с.р. за границей. Дело в том, что, на мой взгляд, мы переоценили нашу общественную работу

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2014. № 8–12; 2015. № 1–3.

за границей. В общественную работу втянуты почти все партийные работники, в ущерб работе партийной. Думаю, что пришло время, когда мы должны подумать о том, кого снять с работы общественной и перевести на партийную, чтобы развить большую деятельность. При известных усилиях средства на работу могли бы быть найдены. В отношении моральной установки для лиц, работающих на общественном поприще в разного рода русских общественных организациях, надо признать бесспорным положение, что общественная работа налагает не только известные права, но и обязанности, подчас не совсем соответствующие партийной линии поведения. Если строго разграничивать партийную работу от политической, то и в этой части нашей работы твердые и ясные позиции вполне достижимы, и тем более для лиц, обладающих тактом и знанием общественной работы. Отказаться от общественной работы мы не должны, что же касается построения наших партийных органов, нашего отношения к ЗД, к России, то в этой области докладчик оказался в лучших условиях, чем это было с докладчиками по организационному вопросу, скажем, на Берлинском съезде, и даже Парижском ¹. Тогда у нас имелась связь с Россией, были партийные органы, существовавшие на общепартийных началах; теперь дело обстоит иначе: связь с Россией оборвалась, ЗД практически не существует, во всяком случае общепартийной работы не ведет, отсутствует и центральный орган. Признавая моральную свою зависимость перед Россией, ЗОПСР должна приложить все усилия к тому, чтобы достичь единства в построениях своей организационной схемы.

Наши задачи должны сводиться, в первую очередь, к возрождению за границей представительства партии (ЗД), упорядочению вопроса о представительстве партии в Интернационале, созданию работоспособного Областного Комитета, как и партийных органов на местах... При создании партийных органов необходимо применять принцип демократизма. За местными организациями сохранить право сношения с другими, помимо ОК, как это подчеркивает и сам докладчик. Построенная на таких началах ЗОПСР будет содействовать, с одной стороны, преодолению имеющихся в организациях шероховатостей и, с другой, даст толчок широкой нашей партийной работе, что является самым важным и необходимым.

Т. А р х а н г е л ь с к и й. Когда я слышал речь докладчика о принципах организации партии в прошлом и сравнивал с тем, что у нас теперь есть, я невольно спрашивал себя: «куда все это кануло?» В прошлом партии моральная сторона занимала доминирующее значение. Всегда была на первом плане наших партийных решений. Думаю, что в данное время к вопросам морали мы должны относиться с прежней чуткостью и вниманием, что в наших решениях мораль должна занимать, если не первое место, то во всяком случае превалирующее.

Необходимость сохранения моральных требований как будто никем из нас не оспаривается. Раздаются голоса против социалистической морали. Т. Якушев говорит, что социалистической морали в природе не существует, и что есть только одна общечеловеческая мораль, из которой мы и должны исходить; я утверждаю, что общечеловеческой морали нет. С ходульными понятиями, весьма наивными и не отвечающими живой жизни, надо раз и навсегда покончить. В

жизни происходит вечная и постоянная борьба: экономическая, политическая и духовная. Борются за школу, за воспитание, за мировоззрение и т.д. Борьба происходит между моральями отдельных людей и классов; что являлось моральным, скажем, для капиталиста, то для рабочего сплошь и рядом было антиморальным. Моральные требования помещика расходились с моральными понятиями крестьянства. Мораль у социалистов одна, у большевиков — другая и т.д. Такова реальная действительность, из которой мы всегда должны исходить в своих конструктивных построениях. По существу самого доклада у меня особых возражений нет. Имею только поправки чисто редакционного характера, относящиеся к 3 разделу тезисов. Общее значение общественной работы, на мой взгляд, следует подчеркнуть. Мы должны входить в общественную жизнь, если хотим иметь свое влияние, связи, близость к жизни и людям. В отношении ОК у меня несколько иной подход, чем у иных товарищей. Я, например, не пугаюсь т.н. итальянской системы организации партии за границей. Мы, как и итальянские социалисты, могли бы на своем областном съезде избрать свой высший орган и возложить на него ведение всей работы, как за границей, так и в России, впредь, пока не восстановится действительная связь с Россией и не будет создан ЦИК партии. Формального отношения к ОК я не признаю. И, кроме того. Мы при признании своей моральной зависимости от России претендуем на представительство ОК в Соц. Интернационале; ведь это наше общее желание, почему же мы не можем на ОК временно возложить функции ЦИК? Последнего бояться нечего. Надо быть до конца последовательными.

Т. П о с т н и к о в. Моральная сторона — вопрос работы, а не организации. Я поэтому сознательно оставляю в стороне вопросы морали, считаю их неуместными в вопросах организационных. Конечно, партия с.р. никогда мораль не отрицала. В свое время мораль являлась направляющим началом в работах партии и отдельных товарищей. Думаю, что моральные требования партии в прошлом отвечают и современным нашим требованиям, и если у нас теперь, до некоторой степени, потускнело чувство морали, то это надо объяснить не отказом партии от морали как таковой, а отсутствием живой партийной работы. Придет время работы, а с ней и полное возрождение партии.

Перехожу к организационному вопросу. Здесь я должен сознаться, что мы были и остаемся плохими организаторами. Организационный устав партии всегда был нашим слабым местом. До революции партия имела временный организационный устав и, как известно, последний впервые был принят и утвержден на третьем съезде партии, в Москве, в мае месяце 1917 г. Никогда у нас не было и генерального секретаря партии, как скажем Свердлов или Сталин у большевиков. Жили мы преимущественно своими традициями. Но что такое организационный вопрос в наших условиях?

На мой взгляд — это выработка такой организационной схемы, которая позволила бы нам вести свою партийную работу. Ведь мы растеряли свои партийные силы, свои центры, и даже свою «штаб-квартиру», каковой для нас долгое время была редакция «ВОЛИ РОССИИ»². Все это надо заново доставать. Кроме того, надо привлекать в ряды партии новые силы, молодежь. В области литературы последняя наша задача отчасти была выполнена журналом «ВОЛЯ РОССИИ», со-

бравшим около себя литературный молодец. Если мы приступим к работе, то, думаю, сможем послать в Россию своего человека для связи, во всяком случае, никто нам не посмеет помешать в этом.

Вспомните время, когда работа ЗД протекала сравнительно нормально. Тогда в ЗД приходили такие товарищи как Керенский, Брушвит и предлагали работать совместно, забыв существовавшие разногласия. Работа возрождает людей. Начать эту работу надо с низов, возлагать надежды на ЗД или ОК не следует, тем более следует избегать попытки создания за границей особого центра с функциями ЦИКа. Это только усилит склоку в нашей организации и делу нисколько не поможет. Лучше всего усилить работу Пражской организации, продолжать вести имеющиеся у организации партийные связи с другими группами, организовать партийный орган и, поверьте, мы достигнем большего, чем если бы пошли по пути возрождения партийных верхов.

Т. М а р к о в. Никак не могу согласиться ни с т. Якушевым, ни с т. Постниковым, отрицающими мораль в организационном вопросе. До 1917 г. самой высшей ценностью нашей партии была партийная мораль. Чтобы судить о моральных достоинствах партии, достаточно назвать имена Сазонова, Каляева и многих других. Неправы оба оратора, когда говорят, что мораль в обсуждаемом вопросе ни к чему. Каждый член партии обязан пропагандировать идеи партии. И скажите, как можно учить другого тому, чего сам не исполняешь и не признаешь? По организационному вопросу, прежде всего, должен отвести обвинение ЗД в том, что она, по словам т. Лазарева, — самозванная организация. Такое утверждение в корне неверно. Всем нам, мне кажется, известно, что последний состав ЗД был утвержден товарищами в России, о чем было сообщено в «Р.Р.». Так и было прежде, до развала ЗД, когда связь с Россией уже прекратилась. Теперь, конечно, другое дело. ЗД, можно сказать, не существует. Почему это произошло? Не потому, что внутри ЗД были идеологические разногласия, а в силу личных дразг, нетерпимости отдельных товарищей. Тут то и сказались отсутствие здоровых моральных устоев у членов ЗД, не сумевших в интересах партии преодолеть элементы личных разногласий между собой. А поведение членов ЗД после развала — я имею в виду группу Чернова — разве не объясняется отсутствием тех моральных устоев? Допустимо ли внутреннюю нашу склоку переносить на судилище Соц. Интернационала? Нет, товарищи, мораль должна быть во всех наших партийных поступках и действиях. Личные наши интересы должны подчиняться интересам партии. И это должно быть равно обязательным для всех членов партии, какой бы партийный пост они не занимали. Всем членам партии, кто сознательно отходит от всего этого, кто не подчиняется партийной дисциплине, не признает орг. устава ЗО, не слушается указаний своих партийных органов, всем таким товарищам не место в рядах партии. Об этом надо сказать во всеуслышание, для этого и существует организационный устав.

Т. Я к у ш е в. Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Я вовсе не отрицаю моральной установки, для меня моральные требования партии не только обязательны, но они мною разделяются добровольно, и я их принимаю целиком. Я лишь исхожу из основ общечеловеческой морали, а не социалистической, как это делает докладчик. Кроме того, я считаю, что партия есть добровольная организация, а не орден или

церковь. В партии допустимы разные вариации во мнениях. Партия имеет свою организационную схему, опять же принимаемую всеми членами партии добровольно, и я не понимаю, как можно требовать моральной установки в орг. вопросе. Не будет ли это идеализацией организации, не дающей никаких практических выводов. Организационный вопрос я понимаю как определенную схему орг. жизни партии. Кто этой схемы не признает, нарушает устав, тот не может быть терпим в партии. Моральные же наши требования вытекают или, вернее, охватывают все стороны партийной мысли, нашего мировоззрения и применимы к орг. вопросу постольку, поскольку и этот вопрос составляет часть нашего общего партийного целого. Соглашаюсь, что нам нужна своя партийная штаб-квартира, но ее смысл и цель могут быть оправданы только широкой партийной работой. К этой работе надо приступить. С этим мы все согласны, но предварительно надо стовориться по организационному вопросу. Если мы сумеем это сделать, то тем самым предопределим характер партийной работы.

Т. М и н а х о р я н. Я очень жалею, что мне придется занять ваше внимание больше, чем я предполагал. Т. Лазарев затронул ряд вопросов общего характера и в соответствии с этим предложил поправки и изменения к тезисам. Наиболее существенными представляются мне общие возражения.

В своем докладе я исходил из того основного положения, что партия своим социальным составом, программой и организацией должна составлять единое целое. ПСР есть партия трудовой демократии. Она революционная и социалистическая партия с демократической ориентацией. Я думаю, что этим сказано все.

С этой точки зрения составные части партии так тесно связаны между собою, что самостоятельное рассмотрение организационных вопросов, без учета смысла программных установок, становится невозможно. Основной недостаток представленных мною вам тезисов т. Лазарев усматривает в том, что я при составлении их «руководился психологией партии, действовавшей во времена царизма, подпольно». Думать о том, что наша организационная система подвергалась существенным переменам в дни «легального» и «нелегального» существования партии, было бы ошибочно. Основные начала этой системы — выборность, децентрализация, этическая дисциплина, возможная гласность — действовали всегда. Из дебатов по вопросу на I съезде партии можно определенно заключить, что даже при самой ужасной реакции не везде и не всегда нашло себе место применение начала назначенства, кооптации, централизма. И если исключить особые условия работы боевых организаций, а точно также дела сугубо конспиративного свойства, характер нашей работы в массах, с точки зрения организационной, существенным изменениям не подвергался. Помимо устойчивости основных начал нашей организационной системы, этому способствовала также неустойчивость самой реакции. С 1907 года партия в городах центральной России после свобод I революции снова перешла на нелегальное положение. Между тем, в деревне она была хозяйном положения и действовала, если можно так выразиться, полулегально, как это требовали условия работы. С другой стороны, реакция не с одинаковой силой давила на центры и окраины. Так, в Бакинской организации приемы и возможности не-

легальной работы существенно отличались от условий работы в Европейской России. С этой точки зрения чрезвычайно поучительны дебаты на I съезде партии: группа тт. во главе с Рождественским ³, исходя из всего того, о чем говорил т. Лазарев, предложила упразднить прежнюю организационную систему и построить новую на широких легальных началах. Другие предлагали действовать одновременно по двум организационным уставам, применительно к легальным и нелегальным условиям работы. Как тем, так и другим революционное положение казалось достаточно устойчивым. Но подавляющее большинство высказалось против этих предложений, и нам теперь следует пойти по тому же пути. Партия не может менять свою организационную систему, т.е. основные принципы и положения этой системы. В связи с изменениями очень часто неустойчивой политической ситуации, тем более, что мы не знаем, в какой именно ситуации нам предстоит возобновить свою работу в России, партия должна только сообразовываться, учитывать изменения работы в каждом отдельном случае и месте, и вести свою работу на одних и тех же общих организационных началах.

Этим я хочу сказать, что «явочное» и «подпольное» состояние партии — понятия весьма относительные, для вопроса не имеющие принципиального значения. Поэтому при составлении тезисов руководствоваться психологией подпольного состояния партии, как говорит т. Лазарев, я, конечно, не мог.

Но чем подкреплено это утверждение т. Лазарева?

То, что «партия — не секта и не полицейская организация» — известно всем. Но чтобы «строго дисциплинированная деятельность» была бы только уделом подпольного состояния партии — я это впервые слышу. Я мог бы привести бесчисленное множество случаев, когда наиболее точно и «строго» исполнялись постановления правомочных органов и центров именно в дни легального состояния партии. Разве в 1905 году могли иметь место безответственные выступления отдельных товарищей, как это делается теперь? Разве мы могли так игнорировать нашу товарищескую дисциплину прежде, как это так бесцеремонно позволяем себе теперь? Разве не этим славным началам нашей организации обязан тот успех и рост в массах нашей партии, о которых говорит т. Лазарев?

«В практике нашей партии, как пережиток подпольной организации, установился чуть ли не обычай исключать... с главной линией, установленной вождями», — говорит т. Лазарев. Никакого такого пережитка, как результата подполья, партия в прошлом не имела. И наша терпимость по отношению к левым с.р., максималистам, синдикалистам ни в каком отношении со «сталинизмом» не согласуется. Т. Лазарев, очевидно, имеет в виду факты, имевшие место в эмиграции после октябрьского переворота. Я не знаю конкретных обстоятельств этих фактов и не сочувствую «обычаю» исключать из партии товарищей за разногласия с «главной линией». Но если эти обстоятельства сходны с меморандумом-протестом против советских товаров в Америке за подписью наших ответственных товарищей вместе с графом Коковцевым ⁴ и ген. Миллером ⁵, то я понимаю возмущение вождей «главной линии», имевшей место лет десять тому назад в эмиграции. Наши смертники ⁶ писали X совету партии ⁷: «Сдавая вам

ныне ответственный пост, на котором вы призваны охранять старые революционные традиции партии и ее славное старое знамя, мы должны вам передать и наш пароль и лозунг: «с о ц и а л и з м и д е м о к р а т и я»». Ни ген. Миллер, ни бывший министр Коковцев, в борьбе с которыми мы похоронили немало славных товарищей, ни махровые монархисты, с которыми мы теперь делимся в своей скорби по поводу жертв террора в России, ничего общего с социализмом, ни с демократией не имеют. Поэтому я и говорю, что или надо бросить политическое сотрудничество с нашими бывшими и будущими врагами, или надо уйти из партии!!! Не думаю, что это элементарное требование является «полицейским надзором» за взглядами, мнениями, убеждениями товарищей. И все сказанное в этом духе т. Лазаревым считаю плодом недоразумения.

Основной вопрос, возбужденный на сегодняшнем собрании, это вопрос о морали. Я не говорил об особой социалистической морали, хотя и не отрицаю ее существование. Я говорил о нашей партийной морали и это постольку, поскольку она имела организационное значение в прошлом, причем я старался по мере возможностей придать конкретную форму этому понятию: я говорил о чрезмерной разборчивости ПСР в средствах борьбы в прошлом. Наша партия исходила из того, что «не все позволено», и что «цель не оправдывает средства». Вот основные начала нашей партийной морали. Такое понимание вытекает из миросозерцания и, если хотите, из х а р а к т е р а нашей партии. Наша мораль в корне расходится с пониманием партийной морали большевиков. Она была одной из основных предпосылок организационной системы, и ее обойти теперь, когда она прежде всего и больше всего нам нужна, я считаю неправильным. Конечно, я был далек от мысли заниматься здесь проповедью о морали. В этом смысле о ней не говорят, а только исполняют. Я говорил только о том, что было и что осталось в этой области теперь.

Здесь я заметил две крайности: мысль т. Архангельского сводится к тому, что мораль для организации если не все, то, во всяком случае, имеет превалирующее значение; с другой стороны, т. Постников полагает, что к организационному вопросу мораль отношения не имеет. И то, и другое я считаю неправильным. Если верно то, что одной проповедью о парт. морали дела не исправишь, то точно также одними формальными постановлениями никого ни в чем не обяжешь. Обе возможности следует учесть при конструкции нашей организационной системной работы. Я просмотрел почти все старые и новые уставы и постановления по организационному вопросу наших советов, съездов и конференций, и пришел к выводу, что такие кардинальные вопросы, как вопрос о дисциплине, о терпимости различных течений, о единстве партии, всецело базируются на определенном понимании этой партийной морали. Наши боевые организации действовали исключительно на основании «неписаных законов». С другой стороны, максималисты, левые с.р. и синдикалисты, невзирая на всю пропасть теоретических разногласий с партией — не были исключены, а сами ушли из нее. Но до тех пор, пока они оставались в партии, им были поставлены определенные организационные условия работы. Таким образом, и «писанные законы», и «неписанные законы» в нашей организации в равной степени имели решающее значение.

Переходя теперь к тезисам, я снова должен вернуться к предложенным поправкам и возражениям т. Лазарева. Я там нигде не говорил об особых «правах и власти партийного начальства», и такой вывод из предложенных здесь тезисов я считаю недоразумением. Но отрицать то, что в процессе координации конкретной работы местных, областных коллективов и органов, их обязанности создают также права, значит — признать начало анархизма в партии. «Казнить и миловать простую шпанку и инакомыслящих» — вряд ли кто собирается. Но указывать, направлять, руководить деятельностью всех в духе постановлений правомочных органов — является и правом и обязанностью партийной «власти». Иначе зачем же собираться, выносить резолюции и постановления и т.д.? Пусть каждый входит и выходит из партии как и когда ему это угодно, пусть каждый делает то, что сам найдет полезным для партии, а «местные группы выберут комитет для помощи и работе членов на местах»... Вопрос о том, куда поведет работа каждого и к чему приведет такой разброд в деятельности, в таком случае является второстепенным, так как «открытая политическая партия принадлежит к свободным и добровольным организациям, действующим по своим, свободно и добровольно принятым уставам, исключаящим какие бы то ни было насилия и наказания», говорит т. Лазарев.

Эти суждения, по своей сути граничащие с анархизмом, я решительно отвергаю. Отсюда и разница в оценке отдельных положений тезисов. Некоторые из поправок т. Лазарева носят редакционный характер. «Основные группы», конечно, могут быть названы «местными группами». Хотя первое выражение оттеняет демократичность конструкции нашей системы. Но с остальными поправками к отделу I тезисов согласиться невозможно. В прошлом году Харбинская организация обратилась к нам с вопросом, могут ли они за подписью партии выпускать листовки и делать выступления? Учитывая данное разваленное состояние центральных органов и существующий разброд в умонастроениях отдельных групп, на вопрос мы ответили отрицательно, отнюдь не ставя никаких условий для выступлений за подписью своей организации. Выбрасывать § 2 отдела I означает стать на противоположную точку зрения, с чем я согласиться не могу.

Поправки и выбрасывания §§ 3, 4, 5, 6 я решительно отклоняю. Т. Лазарев не учел то значение этих параграфов, которое тщательно проверено нашей практикой за последние 2 года. Я уже говорил о чрезвычайно важном значении местных или основных групп, которое еще более возросло после развала и бездеятельности верхов. В связи с этим возросла роль и значение местных комитетов, которые в деле руководства и самодеятельности местных групп должны будут теперь проявлять максимальную активность. Опыт нам показал, что без деятельной инициативы комитетов никакой работы члены на местах не ведут. Поэтому выбирать комитет только для «помощи» работе членов на местах — означает похоронить местные группы.

Говорить и доказывать, что эта работа на местах должна протекать в организованном порядке — не приходится. Поэтому в § 4 я говорю о недопустимости сепаратных выступлений, а в § 5 усматриваю некоторую ответственность за такие поступки. Я признаю несвойственную формулировку этих пунктов. Но ведь больше надеяться на такт и осмотрительность товарищей, направо и налево комп-

рометирующих партию сепаратными выступлениями, нельзя, так как печальная практика все еще продолжается, создавая среди нас невыносимую атмосферу разложения... С этой точки зрения я отклоняю предложение т. Лазарева по поводу отдела III об общественно-политической деятельности с.р. в эмиграции. Отвечать за дефекты или недостатки работ отдельных товарищей в этой области перед общественностью нам, с.р.-ам, приходится совместно. Поэтому допустима минимальная регламентация работы наших товарищей также и в этой области.

Характер поправок к разделу II о задачах ОК, предложенных т. Лазаревым, такой же, какими являются поправки о местных комитетах. Поэтому на них останавливаться не буду. Особо стоит вопрос о представительстве партии в Интернационале, которому т. Лазарев в своем слове уделил должное внимание. Вопрос сложный, и было бы полезно подвергнуть его обсуждению в особом порядке. Все старые и новые споры о ЗД т. Лазарев соединил с вопросом о представительстве партии и теперь выход усматривает в разрешении вопроса на съезде. Спор между частями ЗД тянется вот уже 4 года, и все об этом известно всем. Поэтому я коснулся вопроса только с точки зрения его практического разрешения. Пока не выяснится вопрос о судьбе развалившейся ЗД, о прерогативах ее, ОК, съезда ЗО, по вопросу о представительстве партии в интернационале — говорить было бы преждевременно, ибо наше несчастье заключается не в дефектах прежней конструкции их прав и обязанностей, а в людях, действовавших в ЗД, не сумевших сплотить вокруг себя партийную общественность. Это отнюдь не значит, что вопрос о представительстве партии в интернационале я связываю с бесконечным спором и дракой между частями ЗД, давно всем надоевшей, и в докладе я указывал на три выхода для разрешения вопроса, из которых наиболее возможным и осуществимым мне представляется Берлинское постановление комиссии Исполкома, которое т. Лазарев квалифицирует так: «самочинное соглашение Сухомлина и Минора». Дело дошло до Исполкома Интернационала не по вине тт. Сухомлина и Минора, и они были делегированы на собрание комиссии нами, чтобы защищать там наши позиции. Сам т. Лазарев с Бабушкой вместе через этих товарищей представили свои соображения по этому вопросу Интернационалу. Правда, эти соображения отрицали право Интернационала вмешиваться в наш внутрипартийный спор, но ведь ни Интернационал, ни тт. Сухомлин и Минор не возбуждали такого вопроса и вынуждены были только считаться с заключением комиссии, чтобы положить предел всей этой позорной истории. Берлинское соглашение для нас никакого обязательного значения не имеет. Мы можем его принять или отклонить, и если я теперь высказываюсь за это соглашение, то это делаю с полным сознанием невозможности разрешить вопрос другим путем. Я уже говорил, что обычный съезд ЗО не сможет разрешить вопроса, ибо другая часть ЗД будет отстаивать свою позицию, отрицая компетентность этого съезда в данном вопросе, на что у них имеется формальное основание, согласно положениям о ЗД и о представительстве партии. Созыв объединенного съезда, т.е. съезда с участием Черновской группы при данном взаимоотношении частей ЗД я считаю утопией. Следовательно, остается только Берлинское соглашение. Я понимаю все чувства горечи и возмущения т. Лазарева, но

перед необходимостью восстановления наших прав в Интернационале эти чувства должны быть откинута в сторону.

Что же касается поправок к § 3 в отделе IV и § 1 в разделе II, то против них я не возражаю, и дело комиссии принять или отвергнуть их. То же самое относится к двум поправкам т. Архангельского по поводу редакции двух параграфов тезисов в III разделе, где говорится «о чрезвычайном увлечении общественно-политической работой во вред работы для партии и о сотрудничестве с недемократическими кругами». Я, конечно, имею в виду политическое сотрудничество, а слово «чрезмерное» может быть заменено другим.

Выбирается комиссия для согласования тезисов в составе тт. Якушева, Маркова и Минахоряна.

Собрание закрывается в 8 час. вечера.

Тезисы

по докладу т. В.Г. Архангельского по вопросу:
«Идеологические основы демократического социализма
в понимании Социалистов-Революционеров»

1. Признавая наличность в историческом процессе причинной обусловленности социальных явлений, и не отрицая возможности уяснения основных тенденций дальнейшего развития человеческого общества, с.р. механическим и рационалистическим элементам марксизма противопоставляют волевые устремления человеческой индивидуальности к освобождению от гнета и эксплуатации.

2. Во имя идеала полного и всестороннего освобождения человечества от всех видов угнетения и порабощения и создания нового мира творческого труда, основанного на началах истины, социальной справедливости и общечеловеческой солидарности, с.р. стремятся под знаменем социализма объединить крестьянство, рабочий класс и интеллигенцию и создать из тройственного союза единого трудового класса могучую силу за политическое, экономическое, национальное, религиозное раскрепощение человеческого общества.

3. Замена современного буржуазного строя строем социалистическим — это вполне отчетливо определившаяся тенденция политического и экономического развития современной исторической эпохи. На смену классу, господствовавшему до сих пор над орудиями производства и потому державшему в своих руках судьбы народов, идет трудовой класс. Но торжество царства освобожденного труда и свободной личности наступит тогда, когда рабочее движение в хозяйственно-передовых странах сплотит около себя большинство населения.

4. Исходя из сознания общности интересов трех отрядов трудового класса (крестьянство, рабочие, трудовая интеллигенция), с.р. первым условием для дальнейшего продвижения к социалистическому строю трудовых классов считают организацию общей борьбы трудящихся для завоевания полного народовластия и защиты их прав на человеческое существование. Демократизм и социализм — две формы единого устремления трудящихся к освобождению от порабощения и гнета.

5. В качестве последователей демократического социализма, с.р. относятся с полным отрицанием к тем методам насилия и диктатуры, которыми обычно стремятся или ускорить исторический процесс

(большевики) или задержать его наступательное движение (фашисты). Социализм может быть только результатом творческой работы самих народных масс, методами демократии и на основе демократии, над созданием нового трудового права, нового государства, нового общества, новой морали, нового социального строя. Лозунг демократического социализма: **в с е д л я т р у д я щ и х с я и в с е ч е р е з т р у д я щ и е с я м а с с ы.**

6. Осуществление начал хозяйственного управления через представительство организованных представителей (профсоюзы), организованных потребителей (кооперативные союзы) и организованных граждан (демократическое государство) в лице парламента и органов самоуправления создаст, по мнению с.р., широкое поле для творческой работы трудовых масс над созданием трудовой социальной республики и расчистит почву для осуществления социализма.

7. Демократизация промышленности, т.е. переход от фабричного самодержавия капиталиста к системе фабричного конституционализма и через него к фабричной республике (социализация), равно как обобществление снизу, или кооперативизация дополняемого мерами муниципального социализма — вот, по мнению с.р., последовательные этапы осуществления демократическими методами социализма и освобождения мира труда от уз гнета и эксплуатации капитала.

8. Демократический социализм приводит к демократическому преодолению капитализма, к естественному исчезновению правящего меньшинства и бесправного большинства, к неизбежному устранению деления общества на отдельные классы, к внутреннему миру.

9. Привлечение под знамена демократического социализма трудовых классов всех стран является, по мнению с.р., естественным средством предупреждения войн путем давления трудовых классов на воюющие стороны и склонения их к разрешению вооруженных споров мирным путем. Демократический социализм — это международный мир.

Т е з и с ы

по докладу т. Николаева на тему
«Государственный строй России после большевиков»

1. Вопрос о государственно-политическом строе России после большевизма есть, в конечном счете, вопрос об установлении нормальных форм властных отношений в России.

2. Исторический порок государственной жизни России заключается именно в ненормальном развитии этих отношений, в неумении властвующих и подвластных установить равновесие в их взаимоотношениях, в преобладании тенденций к абсолютизации и гипертрофии, с одной стороны, и к умалению значения и порабощению, с другой стороны, что всегда влекло за собою развитие и укрепление в России деспотических форм власти и приниженность и рабскую покорность, перемежающуюся с «жестоким» и «бессмысленным бунтом» подвластных.

3. В соответствии с этим и политическая мысль России шла своеобразно раздвоенным путем. Аналогии абсолютической деспотической власти одних неизменно соответствовал безоглядный политический анархизм и нигилизм, сопровождаемый проповедью всеразру-

шающего бунта — других. Средний, между этими двумя крайностями путь жизни России есть явление последнего времени, и начала свои он едва ли имеет в национальной жизни России.

4. Эта двойная тенденция в развитии властных отношений в России послужила главным источником и основанием той мысли радикальных слоев России, которая формы государственной власти в России смешала и отождествила с природой вообще всякой государственной власти и нашла в этом оправдание для тех выводов, которые сводились к отрицанию не только государственной власти вообще, но и ценности и существования самого государства.

5. Эта, не столько обоснованная политическая теория, сколько политическое настроение, нашло себе якобы теоретическое обоснование в положениях раннего марксизма, встреченного в русских социалистических кругах без достаточной критической оценки в положениях, утверждающих взгляд на государство, как на организацию классового господства имущих над неимущими, как на институт, поддерживающий социальное неравенство и потому подлежащий сдаче в музей древности, подлежащий упразднению.

6. Партия с.р., относящаяся к утверждениям раннего марксизма в области экономической его доктрины со своеобразным скепсисом и критикой, почти целиком и без надлежащей проверки приняла политическую часть марксистской теории о государстве и усвоила полуанархическое представление о государстве, проглядев положительное значение и творческую деятельность современного государства и, в соответствии с этим, определила себе практическую программу, сводящуюся, в основном, к практике отрицания: свержению самодержавия и революционному преодолению современного капиталистического строя. Место для определения положительно-политической работы осталось в программе пустым.

7. Она (партия) не становила своего внимания на то, что современное государство имеет самостоятельное, самодовлеющее значение как особая форма социальной жизни, и имеет ему лишь свойственные, ему лишь посильные задачи: 1. Обеспечение внешней и внутренней безопасности нации и свободы индивидуумов, 2. Правотворчество и охрана права и правопорядка в стране и 3. Содействие культурному преуспейанию нации, удовлетворяя, таким образом, путем организованной планомерной деятельности индивидуальные национальные интересы и общечеловеческие солидарные интересы в направлении прогрессивного развития общества.

8. Не остановивши надлежащим образом своего внимания на творческой деятельности современного государства, партия, вместе с этим, недооценила также национально-культурное значение отдельного государства и увлеклась теорией интернационализма, умалив, а в некоторых случаях и пренебрегши национально-государственными интересами во имя абстрактных целей интернационализма.

9. Одновременно с этим партия решительно осудила и отвергла пути и формы исторического развития государственной жизни в России и стремилась водворить на место исторических форм властных отношений в России формы европейской политической организации и жизни в ее наиболее радикальных образцах, не задаваясь при этом вопросом о том, насколько эти последние соответствуют исторически национальным, географическим и экономическим особенностям России.

10. Исторический ход событий в России далеко не оправдал этих настроений и взглядов партии на государство, и ход развития современных государств мало дает надежд на оправдание и осуществление их в будущем.

11. Поэтому перед партией стоит неотложная задача радикального пересмотра ее теоретических взглядов на государство в направлении решительного отказа от прежних искусственно построенных и нежизненных схем, пересмотра ее понимания и оценки существа государства, его задач, прежних ее отношений к отечеству, и стать на путь безусловного признания самостоятельных творческих задач государства как надклассового национального единства и, в зависимости от этого, определить практическую политическую программу деятельности, положив во главу угла примат государства над классами и отдельными социальными группами, примат нации над интернационалом, примат интересов нации над интересами интернациональными.

12. Признание за государством этого значения обязывает и к признанию того положения, что государственная власть, которая практически осуществляет задачи государства — есть сила, призванная на служение обществу и имеющая неоспоримое право осуществлять задачи государства независимо от субъективной оценки ее действий отдельными индивидуумами, требуя от всех подвластных, пока она остается государственной властью и осуществляет право, беспрекословного подчинения ее распоряжениям.

13. Государственная власть есть сила, отданная на служение праву. Но она есть и право. Но т.к. сила без права есть насилие, так и право без силы не может осуществлять государственных задач. Это последнее решительно исключает все условные формы признания власти, и подчинение ей со стороны подданных изобличает всю глубину ошибочности формулы «постольку — поскольку», сыгравшей такую пагубную роль в февральской революции в России.

14. Но государственная власть, как сила, должна быть освящена и связана правом. Отсюда — верховенство права в государстве и правовая связанность в государстве. Этим определяется характер современного государства как государства правового, действующего согласно законам, связанного с законом в его административной и юрисдикционной функциях, в исполнении его обязательств и подчинения его наравне с простым гражданином решениям судебных властей.

15. Но сила государственной власти покоится не только на формальном праве, но и на доверии к ней подвластных. Это доверие проистекает не только из сознания законности действий государственной власти, но и из способа происхождения самой власти. Это обуславливает наибольшее доверие к той власти, которая имеет происхождение от самого народа, т.е к власти выборной, по происхождению демократической.

16. Правомерность действий власти, доверие к ней населения и, в конечном счете, успех в осуществлении социальных задач государства, состоит в зависимости и от форм и от организации власти. В этой области лучшим обеспечением суверенитета права в государстве является организация власти на принципе разделения функций законодательной, исполнительной и судебной с обеспечением для каждой из них независимости в определенной для каждой сферы деятельнос-

ти равенства их положения и значения в государственной жизни с обеспечением возможности взаимного их контроля, а также и сотрудничества в осуществлении национальных задач. Это разделение, независимость и равенство властей устраняет возможность фактического преобладания или диктатуры одной из них над другими, исключив возможности появления и торжества конвента, с одной стороны, или совнаркома, или фашистского министерства — с другой.

17. Необходимым следствием осуществления этого принципа является избрание на общих демократических началах как законодательного корпуса (одного или двух палат — безразлично), так и главы исполнительной власти — президента государства. Теоретическая правильность построения власти исключает назначаемость судей исполнительной властью и требует также выборности и высшего судебного органа.

18. Наблюдаемая в некоторых современных демократических государствах тенденция усиления нижней палаты за счет верхней, а также и за счет исполнительной власти (Англия, Франция), переходящая в некоторых случаях в прямое фактическое господство (Франция), кроющая переход к тирании, дает основание для признания целесообразности двухпалатной системы законодательного корпуса с равными законодательными правами.

19. Парламентарный режим неизбежно связывается с кабинетной системой организации министерства, т.е. министерства, составленного из большинства законодательного корпуса, призываемого главой исполнительной власти и политически солидарно ответственного перед парламентом.

20. Указанная в предшествующих положениях форма организации власти и форма властных отношений диктуется не только общими теоретическими положениями, но и всем ходом исторических судеб России: монархия потеряла в России всякие корни в народе; диктатура (черная или красная) заслужила справедливую ненависть в народе и народ осознает, что благосостояние его и России будет обеспечено лишь при его участии в организации власти и в определении судеб страны.

21. Теоретически, такой стране как Россия, с ее огромной территорией, с бесконечным разнообразием этнических, экономических, географических и др. особенностей, наиболее должна бы соответствовать максимальная децентрализация управления. Но задачи восстановления разрушенного хозяйства и всего правопорядка и отчасти опасности от резко развивающегося оттолкновения от России ее окраин и некоторых национальностей, — диктуют, по крайней мере в период восстановления государственности и хозяйства страны, наибольшего сосредоточения политической власти в руках единого центрального правительства.

22. Но политическая централизация вовсе не является препятствием для предоставления широкой культурной автономии национальностям России и широкого местного и областного самоуправления, с оставлением для будущего задачи максимального расширения прав национальностей и областей, доводя их вплоть до построения России на федеративных началах, не разрушая, однако, единства государства.

Таким образом, соображения, проистекающие из мысли об особенностях России и о путях нормального политического, социально-

го и культурного развития и благосостояния населяющих ее народов, рисуют Россию на другой день после падения большевицкой власти как унитарное демократическое государство с единой сильной политической властью, построенной на началах равенства и независимости законодательной и исполнительной властей, с парламентарным режимом, с централизованным в начале управлением, но с предоставлением широких возможностей для развития местного самоуправления и культурно-национальной автономии для входящих в состав Российского государства национальностей и областей.

(Окончание следует)

Примечания

1. II съезд заграничных организаций ПСР проходил в Париже 29 апреля — 6 мая 1928 года. На нем присутствовали 22 делегата, представлявшие 119 членов местных групп, без В.М. Чернова и членов созданного им в 1928 г. Заграничного Союза (ПСР).
2. «Воля России» — эмигрантское издание партии социалистов-революционеров, Прага. В 1920—1921 гг. — газета (вышло 327 номеров), с 1922 по 1932 гг. — журнал. Ред. В.И. Лебедев, М.Л. Слоним, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин, издатель Е.Е. Лазарев.
3. Мякотин (псевд. Рождественский) Венедикт Александрович (1867—1937) — историк, литератор. С 1906 г. один из лидеров Партии народных социалистов. С 1918 г. в эмиграции.
4. Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943) — граф, товарищ министра финансов (1896—1902 гг.). В 1904—1914 гг. министр финансов России (с перерывом 1905—1906 гг.). Одновременно в 1911—1914 гг. занимал пост председателя Совета министров. Член Государственного совета. В 1918 г. покинул Россию и обосновался во Франции, где и умер.
5. Миллер Евгений Карлович (1867—1937) — военный деятель. В 1892 г. окончил Академию Генштаба, служил военным атташе в европейских странах. Во время первой мировой войны был начальником штаба 5-й армии, командиром корпуса, дослужившись до звания генерал-лейтенанта. После февральской революции 1917 г. выступал против развала армии, выборности командиров, прекращения войны. После высадки интервентов на севере России стал генерал-губернатором и главнокомандующим войсками Сев. области, главным начальником края. В 1920 г., потерпев поражение от Красной Армии, бежал в Норвегию, затем во Францию, где стал ближайшим сотрудником П.Н. Врангеля и вел. князя Николая Николаевича. С 1930 г. возглавил «Русский общевоинский союз» (РОВС), объединивший эмигрантские военные организации во всех странах.
6. Имеются в виду члены ПСР, приговоренные на судебном процессе 1922 г. в Москве к смертной казни (члены ЦК ПСР М.Я. Гендельман, Л.Я. Герштейн, А.Р. Гоц, Д.Д. Донской, Н.Н. Иванов, М.А. Лихач, С.В. Морозов, Е.М. Ратнер и Е.М. Тимофеев, а также В.В. Агапов, А.И. Альтовский, Е.А. Иванова-Иранова). Подробнее см.: МОРОЗОВ К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): этика и тактика противоборства. М. 2005.
7. X Совет ПСР проходил в августе 1921 года.

О смысловой структуре понятия «история»

С.В. Рыбаков

Каждый, кто интересуется исторической тематикой, с той или иной мерой ясности осознает, что понятие «история» не сводится к одному-единственному значению и вбирает в себя широкий смысловой спектр.

Еще в глубокой древности слово «история» имело, как минимум, два смысловых слоя. Один из них вмещал в себя факты и события, имевшие место в реальной действительности, а другой касался их отражения в восприятии людей. Об осознании различий между этими смысловыми слоями свидетельствуют начальные строки первого масштабного исторического трактата — «Истории» Геродота: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности»¹. Этими словами автор, названный римлянами «отцом истории», обозначил разницу между получением сведений о прошлом и их изложением, проводя воображаемую черту, отделяющую историю реальную от истории повествовательной.

Понятно, что история реальная является первичной по отношению к истории повествовательной. Она являет собою самостоятельную данность, существующую независимо от субъективного восприятия знакомящихся с нею людей. Ни отдельный человек, ни человечество в целом не в силах отменить или существенно откорректировать то, что случилось тысячу, пятьсот, двести лет тому назад, возвратить события прошлого, изменить их ход, переиначить их последствия.

Однако люди могут познавать, обсуждать и оценивать эти сюжеты во всей их глубине и во всех подробностях, примерять к ним различные теоретические схемы. Это означает, что отраженная, пове-

Рыбаков Сергей Владимирович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета. Екатеринбург.

ствовательная история способна предстать перед человеком не только как механическая копия первичной реальности, но и как ее полифонический, многоцветный образ. Условиями для создания такого образа являются, во-первых, использование выразительных языковых средств, во-вторых, соединение исторических знаний с лучшими достижениями всего комплекса гуманитарных и общественных наук. Получается, что повествовательная история, передаваемая в форме хроник, летописей, научных трактатов, повестей и рассказов о минувших событиях, приобретает относительную автономию от истории реальной, существующей как объективная данность. Именно переданная, рассказанная история входит в коллективную память людских сообществ.

В истории нет абсолютно статичных явлений: все подвержено изменениям, происходящим с той или иной скоростью. Собственную эволюцию пережил и термин «история». В течение веков он впитывал в себя новые, дополнительные значения, связанные с разными сторонами накапливаемого людьми мировоззренческого и житейского опыта. Ныне понятие «история» является стереофоническим, многослойным. В его смысловой структуре нетрудно выделить несколько уровней.

Простая логика подсказывает, что начальный смысловой уровень понятия «история» связан с фактами. Язык истории — это, прежде всего, язык фактов. Они составляют органичную ткань реальной истории. Без них не может существовать и историческая наука, факты являются ее «первоэлементами» — аналогично слову в лингвистике, числу — в математике, атому — в химии и т.п. Ни одно историческое исследование не может обойтись без опоры на факты, без которых оно лишается предметного содержания и научного значения.

Будучи «микрочастицей» истории, факт, подобно ей, проявляется в двух ипостасях — реальном историческом явлении и его проекции, отраженной в человеческом сознании. Когда речь заходит о сложных, неоднозначных или недостаточно изученных явлениях, могут возникать расхождения между фактом реальным и фактом отраженным. Усилия историков и направлены на то, чтобы ликвидировать эти расхождения или хотя бы свести их к предельному минимуму.

В то же время ясно, что история не ограничивается лишь фактами. Изучая ее, мы не хотим ограничиваться лишь фиксацией или каталогизацией фактов. Нам интересны не столько взятые сами по себе, вылущенные из событийного контекста факты, сколько заключенный в них смысл и смысловые комбинации. Если в исторических сочинениях нет «пищи для ума», то эти сочинения мало кого могут увлечь.

Когда факты выстраиваются в логичный ряд, обретая при этом конкретное содержание, они превращаются в события. Те, в свою очередь, образуют событийные цепочки с определенной последовательностью, векторной направленностью, базирующейся на причинно-следственных связях и отражающей некоторые тенденции — история предстает связным потоком событий, наполненным сюжетным драматизмом и имеющим специфическую эмоциональную окраску.

Если события входят в человеческое сознание в бессистемном, разрозненном виде, то история дробится на отдельные фрагменты, а

ее общая логика скрадывается и затемняется. А если те же события воспринимаются взаимосвязанными, то они соединяются в единый процесс. Реальная история и есть процесс, ход развития, который не может быть статичным по определению. Понятия «история» и «исторический процесс» синонимичны. Реальная история напрямую связана с движением, динамикой, развитием. В ней отсутствуют неподвижность и статика, ее невозможно «законсервировать» в неизменном состоянии, в ней не бывает непреходимых границ между разными эпохами и периодами: все происходящее сливается в едином и непрерывном движении, не знающем ни внутренних границ, ни, тем более, остановок, точно так же, как не знает их время.

Другое дело — отраженная, повествовательная история. Ее, в отличие от реальной, первичной истории, крайне трудно представить без хронологии, без датировки событий, без деления на эпохи, периоды, этапы. В сознании человека, благодаря календарю, все события, произошедшие не только в «большой истории», но и в повседневной жизни, ассоциируются с определенными датами. Мировосприятие современного человека «хронологично». Повествовательная история отличается от истории реальной еще и тем, что она относительно легко поддается дискретности, разбивке на периоды, разделенные хронологическими границами.

Периодизация исторического процесса — это и есть определение границ между различными эпохами и циклами. Стало привычным, что всемирная история подразделяется на историю древнего мира, историю средних веков, новую и новейшую историю, хотя существуют и иные схемы периодизации. Собственную периодизацию имеет история той или иной страны, того или иного народа — порой опять же в различных вариациях. Можно предположить, что новые схемы будут предлагаться и впредь. Любая периодизация весьма условна и служит лишь удобным методическим инструментом для того, чтобы облегчить изучение истории.

Распределение исторического материала происходит не только по хронологическим, но и по пространственным параметрам: история может трактоваться и как всемирный процесс, и как ход развития отдельных цивилизаций, стран, регионов, народов, субкультур. Пространственный диапазон истории простирается от истории человечества до биографии отдельных персон. Исторический процесс может принимать вид не только макроистории, но и микроистории — неслучайно самый простой, безыскусный рассказ нередко называют «историей». Так, в словаре русского языка, составленном С.И. Ожеговым, среди прочих определений истории значатся «рассказ, повествование» и даже «происшествие, скандал»².

На ранних стадиях становления человеческих сообществ, в условиях бесписьменной передачи информации история входила в сознание людей как свод преданий, легенд, мифов. Знакомясь с историей посредством мифологии, люди населяли ее вымышленными персонажами, фантастическими образами, фантомными переживаниями. Позднее письменная культура стала постепенно вытеснять мифологию из сферы исторического познания, но полностью избавиться от нее так и не смогла. Будучи самой древней формой духовного бытия

человеческих сообществ, мифология и по сей день воздействует на людское восприятие истории, либо придавая ему иррационально-мистическую окраску, либо ограничивая его рамками клишированных стереотипов.

Мифы, легенды, сказания становятся фактами народного сознания, а значит — и частью исторической реальности. Изучая исторические источники, исследователи должны не забывать о толике здорового скептицизма и быть готовыми к встрече с мифами, с их прямым или косвенным влиянием, следами, отголосками. Исследователи не должны «стесняться» вопросов: а могло ли то или иное отображенное в источнике действие быть на самом деле? Такие вопросы и точные ответы на них помогают правильно реконструировать историческую реальность.

После возникновения письменности исторические сведения стали фиксироваться, появились хроники, анналы, летописи — повествовательная история если не приобрела полную достоверность, то сделала весомую заявку на нее. С течением времени исторические знания постепенно, но неуклонно продвигались в сторону научности, и сегодня мало кто возьмется оспаривать, что история — это наука. Более того, ее с полным основанием можно назвать точной наукой, ибо все события, которые она изучает, уже состоялись, и исследователям остается лишь внимательно всмотреться в их суть и осмыслить с точки зрения алгоритмов, по которым жила представленная ими эпоха.

И все-таки отождествлять историю исключительно с пройденными этапами, с событиями, оставшимися в прошлом, нужно с некоторыми оговорками. Речь идет о том, что жесткое «привязывание» истории исключительно к одной форме времени таит в себе некую методологическую «ловушку». Она «срабатывает» тогда, когда предпринимаются попытки контрастно разграничить прошлое и настоящее — по той же мерке, по которой разграничивают мертвое и живое. Механицизм в подходах к истории способен породить «моду» на сведение счетов с прошлым, на его полное, безжалостное развенчание. Если прошлое начинают воспринимать как нечто отжившее, неактуальное, отчужденное от настоящего и будущего, то под подозрение в отсутствии смысловой связи с этими формами времени, в неактуальности и невостребованности может попасть и сама история.

Историков интересует не абстрактно-умозрительная ретроспектива, а то в прошлом, что является источником практических знаний, «работает» на обобщение навыков социальной жизни и сохраняется в коллективной памяти человеческих сообществ. Такое прошлое не может быть мертвым. Если его «умертвить», тогда придется «умертвить» всю человеческую культуру, являющуюся не чем иным, как концентрированным опытом прошлого. Без опоры на этот опыт человек и общество существовать не могут.

Всякая система воспитания и образования, ориентированная на позитивные результаты, строится на усвоении уже имеющегося познавательного багажа, собранного предшествующими поколениями и ставшего главным общественным достоянием. Может ли быть успешным движение вперед без освоения наличного исторического опыта

— тех материальных и духовных ценностей, которые оставлены нам предшественниками?

Прошедшее не уходит бесследно. Оно напоминает о себе сложившимися до нас общественными отношениями, созданными до нас производственными комплексами, шедеврами литературы и живописи, памятниками архитектуры. Оно приходит к нам в виде ставших для нас привычными традиций и обычаев, кровных уз, языка, на котором мы общаемся. Человек не может «убежать» от своего прошлого. Не могут отказаться от своего прошлого и большие человеческие сообщества, страны, народы. Их история — это их коллективная память.

Обращение к прошлому обогащает жизнь людей, помогает им прояснить и укрепить самоидентификацию, нацеливает их на поиск своих корней, на осознание себя звеньями в непрерывной цепи поколений, в которой каждый имеет свое собственное место. Предки могут восприниматься человеком выразителями значимых для него заповедей, историческими персонажами, с которыми он связан генетическими и культурными узлами и вместе с которыми он через коридоры многовековой истории движется по направлению к вечности.

При механическом отождествлении истории с прошлым не учитывается такое свойство времени как постоянное перетекание из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее. Такое перетекание превращает историю в неразрывное единство прошлого, настоящего и будущего. Осознание этого единства создает основу для восприятия истории как процесса, никогда не теряющего своей актуальности, способствует пониманию того, что история — это действительность в ее развитии, движении, динамике. Это определение связано с реальным общественным бытием. Собственно говоря, история и есть сама жизнь в ее полноте и развитии, которая, будучи первичной по отношению к теоретическим построениям, противится безоговорочному подчинению им.

Такому подчинению противится и историческая наука. Она призвана быть зеркалом социального бытия, а одномерные детерминистские схемы искусственно сужают ее познавательные возможности. Представления о фатальной зависимости человека и общества от «железобетонных» социологических закономерностей приносят мало пользы и человеку, и обществу. Такие представления придают истории вид заведенного механизма, не зависящего от воли и устремлений людей, превращенных в заложников тех самых «закономерностей», чаще всего безличных и безликих. Историк и философ Г.В. Флоровский характеризовал прямолинейный детерминизм как враждебность к творческим возможностям человека, полагая, что он порождает «манию подчиненности» абстрактным законам истории, когда люди «не решаются быть самими собою и непременно хотят жить для чего-нибудь, чему-нибудь служить, во что-нибудь беспрекословно верить»³.

Под флагом «универсальных исторических законов» часто происходит фетишизация какой-то одной формы культурно-ментального опыта. Но социальные закономерности, существующие в недрах живой человеческой практики, не могут повторяться автомати-

чески, независимо от воли людей. Вдумчивое изучение истории не подтверждает мысли о predetermined автоматизме исторических процессов и приводит к выводу о том, что в центре их находится свободный нравственный выбор людей. В истории нет механической повторяемости событий, каждое из них несет на себе отблеск уникальности.

Доктринальные схемы, как бы ново и оригинально они не выглядели внешне, не в состоянии охватить и объяснить все многообразие исторического бытия. Любая схема истории беднее, чем сама история. При этом, разумеется, не существует никаких противопоказаний для создания теоретических моделей истории — их использование в методических целях бывает вполне уместным. Но если они отделены от ценностных ориентиров, то пользы от них немного.

Понятно, что исторические исследования не могут оставить без внимания общую логику социального развития, проявляющуюся главным образом в материальной сфере деятельности людей. При этом, однако, историческая наука не должна отворачиваться и от нематериальных сторон человеческого бытия, связанных с духовно-нравственными аспектами человеческого существования, с движением сознания. Изучение таких сфер общественной жизни как культура, наука, искусство, религия, идеология придает историческим знаниям особую глубину и насыщенность.

Современная наука признает, что образы сознания способны активно конструировать общественную реальность. Связь между бытием и сознанием обоюдна, а диалектика взаимоотношений между ними гораздо сложнее, чем их узкоматериалистическая схема. Вне развития научных и мировоззренческих идей, вне эволюции человеческой мысли пресекается развитие и внешних, материальных форм общественной жизни. Попытки опровергнуть это положение приводят к безнадежным абстракциям.

Существует прямая и непосредственная связь между изучением истории и развитием человеческого сознания. Развитому сознанию не нужны умозрительные теории, однако оно нуждается в цельном, непротиворечивом мировоззрении. Его выработке как нельзя лучше способствует глубокое и неформальное изучение истории. Интерес к прошедшим эпохам помогает проникнуть в их психологическую, ментальную атмосферу. Тогда история, по словам французского историка М. Блока, превращается во «встречу людей в веках»⁴, в смысловой диалог между поколениями, эпохами, культурами. Этот диалог настраивает на переживание драматургии прошедших веков, которое важнее педантичной инвентаризации фактов. Философ И.А. Ильин писал: «Судьбы народа скрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет его духовное естество: его силу, его дар, его призвание»⁵. Изучение истории и есть обращение к судьбам народов.

Возникающие иногда разговоры о том, что история лишена достаточной смысловой определенности, отражают непонимание самой сути понятия «история», неразрывно связанного с понятием «смысл»: история человеческих сообществ и появилась в процессе осмысления людьми всего происходящего. История — это смысловое поле, на ко-

тором люди ищут средства для преодоления хаотических тенденций, выступающих в самых разных обличьях. Чаще всего это преодоление происходит благодаря проверенным временем традициям, вековому духовному опыту.

Обновление исторической науки в ее нынешнем состоянии оказывается напрямую связано с обращением к традиционным ценностям. В этом нет логического парадокса, ибо изучение истории — это одна из немаловажных форм духовно-нравственной деятельности, задачей которой является освоение многовековых традиций, выражающих «связь времен», коммуникацию между поколениями. Традиции служат сохранению норм, присущих той или иной цивилизационной, социокультурной общности.

Нет никакой необходимости противопоставлять традиции новациям. Понятно, что если нет новаций, то нет и общественного развития, но столь же верно и другое: если нет традиций, то нет и общественной устойчивости. Главное назначение традиций сводится не к консервации прошлого, а к обеспечению единства между прошлым, настоящим и будущим. Благодаря традициям, народы, культуры, цивилизации остаются собой, несмотря на изменения, претерпеваемые ими во времени.

То, что называют «уроками истории», в значительной мере связано с поиском разумного соотношения между традициями и новациями. Эти «уроки» отнюдь не сводятся к набору менторских прописей. Рассуждения о том, что история будто бы «никогда никого ничему не учит», несут на себе печать плоской тривиальности. По-своему прав был В.О. Ключевский, который, откликаясь на такие рассуждения, писал: «История не учительница, а надзирательница, *magistra vitae*: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков»⁶. Можно добавить, что история ничему не учит только тех, кто не имеет желания погружаться в ее смысловые недра.

Историческая наука тоже должна учиться у истории. Этот тезис не содержит в себе никакого парадокса. Нуждается ли современная историческая наука в усвоении исторических уроков? Да, нуждается. И потому, что ей не позволительны статичная одномерность, неподвижное состояние «вещи в себе». И потому, что перед ней стоит задача окончательного преодоления негативного опыта, связанного с ее ролью и местом в системе общественно-научных дисциплин, существовавшей в советский период.

Созданная в 1920-е гг., та система имела вид номенклатурной пирамиды, где всем дисциплинам отводились строго определенные ниши, переходы между которыми были фактически заблокированы. История играла роль поставщика фактов для социально-теоретических схем, а полновесное теоретическое объяснение событий и процессов было отдано философии и политэкономии. Допустить сегодня возврат к чему-то подобному было бы крупной ошибкой, да и мало кто из историков готов согласиться с таким возвратом. Потенциал исторической науки позволяет ей успешно решать научно-исследовательские задачи любого масштаба, но для этого историкам следовало бы самостоятельно позаботиться о совершенствовании как теоретико-методологических принципов своих исследований, так и своего профессионального языка.

Самостоятельный статус исторической науки, кроме прочего, призван развеять бытующие в некоторой части общества неверные представления о ней, как о политизированной, конъюнктурной дисциплине, а об историках, как о людях, трактующих прошлое с позиций, удобных «сильным мира сего». Моральный авторитет исторической науки должен находиться вне подозрений.

Примечания

1. ГЕРОДОТ. История в девяти книгах. Л. 1972, с. 11.
2. ОЖЕГОВ С.И. Словарь русского языка. М. 1987, с. 209.
3. ФЛОРОВСКИЙ Г.В. Смысл истории и смысл жизни. В кн.: Русские философы: Антология. М. 1996, с. 207—211.
4. БЛОК М. Апология истории, или ремесло историка. М. 1986, с. 23.
5. ИЛЬИН И.А. О России. Собр. сочинений. Т. 6. Кн. 2. М. 1996, с. 19.
6. Тайны истории. М.П. Погодин, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский о пользе исторических знаний. М. 1994, с. 165.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Иван Иванович Мелиссино

В.В. Вяткин

В истории Московского университета множество блистательных имен. Особое место среди них занимает первый директор этого учебного заведения Иван Иванович Мелиссино (1718—1795).

Рожденный при Петре Великом, он умер при Екатерине Великой. Россия в то время преобразалась. Способствовал ее преобразению и сам Мелиссино.

Он принадлежал к знатному греческому православному роду. Его отец, будучи врачом, приехал в Россию при Петре I из Венеции, когда страна, встав на путь модернизации, нуждалась в грамотных кадрах, и ученый грек пришелся ко двору. Врач Мелиссино навсегда остался в нашей стране.

Иван Иванович родился в Риге, присоединенной к России в ходе Северной войны. Учился в привилегированном учебном заведении — Сухопутном кадетском корпусе, пробыв там с 1732 по 1740 год. Будущий писатель А.П. Сумароков стал его одноклассником. Выпускники корпуса нацеливались не только на военную, но и на гражданскую службу: в любом случае — на то, чтобы занять видное положение в обществе и государстве. Оттого особо ценились общеобразовательные предметы. Помимо прочего, преподавались рисование, риторика, танцы, этика, геральдика, французский, немецкий языки, латынь. При корпусе имелась богатая библиотека и маленькая картинная галерея. Объектом популяризации было и театральное искусство, интерес к которому в то время последовательно рос. В корпусе ставилась цель — с помощью гуманитарного образования формировать гармонично развитую личность.

Мелиссино имел исключительные познания в классических языках, французский и немецкий знал настолько хорошо, что мог свободно переводить тексты на русский язык и обратно. Он скрупулезно занимался наукой, признавшись позже в своем «усердии» «к столь полезному делу»¹.

Вяткин Валерий Викторович — кандидат исторических наук. Пермь.

В 1745 г. Мелиссино включили в комиссию для ревизии знаменитого петровского музея — Кунсткамеры и библиотеки Академии наук. А в следующем году он вернулся в родную для него Прибалтику, поступив на службу чиновником в канцелярию ревельского генерал-губернатора П. Гольштейн-Бека, известного, в частности, тем, что он являлся крестником Петра I. Довольно многое напоминало Мелиссино о великом монархе. Духом своим он был «птенцом гнезда Петрова».

Есть любопытное свидетельство о Ревеле тех лет. Побывав в нем в конце царствования Анны Иоанновны, итальянец Ф. Альгаротти утверждал: «Не позавидую тем, кто решится поискать в кафетериях Ревеля, как в Лондоне, газеты или политические листки» ². Для просветителя Мелиссино открывался непочатый край работы.

Замеченный основателем Московского университета И.И. Шуваловым ³, представленный им на балу императрице Елизавете Петровне, в 1757 г. Мелиссино стал директором недавно открытого университета, оставаясь на этом посту до 1763 года.

Продолжая дело М.В. Ломоносова и И.И. Шувалова, Мелиссино закладывал основы университетской жизни, порой идя непроторенными путями. Отцы-основатели университета являли впечатляющую образованность. Шувалова уже в ранние годы «всегда видели с книгой в руке» ⁴.

Считая себя ответственным за все стороны университетской жизни, Мелиссино усердно вникал в учебные программы, находя время и на контроль за домашней подготовкой подопечных. «Под покровительством вашим получил я просвещение» ⁵, — благодарил директора один из университетских выпускников. Учившийся при нем в университете И.Ф. Тимковский ⁶ писал о директоре: «Он был добр и любил науки. В собраниях, раздавая шпаги, дипломы, награды... свое приветствие заключал всегда латинскою сентенцией: *Qui proficit in litteris et deficit in moribus, plus deficit quam profici* (Кто богатеет в науках и скудеет в нравственности, тот больше скудеет, чем богатеет)...» ⁷.

Другой питомец университета писатель Д.И. Фонвизин тоже был очарован добротой Мелиссино: «Он и супруга его (Прасковья Владимировна. — *В.В.*) ⁸ имели смотрение за нами, как за детьми своими...» ⁹. По инициативе директора неимущие учащиеся получали бесплатные учебники. Заботился он и о здоровье студентов, их бытовых условиях: организовывал диетическое питание, сам подыскивал медиков, пекся об устройстве лазарета. То был гуманизм в действии, подлинно отеческое отношение к подопечным.

Летом 1757 г. и зимой 1759—1760 гг. директор представлял в Санкт-Петербурге Шувалову лучшую университетскую молодежь, достаивавшуюся позже «высочайших» наград.

Заботился Мелиссино и о религиозном аспекте формирования личности, хотя здесь могут быть разные точки зрения. Известно, что он «особо следил за религиозно-нравственным воспитанием... учащихся» ¹⁰, помня о роли православия в жизни страны. В июне 1757 г., обратившись в Московскую синодальную контору, он посетовал, что «университет... собственной церкви, как для слушания всем ученикам, так и для истолкования Катехизиса, не имеет...» ¹¹. Он просил

отдать университету «на время» здания двух близлежащих церквей, находившихся в бедственном состоянии и снабдить храмы «нужнейшими вещами», приложив соответствующий реестр. Дело пошло туго. В повторном обращении, посланном в июле, он подчеркнул, что «в церквях университету крайняя настояит надобность»¹². «Можно исправляться старою» утварью, — снизил он уровень притязаний, — «только бы при оных церквях... были определены» клирики, кому обещал жалованье и «неоскудное довольство» от университета¹³. Остается невыясненным, чем дело тогда закончилось. Можно лишь догадываться, что духовная бюрократия, являясь частью госаппарата, успешно похоронила ходатайство о церкви, как не раз поступала с другими инициативами и начинаниями.

Планов у Ивана Ивановича было множество. В конце 1750-х гг. подвижник Просвещения предложил открыть в Казани две гимназии: для дворян и разночинцев по типу тех гимназий, что действовали при Московском университете. В 1758 г. Сенат распорядился осуществить предложение Мелиссино. Тем не менее, главное его внимание он по-прежнему уделял Московскому университету.

Однако по воле императрицы Екатерины II, с университетом пришлось на время расстаться: его призвали на другую службу. Возвращение состоялось в 1771 г., чему он был несказанно рад. На этот раз Мелиссино стал куратором¹⁴. Перед этим назначением он написал императрице: «Прискорбно чувствительной душе быть бесполезным членом в роде смертных»¹⁵. Сказывалась его деятельная его натура.

Вступив в должность куратора, он поспешил создать при университете Благородный пансион, который расположился на Тверской улице. При пансионе существовали больничные покои. Под большой залой был устроен театр¹⁶. Университет воспринимался им не только как образовательное учреждение, но и как культурный центр. Разностороннее развитие учащихся он видел насущной задачей, претворяя в жизнь лучшее из того, что застал в Сухопутном корпусе.

К вопросу об университетской церкви, которой по-прежнему не было, пришлось вернуться еще раз. В 1784 г. к делу подключили весьма влиятельного человека — митрополита Платона (Левшина), занимавшего московскую архиерейскую кафедру. Но тот отказался от каких-либо действий до утверждения университетских штатов.

Из-за возникшей волокиты отношение Ивана Ивановича к духовенству, очевидно, ухудшилось. В этом плане Мелиссино не был исключением. Известно о неприязни к духовенству со стороны его великих современников — М.В. Ломоносова и В.Н. Татищева¹⁷. В 1757 г. Синод сделал доклад о так называемых «пасквилях» Ломоносова¹⁸, пытаясь лишить ученого права на свободомыслие.

Между тем, в 1787 г. секретарем при кураторе стал А.А. Прокопович-Антонский — выпускник духовной академии. В 1790 г. он сообщил Левшину, что «конфирмованный» план строений университета предполагает наличие храма. Однако проволочки продолжались. Левшин запросил мнение Московской духовной консистории, и лишь в апреле 1791 г., спустя 34 года после начала ходатайств, университетская церковь, названная Татьянинской, была открыта.

Трудности, возникшие в этом деле, парадоксальным образом работали на основополагающий принцип светского образования: уни-

верситетам требуются не церкви, а условия для научных изысканий. Религиозное обучение — отдельная стезя. Между тем, университетская церковь действует и ныне, противореча убеждениям Ломоносова, чье имя носит МГУ.

Университету Мелиссино посветил около тридцати лет своей жизни, имея к нему «чистейшую и усердную любовь и привязанность»¹⁹, о чем не устал повторять. В 1786 г. он признался Шувалову, что университетское служение составляет всю его «отраду, утеху и удовольствие». На другом месте он себя не мыслил. «Молю Создателя, чтобы Он... осчастливил мое намерение»²⁰ — служить просвещению юношества, — говорил он. Искренность Мелиссино не ставится под сомнение. Наряду с Ломоносовым и Шуваловым, имя его навсегда вписано в университетскую историю.

10 июня 1763 г. Мелиссино стал обер-прокурором Святейшего Правительствующего Синода, пробыв в этой должности свыше пяти лет²¹. Он получил чин действительного статского советника и удостоился оклада в 2000 руб. в год. Так подчеркнули растущий вес главного церковного чиновника, каким являлся синодальный обер-прокурор. В июле 1764 г. Мелиссино был включен в Комиссию о церковных имениях, приближавшую их секуляризацию. Екатерина II вела активную церковную политику, и просвещенные помощники ей были крайне нужны. К тому же Мелиссино был хорошо осведомлен о ситуации в стране, знал о конфликтах, вызываемых явным несовершенством церковной жизни. Ненависть народа к духовенству выплескивалась наружу — «дошла до ярости»²², — заявлял он в начале своего прокуратуры. И действительно, в канун секуляризации церковных имений восстания церковных крестьян стали массовыми.

Назначенный обер-прокурором накануне манифеста о секуляризации, он отличался антиклерикализмом, решительно выступал за намеченную секуляризацию, являясь европейски образованным человеком. Религиозная вера не мешала его передовым взглядам, что может вызвать определенное удивление.

Предначтения Петра I, в эпоху которого он и родился, Мелиссино никогда не забывал, называя великого монарха достойным вечной памяти²³. Именно такой обер-прокурор и требовался императрице, объявившей себя продолжательницей петровских начинаний. Часто обращаясь к Мелиссино с распоряжениями и рескриптами, она возлагала на него большие надежды, которые он обыкновенно оправдывал.

Одной из первых его забот стала синодальная канцелярия. Обер-прокурор стремился навести порядок в высшем церковном управле-

нии, которое было частью управления государственного. Очень скоро синодальный обер-секретарь и экзекутор получили его первый приказ. Экзекутор был нацелен «...над канцелярскими служителями строжайше смотреть, дабы оные в должности своей поступали исправно»²⁴. Он дал распоряжение: «До указного часа из канцелярии не отлучаться»²⁵. Свои требования к канцеляристам велел исполнять в «скорейшем времени». Из этих требований была составлена специальная ведомость. Альгаротти заметил: «...в этой деспотической империи (России. — В.В.) подлежит описи каждая мелочь»²⁶.

Но Мелиссино можно понять. Укрепление канцелярий было характерно для всей страны, где развивалось бюрократическое начало, привнесенное в государственную жизнь Петром I, с тем чтобы в дальнейшем Николай I заявил: «Россией правят столоначальники». Страна следовала петровским курсом, чему не противились даже монархи.

Переезд Синода из Москвы в Санкт-Петербург в 1763 г. потребовал дополнительного внимания Мелиссино к канцеляристам, кои слышали от него: «...нигде в проезде медление не чинить... чтобы добропорядочно ехали и нигде от команды не отлучались... никому никаких обид и непристойных поступков не чинили». Надзор за ними он поручил секретарям Синода, обязав их в случае вины подчиненных «штрафовать без послабления... брать под караул, и, прибыв в Санкт-Петербург, репортовать о том» ему²⁷. Распоряжения были даны и в отношении извозчиков, которым предстояло перевозить синодальные дела и казну. Мелиссино назначил сопровождающих, а о подготовке к переезду сообщил императрице²⁸, давая пример личной ответственности и прилежного исполнения долга.

При всех строгостях распоряжений и присущей ему принципиальности гуманист Мелиссино хранил способность к компромиссу и снисходительности к подчиненным. Так, например, синодальный чиновник экзекутор Алексей Веревкин попросил об отлучке при переезде в деревню своей жены (речь шла о небольшом отклонении от маршрута). Мелиссино согласился, при том, что именно экзекутору требовалось сопровождать при переезде документы и казну.

Внимание к канцелярии не ослабло и после перемещения на берега Невы, что было в духе той эпохи. Синодальных секретарей он тоже предупредил о возможности штрафов за неисполнительность. А прокурору Санкт-Петербургской синодальной конторы внушил, что «непременно... очень требовать будет», чтобы тот действовал по императорским указам, «Духовному регламенту» и прочим государственным узаконениям. Он ратовал за четкую констатацию обязанностей чиновников, следуя принципу «регулярности», ценимому в ту эпоху.

Но этого было мало. И в 1763 г., думая о рационализации делопроизводительной части, Мелиссино выразил надежду на отсутствие излишней переписки между Санкт-Петербургской конторой и Синодом. Секретарю же Синода, ради недопущения волокитства, велел представить реестры подлежащих рассмотрению дел. Напомнил он о себе и прокурору Московской конторы: «Сколько, каких окончено будет дел, пришлите ко мне экстракты»²⁹. И здесь заметно уже противостояние бюрократизму, подтверждающее мысль: деятельность незаурядного человека трудно вместить в определенную схему.

Тем временем приближалась секуляризация церковных имений, и в Московской конторе слышали требование Мелиссино прислать сведения о доходах архиерейских домов и монастырей, чем был продолжен труд его предместника обер-прокурора А.С. Козловского, также собиравшего сведения о доходах, и обеспечена преемственность в работе обер-прокуратуры, нацеленной на порядок и законность в церковной сфере.

В число сотрудников Мелиссино входил Г.А. Потёмкин, служивший при Синоде с 1763 по 1769 г. и считавшийся претендентом на обер-прокурорский пост. Он происходил из так называемой благочестивой семьи: некоторые его родственники избрали монашескую стезю. Духовные наклонности Потемкина также были очевидны. Он являлся автором любопытного произведения — «Канона вопиющих во грехах души ко Спасителю Господу». Не забывал Потёмкин и о благотворительности. Успенскому собору Московского кремля им была пожертвована золотая чаша³⁰ и полпуда золота³¹, он потрудился и над украшением гробниц похороненных в соборе митрополитов Петра, Алексия, Ионы и Филиппа³². Перед Православной церковью у Потёмкина было множество заслуг. Не случайно архиереи называли его «усерднейшим сыном»³³ церкви, «ревностным поборником за веру», «ревнителем православия»³⁴. А епископ Воронежский Тихон (Малинин) заявлял о «величайших благодеяниях» Потёмкина³⁵.

В указе императрицы о занятиях Потёмкина в духовном ведомстве говорилось: чтобы искал «всего того, что он к пользе своей за потребное найдет, навикал быть искусным и способным к сему месту... ежели впредь, смотря на его успехи, мы за благо усмотрим его определить к действительному по сему месту упражнению»³⁶. Успехи Потёмкина облегчали труд обер-прокурора, у которого было обилие синодальных дел. Но с решением вопроса об указанной секуляризации миссия Потёмкина в Синоде завершилась, что означало для Мелиссино потерю ценного сотрудника.

Вскоре после своего воцарения Екатерина II занялась проблемой церковного раскола, запретив уже в 1762 г. притеснения староверов. Императрице помог Мелиссино, подготовив в 1763 г. специальный трактат «Мысли о раскольниках и средствах обращения их». «Для общественного спокойствия и истинного блага империи» предлагался компромисс со староверами, приемлющими священство, — принять их предложения «с некоторыми... оговорками и условиями». Впервые, спустя сто лет после богослужебной реформы патриарха Никона, чиновник разумно заговорил о расколе, показав свою мудрость. Но прежде были интенсивные занятия по истории церкви. Выяснилось, насколько сложна проблема, как трагично церковное разделение. Мелиссино многое правильно понял, нашел главные причины трагедии. «Источник всего этого зла — невежество, — утверждал он в трактате... наше духовенство коснело в... невежестве; а оно — мать гордости, особенно в сановитых особах...»³⁷.

За редким исключением, духовенство оставалось таким и при Екатерине II. Антиклерикализм Мелиссино получил в трактате дальнейшее подтверждение: «...вместо того чтобы проповедовать народу, учить его и наставлять на ум или истину приличествующим тому и истинно христианским путем, пропитанное невежеством и пользуясь

слишком большой властью, вместо того чтобы относиться снисходительно, исполнилось гордыней», духовенство «вооружилось ненавистью и гневом и хотело возвратить на путь истинный своих бедных заблудших овец не пастырским посохом, но угрозами и пытками, и, свирепствуя над народом, за отсутствием света ходившем во тьме, заставляло его идти на ссылку и даже на смерть. Таким образом, это духовенство, вместо того чтобы обращать... утверждало (укореняло) его (народ. — В.В.) в заблуждении. Его безмерная строгость, подвергавшая народ унижению, бесчестью, потере имущества, жен, детей, а часто и жизни, вызвала... сопротивление со стороны заблудших... подала народу законный повод к недоверию и упорству».

Автор трактата предстает реалистом: «ревнителей старины» считает не группировкой, а частью российского народа. Наряду с невежеством и гордыней духовенства, корень зла видит в его чрезмерных полномочиях, ведущих к вопиющей несправедливости. Контроль светской власти над церковью находит целесообразным, а укрепление синодальной обер-прокуратуры объявляет насущной задачей, вытекающей из интересов страны.

Для врачевания раскола Мелиссино предложил конструктивные меры, сделав ставку на староверов, приемлющих священство: «...позволить им те обряды, которые не противны православию, равно как и старые книги». Революционно настроенный, он выступил за право староверов строить свои храмы, за то, чтобы им дали священников, служащих по старым обрядам. Но, учтя позицию иерархов, Мелиссино применил оговорку: священники те, принадлежа к официальной церкви, должны представлять своим епископам доклады о поведении «ревнителей старины». В этом сказалась гибкость его как политика.

Обер-прокурор предложил и временное освобождение от подушной подати тех, кто присоединится к официальному православию. Все это предполагалось при условии, что староверы дадут подписку «быть верными подданными». При установлении такого порядка вещей, верил Мелиссино, раскол постепенно исцелится, «взаимные обвинения прекратятся, равно как и ненависть, и вместо раздражения повсюду распространится тихое спокойствие...»³⁸. Но «тихое спокойствие» скорее относится к идеалам.

Как бы там ни было, появился проект, приближавший так называемое единоверие. Заслугу обер-прокурора трудно переоценить. Однако ее приписывают митрополиту Платону (Левшину), который «первый произвел сильное влияние на осуществление этой мысли в действительности...»³⁹. И все-таки мысль принадлежала Мелиссино, предложившему компромисс вместо запретов и жестокостей, за что ратовало тогдашнее духовенство, которое приходилось сдерживать.

Трактат чрезвычайно любопытен. Великодушие и гуманизм Мелиссино, что не было сокрыто от современников, имеют в нем разные доказательства: «Сверх упомянутого снисхождения им можно было бы сделать следующее: не называть их более раскольниками...» И действительно, оскорбительное именование староверов стало выходить из официального употребления.

Трактат Мелиссино стал ценной консультацией Екатерине II, взявшей курс на реализацию ряда положений трактата. Старообрядцы испытали временное облегчение, будучи обязанными во многом обер-

прокурору. В 1764 г., руководствуясь предложением Мелиссино, Синод предписал епархиальным архиереям освободить староверов, заключенных в монастырские тюрьмы, ради приобщения к официальной церкви. Духовенству запретили гнать «ревнителей старины». Не прожектерство, а рациональные продуманные меры — штрих к описанию настроя Мелиссино.

В отличие от большинства архиереев, он видел в старовере живого человека, входил в его мир. Идеи Мелиссино были конкретны и обоснованы. Выдвинутое им предложение было жизненно необходимо. Но ему противостояли иерархи, непримиримо настроенные к староверам. Вопреки духу христианства, в головах у них было одно: запрещать, не пускать, наказывать. Митрополит Филофей (Лещинский) даже предлагал: у «раскольщиков жилища разорить»⁴⁰. Обстановка была далеко не спокойной. Но, несмотря ни на что, гуманист Мелиссино не молчал, напоминая и о гуманизме императрицы.

Между тем продолжались синодальные будни. В 1764 г., при рассмотрении дела архимандрита Геннадия, когда встал вопрос о вызове в Синод свидетелей из Ростова, где служил архимандрит, Мелиссино заявил: «...великое бы неправосудие было забирать из Ростова... много число невинных людей, которым по столь дальнему пути немалое притеснение быть может». По его предложению в Ростов командировали обер-секретаря Синода Михаила Остолопова — изучить дело на месте⁴¹. Способность видеть простого человека проявилась и здесь. Можно подумать, что возглавляемая им обер-прокуратура не являлась частью деспотического государства, пренебрегавшего правами людей. Нет сомнений в том, что Мелиссино представлял собой новую генерацию государственных чиновников, воспитанных на идеях Просвещения. Но поприще его было не самым завидным — самодержавно-бюрократический аппарат. Назовем это трагедией Мелиссино, которую он вряд ли сам осознавал.

Наступил 1767 г. — время созыва екатерининской Уложенной комиссии. Когда Синод, подобно другим государственным структурам, оформлял наказ для своего депутата в комиссию, Мелиссино опять вернулся к проблеме раскола и предложил включить в наказ пункт о старообрядцах: «Для пресечения большего зла... не дозволить ли им публичные церкви иметь?»⁴². Можно лишь догадываться, какое удивление и протесты вызвала его инициатива в кругах духовенства.

Вполне очевидно — Мелиссино во многом опережал свое время. И можно *вывести его из эпохи*, как говорил Л.П. Карсавин⁴³, увидеть в большом временном пространстве. Проект его вновь претендовал оказаться в центре внимания. Мелиссино по-прежнему надеялся, что старые обряды разрешат, с тем, чтобы в храмах господствующей церкви, под наблюдением Синода стало возможно служить «по старине». Но трудно было рассчитывать на успех: просвещенность обер-прокурора столкнулась с обскурантизмом духовенства. Требовалась борьба, ставшая главным содержанием истории синодальной обер-прокуратуры. Собственно говоря, борьба нового со старым была лейтмотивом всей той эпохи.

Другие его «пункты» к составлению упомянутого наказа также проникнуты известным либерализмом, реформаторским настроением, и вряд ли Синод рассматривал их в официальном порядке. «Хотя,

кажется, — рассуждал о предложениях обер-прокурора автор XIX в., — не остались... без некоторой доли влияния при писании Наказа»⁴⁴.

«Пункты» имели форму вопросов, напоминая о царе Иване IV, который в 1551 г. вопрошал Стоглавый собор, о чем сведущий обер-прокурор, наверняка, знал. В «Пунктах» четко подчеркивалось: правительство желает одного — решать церковные дела исключительно законным путем. К числу принципиальных законников принадлежал и сам Мелиссино, чем синодалы вполне могли бы удовлетвориться.

Просвещенный обер-прокурор явил заинтересованность и в другом — очистить церковную жизнь от столь характерных ей суеверий и разглашений слухов о мнимых чудесах (по мнению Мелиссино, их число достигало критической величины). Многочисленные церковные праздники, мешавшие трудовому настрою народа, он считал помехой развитию страны, поставленной Петром I на путь модернизации. Поучение народа он считал более насущным, чем разнообразные обряды. Материальную поддержку талантливых проповедников считал более важным делом, чем содержание сотен монастырей, на которые шли огромные суммы из казны. Заботясь о народе, он ратовал за то, чтобы у духовенства было меньше возможностей вымогать и без того скудные народные средства. «Пункты» подтвердили его компетентность, знание «Священного писания», «Кормчей книги», «Духовного регламента», указов и распоряжений высшей власти. Таковым знатоком он и был на самом деле. Не случайно Екатерина II часто прибегала к его консультациям по церковным вопросам.

13 сентября 1767 г., в сопровождении представителей высшего духовенства, Мелиссино побывал на заседании Дирекционной подкомиссии. «К удовольствию духовенства»⁴⁵, да и самого Мелиссино, генерал-прокурор Сената А.А. Вяземский познакомил гостей с другими подкомиссиями. Наибольший интерес обер-прокурора вызвала подкомиссия по церковным вопросам. Он жаждал оздоровления церкви, установления в ней высокого проповедничества.

Ни одно событие, значимое для церковной жизни, не должно было обходить его стороной. Когда в 1767 г., по воле Екатерины II, готовился перевод бывшего митрополита Арсения (Мацеевича), уже невольника, в Ревель, под рукой у императрицы был Мелиссино, имевший опыт ревельского служения.

Раз за разом он выступал с оригинальными ценными предложениями, созвучными нуждам времени. В 1768 г. Мелиссино коснулся судьбы имущества закрытых монастырей (каковых тогда было множество), обратившись 16 января к Синоду: «Как в упраздненных монастырях сверх церквей Божиих имеются кельи, ограды и прочее строение, которое поныне в наличности ли против учиненных от духовных консисторий описей состоит, или что из того и каким случаем выбыло, обстоятельного известия в Святейшем Синоде не имеется. Того ради Святейшему Синоду предлагаю, дабы благоволено было... великороссийских епархий к преосвященным архиереям подтвердить указами, чтобы об упомянутом в упраздненных монастырях строении в самоскорейшем времени обстоятельные были присланы в Синод известия с точным и достоверным замечанием, какое именно в упраздненных монастырях церковное и прочее всякое строение, так-

же и церковная утварь, имелись, и из того поныне против описей не употреблено-ль чего куда и почему. А естли паче чаяния была чему продажа, то по какому указу и каким порядком, и взятые деньги куда именно отосланы или кем удержаны, и с запиской ли в каковой приход и когда, или без записки, и естли без записки, то для чего?»⁴⁶.

Уже 21 января Синод определил «о присылке вышеозначенного известия». Но 3 октября должен был признать, что обстоятельные ведомости присланы только из девяти епархий. Синоду пришлось конкретизировать требования: «1. Сколько в котором монастыре какого строения каменного и деревянного, и оное строение в каком употреблении годно иль негодно, и зачем именно? 2. О церковной утвари и ризницах, сколько оной в каждом монастыре порознь... что надлежит для хранения собрать в ризницы архиерейских домов?... никуда до указа в расход не употреблять...»⁴⁷. Дело, инициированное Мелиссино, показало, как мало порядка и ответственности в церковной среде. Усиление прокурорского контроля над ней оправдывалось, принципиальность обер-прокурора оказывалась все более актуальной, вмешательство его в церковную жизнь виделось целесообразным.

Даже такие мелочи, как пострижение в монашество, порой не обходили его стороной. Получив рапорт из Московской синодальной конторы о необходимости посвящения в монахи трех отставных военных, обер-прокурор Мелиссино доложил о том Екатерине. Дело несколько затянулось. И он информировал контору: «...высочайшего повеления еще не получил»⁴⁸. Он был заложником тогдашней административной системы, которая ограничивала его возможности.

Как бы там ни было, работа в синодальном ведомстве не затмевала забот о просвещении молодежи. По предложению Мелиссино, Синод отправил в университеты Оксфорда и Кембриджа группу способнейших семинаристов, которым предстояло изучать на Западе и богословие, и восточные языки, стать европейски образованными людьми, в каких Россия испытывала потребность.

Видя укрепление обер-прокуратуры, «Синод был вынужден подчиняться ее влиянию и исполнять ее предложения даже в тех случаях, когда Мелиссино затрагивал самые существенные интересы духовного ведомства»⁴⁹, — согласился с профессором Ф.В. Благовидовым другой дореволюционный автор.

Именно Мелиссино убедил синодалов в необходимости расчленив Синод на две структуры — Санкт-Петербургскую и Московскую. Но императрица проект не утвердила: всплыло противоречие принципу централизации власти. Однако обер-прокурор не хотел «разделять и властвовать», он хотел иного — приблизить центральную церковную власть к епархиям, чтобы насущные проблемы решались быстрее, хотел большего порядка в церковном управлении. Но, заметил один дореволюционный исследователь, «совершенно искоренить беспорядки Мелиссино не удалось»⁵⁰ — генезис синодальной системы еще не приблизился к своему логическому завершению.

Сторонник секуляризации церковных имений, он инициировал ее проведение и в Малороссии, понимая, сколь тяжким злом служит церковное крепостное право, как страдают крестьяне, попав под гнет церковных феодалов. Как раз под влиянием Мелиссино Синод пред-

ставил Екатерине доклад о важности распространения секуляризации вширь. Но вопрос был решен уже после его отставки.

Есть пример контактов Мелиссино с местной властью. Так, например, получив от сибирского губернатора Д.И. Чичерина жалобу на митрополита Тобольского Павла (Конюшкевича), Мелиссино настоял на создании комиссии по расследованию злоупотреблений архиерея, чье дело Синод старательно затягивал. Комиссия предложила сместить митрополита с кафедры, что вскоре и было осуществлено⁵¹. Жестких репрессивных мер, столь характерных для того века, не потребовались: Конюшкевича поместили в один из монастырей.

Наряду с гуманным подходом, здесь проявился и патриотизм Мелиссино, думавшего о процветании России благодаря, в том числе, выдвижению лучших кадров. «Возбужденным в своем патриотическом усердии»⁵² застал его однажды известный западный философ Ф.-М. Гримм. Своего настроения Мелиссино не скрывал, признавшись как-то, что «стараться для Отечества сколь похвально, столь и приятно»⁵³.

Вывод о неуважении Мелиссино духовенством будет поспешным. Именно к нему обратился в 1768 г. один из лучших архиереев тех лет епископ Могилевский Георгий (Конисский), прося передать императрице разработанный им проект о мерах по обращению униатов в православие⁵⁴. А ведь с ней контактировали и синодальные иерархи, к которым и мог обратиться епископ. Более того, Мелиссино инициировал отмену телесных наказаний для клира. Вместо них предложил церковные наказания — епитимьи⁵⁵. Уже одно это должно вызвать благодарные чувства у духовенства к Мелиссино.

Стоит отметить и некоторые протестантские наклонности обер-прокурора, выразившиеся в его критическом отношении к постам и обрядам, что обнажилось в упомянутых «пунктах». Порой он выступал весьма категорично: «Но есть ли у народа разум? И пользуется ли он им, в частности, когда дело идет о религии?». Обер-прокурор Мелиссино внушал императрице: фанатизм есть «источник тысячи несчастий и самых ужасных бедствий»⁵⁶. Он считал религиозный фанатизм препятствием на пути развития страны. Его вдумчивое осторожное отношение к религии подавало пример современным функционерам, выстраивающим государственно-церковные отношения.

Но идейную позицию Мелиссино, его отношение к православию не проиллюстрируешь одними лишь «пунктами». В 1772 г., будучи куратором университета, он отдал в Синодальную контору на отзыв первую часть «Словаря Академии Российской»⁵⁷, составленного при его активном участии. Цензоры — архимандрит Феофилакт (Горский) и иеромонах Амвросий (Серебренников)⁵⁸ — заключили, что в «Словаре» нет «противностей... Церкви»⁵⁹, ее установлениям и канонам.

Однако к самым либеральным кругам Мелиссино нельзя причислить. Издатель «Русского архива» П.И. Бартенев называл его «антагонистом масонов»⁶⁰⁶¹. Суждения о его вольнодумстве были преувеличены и исходили от архиереев, недовольных наступлением на их имущественные и иерархические интересы, что наблюдалось в годы пребывания Мелиссино в Синоде. Он был не раз оклеветан, как и ряд других синодальных обер-прокуроров.

Университетом и Синодом деятельность Мелиссино не исчерпалась. Круг его забот и интересов был масштабен. Вклад его в культуру трудно переоценить. В 1756 г. он основал «Московские ведомости» — одну из старейших русских газет, в 1790 г. — «Политический журнал», издававшийся в Гамбурге. В числе его детищ — «Вольное Российское собрание при Московском университете»⁶², созданное для обогащения словесности новыми отечественными сочинениями и переводами иностранных текстов. Российским авторам он помогал печататься, опекал их, как, к примеру, И.Ф. Богдановича⁶³.

Неизменной его визитной карточкой была высокая образованность и разнообразные таланты. Постепенно росла известность его научных трудов. В 1783 г. он был принят в члены Императорской Российской академии, с которой активно сотрудничал, координируя работу ее московских членов. При этом учитывал церковный календарь, не созывая собрания в значимые для церкви дни, как, например, на первой неделе «великого поста»⁶⁴. Он был одновременно и передовым человеком, и сыном своей эпохи. Понятно, что здесь таилось противоречие, которое ему обыкновенно удавалось разрешить, преодолевая многочисленные, порой мучительные, трудности, связанные с российскими реалиями тех лет.

Любовь к наукам он совмещал с незаурядной восприимчивостью к красоте, что роднило его с Ломоносовым и другими корифеями XVIII века. Он владел ценной коллекцией западноевропейской живописи, в том числе картинами таких мэтров, как Ж.-Б. Грез. Он интересовался театральным искусством, собираясь открыть новый театр в Москве, что восстанавливало против него духовенство, отрицавшее театр в силу церковных канонов. Но он не устал пропагандировать прекрасное, расширяя круг своих друзей и единомышленников. В доме Ивана Ивановича часто собирались ученые и писатели.

Ф.-М. Grimm однажды восхищался: Мелиссино «был так добр, что сделал для меня по-немецки очерк эмблем и надписей...»⁶⁵. Примерно о том же говорил И.М. Долгорукий⁶⁶: «...старик почтенный, которого милости я обязан помнить всегда... Осталось одно воспоминание об его покровительстве и снисхождении»⁶⁷. Е.Р. Дашкова, встретившись в 1780 г. в Брюсселе с соотечественниками, выделила другие достоинства Мелиссино: «По-настоящему я была рада видеть одного лишь старика Мелиссино... всегда любезного в обхождении, с чудесным характером...»⁶⁸.

Стоит отметить и его высокие нравственные качества. Не случайно опекунство над Воспитательным домом в Москве доверили именно Меллисино.

Он был причастен ко многим начинаниям своей эпохи, демонстрируя достоинства российской интеллигенции, пользу мирян в церковном управлении, таланты подвижников Просвещения, их настоящий гуманизм и немалый труд на пользу Отечества.

Это был выдающийся человек. Но тем, кто изучает прошлое, он, к сожалению, мало известен, ведь эпоха Мелиссино далеко еще не исследована, а что до церковной истории, то она пока что — *terra incognita*.

23 марта (5 апреля) 1795 г. тайный советник И.И. Мелиссино ушел из жизни, оставив после себя множество значимых дел и начи-

наний. На его кончину М.Л. Магницкий ⁶⁹ сочинил «Печальную песнь...» ⁷⁰. В память о нем в селе Константиново под Москвой его супруга Прасковья Владимировна поставила Троицкий храм, как бы напомнив, что утверждение высокого и вечного было главным в жизни Мелиссино. Под алтарем этого храма ⁷¹ он и упокоился.

Заканчивалось правление Екатерины II — истекло время ее фаворитов. И потому кто-то подумает: он умер своевременно. Как бы там ни было, смерть Мелиссино стала потерей для страны, ведь, сверх всего, он оставил и яркий человеческий след.

Примечания

1. И.И. Мелиссино — Е.Р. Дашковой, 19 октября 1783 г. КОСТИН А.А., МАЛЫШЕВ А.А. Московский член Российской академии И.И. Мелиссино (по материалам переписки). В кн.: Российская академия (1783—1841): язык и литература в России на рубеже XVIII—XIX веков. СПб. 2009, с. 73.
2. АЛЬГАРОТТИ Ф. Русские путешествия: Письма о России. СПб. 2006, с. 50.
3. 1727—1797.
4. Екатерина II. Собственноручные записки императрицы. СПб. 2014, с. 97.
5. Д.И. Фонвизин — И.И. Мелиссино, 8 июля 1784 г. http://az.lib.ru/f/fonwizin_p_i/text_0030.shtml.
6. Профессор Императорского Харьковского университета.
7. ТИМКОВСКИЙ И.Ф. Записки. В кн.: Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). М. 1989, с. 40.
8. Урожденная Долгорукова.
9. ФОНВИЗИН Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях. Московский университет..., с. 50.
10. КОСТИН А.А., МАЛЫШЕВ А.А. Ук. соч., с. 70.
11. Цит. по: РОЗАНОВ Н.П. О Татианинской церкви при Московском университете. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). 1869, кн. 1, отд. V, с. 31—32.
12. Там же, с. 32.
13. Там же.
14. Первым куратором являлся И.И. Шувалов.
15. И.И. Мелиссино — Екатерине II. ЧОИДР. 1867, кн. 3, отд. V, с. 107.
16. Из рапорта П.И. Голенищева-Кутузова московскому генерал-губернатору И.П. Салтыкову, 5 ноября 1800 г. ЧОИДР. 1901, кн. 1, отд. IV, с. 9.
17. ЛАСКИН НИКОЛАЙ. Взаимоотношения церковной и государственной власти в России в царствование императрицы Екатерины II и Павла I. Курсовое сочинение студента IV курса Петроградской духовной академии. 1917. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 573, оп. 2, ч. 1, ед. хр. 108, л. 17.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 18, оп. 1, д. 178.
19. И.И. Мелиссино — И.И. Шувалову, 27 апреля 1786 г. ЧОИДР. 1867, кн. 3, отд. V, с. 110.
20. И.И. Мелиссино — И.И. Шувалову, 27 апреля 1786 г. Там же, с. 109.
21. До 24 октября 1768 года.
22. Акты, относящиеся к истории раскола в XVIII столетии. Сообщены Е.В. Барсовым. ЧОИДР. 1889, кн. 2, отд. V, с. 12.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 797, оп. 1, д. 466, л. 15.
24. Там же, д. 460, л. 8об., 13.
25. Там же, л. 10об.
26. АЛЬГАРОТТИ Ф. Ук. соч., с. 89.
27. РГИА, ф. 797, оп. 1, д. 466, л. 14—14об.
28. Там же, д. 467, л. 1.
29. Там же, д. 460, л. 9—9об., 12об.

30. Сведения о службе по синодальному управлению князя Г.А. Потёмкина-Таврического. Записки Императорского Одесского общества истории и древностей (ЗИООИД), 1883, т. XIII, отд. II, с. 188.
31. АЛЕКСАНДРОВ Г. Приношение князя Потёмкина в Успенский собор в Москве. — Русский архив (РА), 1911, № 10, с. 243.
32. Сведения о службе..., с. 188.
33. Речь архиепископа Екатеринославского Амвросия (Серебренникова) при отпевании Г.А. Потёмкина, 13 октября 1791 г. ЗИООИД, 1853, т. III, отд. III, с. 564.
34. Там же, отд. II, с. 560.
35. Тихон (Малинин), епископ — Г.А. Потёмкину, 16 января 1781 г. РА. 1911, № 8.
36. Именной указ Екатерины II о занятиях Г.А. Потёмкина в Синоде. РГИА, ф. 796, оп. 44, д. 383, л. 1.
37. Акты...ЧОИДР. 1889, кн. 2, отд. V, с. 12.
38. Там же, с. 10—17.
39. СМИРНОВ П.С. Отзыв на книгу: ЛЫСОГОРСКИЙ Н.В. Московский митрополит Платон Левшин как противораскольнический деятель. — Записки Императорской Академии наук. 1910, т. X, № 2, с. 173.
40. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). ЧОИДР. 1900, кн. 3, отд. III, с. 53.
41. РГИА, ф. 796, оп. 45, д. 324, л. 71.
42. Святейшему Правительствующему Синоду действительного статского советника и обер-прокурора И.И. Мелиссино предложение. ЧОИДР. 1871, кн. 3, отд. V, с. 115.
43. КАРСАВИН Л.П. Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках. — Записки историко-филологического факультета Петроградского университета. 1915, ч. СХХV, с. 9.
44. ПРИЛЕЖАЕВ Е.М. Наказ и пункты депутату от Св. Синода в Екатерининскую комиссию о сочинении проекта нового Уложения. — Христианское чтение. 1876, № 9—10, с. 227.
45. ФЛОРОВСКИЙ А.В. Состав законодательной Комиссии 1767—1774 гг. — Записки Императорского Новороссийского университета. 1915, вып. X, с. 75.
46. Предложение Святейшему Синоду обер-прокурора И.И. Мелиссино, 16 января 1768 г. — Сборник Новгородского общества любителей древности. 1911, вып. V, с. 3.
47. Там же.
48. РГИА, ф. 797, оп. 1, д. 460, л. 10.
49. СМIRНОВ С.И. Рецензия на книгу: БЛАГОВИДОВ Ф.В. Обер-прокуроры Св. Синода в XVIII и первой половине XIX столетия. Казань. 1899. — Богословский вестник. 1900, т. III, № 9, с. 155.
50. ОРНАТСКИЙ АЛЕКСЕЙ. Обер-прокурорская власть в Св. Синоде во времена Екатерины II. Курсовое сочинение студента IV курса Санкт-Петербургской духовной академии. 1913. ОР РНБ, ф. 573, оп. 2, ч. 2, ед. хр. 158, л. 32.
51. Павел (Конюшкович), митрополит Тобольский (1758—1768 гг.) Заметки по поводу новых о нем материалов. — Русская старина. 1892, март, с. 697—705.
52. Ф.-М. Гримм — Екатерине II, 23 апреля 1781 г. Сборник Императорского Русского исторического общества (СИРИО). Т. 33. СПб. 1881, с. 156.
53. И.И. Мелиссино — Е.Р. Дашковой, 19 октября 1783 г. КОСТИН А.А., МАЛЫШЕВ А.А. Ук. соч., с. 73.
54. ГОВОРСКИЙ К.А. Взгляд на состояние униатской Церкви в Белоруссии со времени возвращения этой страны к России. — Вестник Юго-Западной и Западной России: историко-литературный журнал. 1864, февраль, т. III, отд. II, с. 93.
55. РГИА, ф. 796, оп. 48, д. 21, л. 12.
56. Акты..., с. 10, 12.
57. Толковый словарь русского языка; издавался в Санкт-Петербурге в 1789—1794 годах.
58. Оба относились к наиболее образованной части духовенства.
59. СКВОРЦОВ НИКОЛАЙ, протоиерей. Архив Московской Св. Синода конторы: материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. ЧОИДР. 1914, кн. 4, с. 373.

60. Хотя надо заметить: в литературе встречаются заявления о принадлежности к масонам и самого Мелиссино. Но это не умаляет авторитетность слов Бартенева. Масоном был П.И. Мелиссино, и можно предполагать путаницу.
61. Примечание П.И. Бартенева к «Записке о крамоле врагов России». — РА. 1868, № 9, стб. 1331.
62. Своего рода литературное общество.
63. 1743/44—1803, русский поэт.
64. И.И. Мелиссино — И.И. Лепехину, 19 февраля 1784 г. КОСТИН А.А., МАЛЫШЕВ А.А. Ук. соч., с. 75.
65. Ф.-М. Гримм — Екатерине II, 23 апреля 1781 г. СИРИО. Т. 33. СПб. 1881, с. 156.
66. 1764—1823, выпускник Московского университета, государственный деятель.
67. ДОЛГОРУКИЙ И.М. Капище моего сердца. ЧОИДР. 1872, кн. 3, отд. II, с. 38.
68. Записки Е.Р. Дашковой. Письма сестер Вильмонт из России. М. 1991, с. 140.
69. 1778—1844, воспитанник Благородного пансиона при Московском университете, выпускник университета, государственный деятель и литератор.
70. МАГНИЦКИЙ М.Л. Печальна песня на кончину его превосходительства господина тайного советника Императорского Московского университета куратора... И.И. Мелиссино. М. 1795.
71. Под алтарем Иоанно-Предтеченского придела.

Казус Засулич

Ю.А. Пелевин

Демонстрация-панихида. После беспрецедентного суда присяжных накал общественного недовольства усиливался. Для интеллигентских образованных кругов в казусе Засулич проявились язвы русской жизни: с одной стороны, бюрократическое управление и произвол сопричастников царской власти, а с другой, — бесправие и безгласность подданных российской империи. Стала очевидна недовершенность преобразований Александра II.

В день оправдания Засулич, по убеждению Аптекмана, «русское общество впервые показало, что оно может не бояться открыто заявлять свои желания и симпатии»¹. В подпольной прокламации говорилось, что происходит «только начало, только первый самостоятельный шаг ребенка — нашего общества. Если бы оно обладало большим запасом гражданского мужества и имело более гражданского развития, 31 марта кончилось баррикадами»².

Антиправительственные настроения распространились, главным образом, среди студенчества и либеральной разночинской интеллигенции. «Чересчур мирная тактика, — писал Русанов, — шла вразрез со все более и более боевым настроением, овладевшим тогда русской молодежью отчасти заражавшим, хотя и в смягченной форме, даже русское общество... Революционное чувство в молодежи и фрондирующее настроение в обществе вспыхнули ярким пламенем»³. Лев Дейч также констатировал: «Оправдание присяжными заседателями Веры Засулич вызвало, как известно, всеобщий восторг и ликование. Вместе с тем, это совершенно неожиданное событие до невероятных пределов подняло в обществе престиж решительных, неустрашимых борцов: вчерашние ярые их противники, не находившие слов для выражения своего негодования против «сумасбродных отщепенцев», после оправдания В. Засулич рассыпались в похвалах по адресу «нашей чуткой, самоотверженной молодежи»⁴. «Со времени выстрела Веры Засулич, — писал Николай Морозов, — русское общество, каза-

Окончание. Начало см.: Вопросы истории. 2015. № 1—3.

лось, воспрянуло от своего непробудного сна. Отзывчивая, как всегда, учащаяся молодежь заволновалась во всех учебных заведениях»⁵.

«Оправдательный вердикт присяжных довел общий восторг до кипения»⁶, — вспоминал Короленко. По его оценке, дело Засулич было таким событием, которое «хоть на время изменяет установившееся соотношение сил». «Казалось, начинается какое-то слияние революционных течений с широкими стремлениями общества»⁷. «Свобода в Петербурге, — отмечает Тихомиров, — наступила необычайная. Сходки происходили невозбранно, демонстрации — почти невозбранно»⁸.

Сочувствие либеральных кругов Засулич, нерешительность блюстителей порядка во время стихийной демонстрации у здания суда, успешное сокрытие террористки, осмелевшие газеты, выражавшие недовольство правительством, открытые студенческие сходки, обличающие власть имущих — все это порождало в подполье уверенность в слабости правительства и надежды на поддержку широкими общественными кругами революционизма. Уже виделся новый период в российском освободительном движении. Казалось, интеллигентские и культурные слои столицы вышли из безмолвной пассивности и сделали шаг к активным протестным выступлениям.

Лев Тихомиров писал позднее в записке о революционном движении: «Либеральная публика держала себя так, что революционеры не могли не думать, что она им сочувствует». Весна 1878 г., по его воспоминаниям, в революционеров вселила уверенность, что «правительство может растеряться и уступить» и что «либералы могут революционеров серьезно поддержать». При этом он оговорился: «Я не обсуждаю вопроса о том, насколько подобная уверенность имела основательности, а отмечаю лишь факт ее»⁹.

Казалось, события приобретают революционный оборот. По воспоминаниям Засулич, Сергею Кравчинскому, находившемуся за границей, «сквозь призму иностранных газет и собственного воображения мое оправдание и последовавшие затем демонстрации показались началом революции»¹⁰. И он срочно отправился в Россию. Лев Толстой, относившийся с осуждением к прецеденту Засулич, не исключал радикальных последствий. Вглядываясь из Ясной поляны в происходящее в столице, он полагал, что «засуличевское дело не шутка. Это бессмыслица, дурь, нашедшая на людей недаром. Это первые члены из ряда, еще нам непонятного; но это дело важное. Славянская дурь была предвестница войны, это похоже на предвозвестие революции»¹¹.

В либерально-демократических кругах осознавали, что в случае Засулич революционеры отстаивали «права человека и гражданина», выступали против самодержавного насилия за те общечеловеческие ценности, которые нужны всему российскому социуму. После суда «еще определеннее почувствовалось, что нельзя далее так жить, — утверждал Голоушев, — что либо само общество должно проснуться и заявить свой протест против гнета власти, придавившей в стране жизнь, либо за Верою Засулич придут такие же другие, но уже организованные и гораздо более сильные»¹².

В петербургском кружке либералов-конституционалистов, собиравшемся у В.И. Вернадского¹³, бывшего издателя «Экономиста»,

выражали общее сочувствие Засулич, начиная от губернатора С.-Петербургской губернии И.В. Лутковского до сотрудника «Нового времени» и других газет историка И.Д. Беляева¹⁴. Они ждали перемен.

Свободомыслящие интеллигенты, группировавшиеся вокруг видного народнического публициста Н.К. Михайловского полагали, что выстрел Засулич «кладет начало целой новой полосе революционной деятельности подпольных партий, и много надежд повсюду возлагалось на эту полосу»¹⁵. В «Летучем листке», набранном в нелегальной Вольной русской типографии, где печаталась газета «Начало», Михайловский¹⁶ назвал 31 марта «навсегда памятным днем в русской истории» и выдвигал лозунги «конституции и земского собора». «Историческое движение задержать нельзя, — уверял он. — Общественные дела должны быть переданы в общественные руки. Если этого не будет достигнуто в формах представительного правления с выборными от русской земли, в стране должен возникнуть тайный комитет общественной безопасности. И тогда горе безумцам, становящимся поперек путей истории!» Ибо факты, по мнению автора, «свидетельствуют о бессилии правительства»¹⁷. По мнению историка Ш.М. Левина, «“Летучий листок” Михайловского, отражая напряженную обстановку того момента, предлагал как бы платформу для объединенных стремлений революционных элементов и либерального общества»¹⁸.

В либеральных кругах с новой силой заговорили о политических требованиях и демократизации общества. М.П. Драгоманов разразился памфлетом «За что старика обидели и кто его обижает?», напечатанном в журнале «Община» и вышедшем вскоре отдельной брошюрой. Драгоманов считал, что начавшиеся террористские акты и в первую очередь покушение Засулич — явления политические, хотя в большой степени еще бессознательные для самих революционеров. Он предсказывал большую будущность новому движению, именно оно «завоюет для России политические свободы и конституцию»¹⁹.

Повышенная общественная активность и замешательство в правительственных сферах подталкивали землевольцев к организации массовой протестной акции, к большой общегородской манифестации, в которой явственно выразились бы массовые антиправительственные настроения.

На следующий день после освобождения Засулич в аудитории Медико-Хирургической академии состоялась громадная сходка студентов разных учебных заведений. Было решено провести демонстрацию памяти Сидорацкого, и долго обсуждался вопрос о ее форме — вооруженной или мирной. Большинство склонилось ко второму варианту²⁰.

Участие в акции самой виновницы всеобщего возбуждения было, конечно, невозможно. Веским поводом для публичного выступления могли послужить похороны Сидорацкого. «Хотя никто из радикалов, — по уверениям Льва Тихомирова, — не верил в то, что его убили, и все убеждены были в самоубийстве, тем не менее, затеялась демонстрация в честь “жертв насилия”»²¹.

Уличные похоронные шествия с покойным борцом успешно использовались и раньше. Полиция прекрасно знала о подобных акциях, потому распорядилась поспешно и тайно похоронить Сидорацкого во избежание эксцессов. Тогда решили отслужить по нему панихиду во Владимирской церкви. Назначен был и день — 5 апреля 1878 года.

Демонстрацию-панихиду организовывали Александр Михайлов и Георгий Плеханов. Михайлов в тюремном письме к товарищам, в котором перечислял свои наиболее яркие революционные дела, не преминул упомянуть: «Участвовал в организации демонстрации на Владимирской улице 7 апреля (следует: 5 апреля. — Ю.П.) по поводу убийства Сидорацкого»²². Он в это время вел пропаганду среди старообрядцев в Саратовской губернии и только по газетам мог следить за бурными перипетиями в Петербурге, но «был убежден, что в скором времени предстоят еще более крупные события, — как писал в мемуарах Плеханов. — Он не вытерпел и в начале апреля уже мчался в Петербург, чтобы принять участие в тамошних волнениях»²³.

На квартире адвоката А.А. Ольхина Михайлов и Плеханов составили прокламацию²⁴, ставшую одним из первых произведений Георгия Валентиновича²⁵. В листовке, отпечатанной в той же Вольной русской типографии, провозглашалось: «Пролог начался. Общество не должно, оно не может долее молчать... когда над общественным мнением издеваются так нагло, так открыто. Всякий, кто не за правительство, в подобных случаях должен быть против него. Все общество должно было так или иначе, в той или другой форме выразить свой протест против варварской администрации. Мы приглашаем учащуюся молодежь, приглашаем все партии, кроме партии кнута и палок, соединиться в одном общем и дружном натиске для приобретения своих издавна попираемых человеческих прав»²⁶.

Сближение землевольцев с либеральной буржуазной интеллигенцией происходило на почве отстаивания политических требований. Для землевольцев это было новое, по выражению В.А. Твардовской, «ненародническое» настроение²⁷. По программным установкам «Земля и воля» отвергала политическую борьбу с самодержавием за демократизацию общества, так как результатами такой борьбы, в первую очередь, воспользуется буржуазия, а не народ. Глобальная цель землевольчества — народная революция. Но при готовящейся демонстрации на повестку дня выдвигались требования «известных гарантий свободы и самоуправления»²⁸. А Вера Засулич причислялась «к числу немногих светлых имен мучеников за свободу и права человека»²⁹. В данном историческом контексте она понималась как зачинательница демократического движения в стране.

Собирать рабочих не стали, памятуя о неудачной Казанской демонстрации в 1876 г., на которую пролетарии явились в слишком малом числе. Поступили по-другому: публика сзывалась на демонстрацию-панихиду по отпечатанным пригласительным билетам³⁰. В составлении текста приглашения, скорее всего, также участвовал Плеханов. Билет начинался без обиняков: «В достопамятный день 31 марта убит жандармами наш товарищ — социалист Григорий Сидорацкий» и указывалось место и время проведения акции в его память³¹. Билеты рассылались по всему Петербургу, но никто и не подумал помешать сбору демонстрантов³².

О предстоящем действе заблаговременно дали знать в Москву, откуда прибыло несколько революционеров, в том числе Лев Тихомиров, признававшийся в мемуарах: «Запахло нам чуть не революцией»³³.

5 апреля ранним утром землевольцы Адриан Михайлов и Александр Квятковский осмотрели площадь у собора. Здесь происходило

странное движение: отряды городских и военных, конные и пешие жандармы проходили через площадь и скрывались в воротах ближайших дворов. «Тротуары заполнялись группами дворников, очевидно, стянутых с других мест Питера»³⁴. Ожидали побоище или еще худшего — арестов, суда и административных ссылок, как это было у Казанского собора. «Действительно, легко было предположить, — полагал Тихомиров, — что администрация примет вызов и воспользуется случаем очистить Петербург»³⁵. Многие из демонстрантов решили явиться вооруженными.

Участие в публичном протестном выступлении считали рискованным не только либералы, но и радикалы. Например, П.П. Виктор, диссидент, примыкавший к землевольцам и специально приехавший из Москвы для участия в акции, «смалодушествовал и на демонстрацию не явился»³⁶. Будущий писатель Владимир Короленко бросал со своим братом жребий, кому из них идти на Владимирскую площадь. Выпало младшему брату Иллариону. У них была договоренность: «если представится случай участвовать в каком-нибудь предприятии, сопряженном с опасностью ареста, то участвует только один, а другой остается «в семейном резерве»»³⁷. Но Владимир не выдержал и все-таки присоединился с запозданием к манифестации. Правда, у него были свои интересы: он хотел на сборище встретить Евдокию Ивановскую, к которой испытывал сердечные чувства. И встретил, и проводил до дома. А много позже она стала его женой. Видимо, по этим обстоятельствам сама демонстрация слабо отложилась в его памяти, и он столь кратко написал о ней в мемуарах.

Численность демонстрантов, по газетному отчету «Начала», определялась в две-три тысячи человек³⁸. По воспоминаниям Тихомирова, около Владимирского храма собралась народу в тысячу человек, «еще более любопытных толпилось на противоположной стороне Владимирской площади»³⁹.

Среди собравшихся на демонстрацию-панихиду были «люди весьма солидного общественного положения, все это давало повод думать, что русское общество начинает терять терпение и готово серьезно протестовать против произвола правительства»⁴⁰. «“Господа, смотрите же — не выдавать “студентов”, — распоряжались разодетые “либералы”. Но полиция никого не трогала»⁴¹.

Высшие жандармско-полицейские чины оставались в замешательстве и не дали четких указаний уличным охранителям порядка, и те по своей инициативе ни во что не вмешались. «Правительство, насколько о нем возможно судить, по действиям администрации, — отмечал Тихомиров, — имело какой-то виноватый вид»⁴².

По окончании панихиды было произнесено две речи на церковной площади. Первый выступавший говорил о кровавом событии, которым ознаменовалась смерть Сидорацкого. Закончил оратор словами «вечная память», все присутствовавшие сняли шапки и пропели похоронную песню⁴³.

Вторым выступил студент Ветеринарного института Николай Лопатин, известный активным участием в петербургских стачках. Он «очень красноречиво поражал “деспотизм”, а пристав мирно разгуливал около него в толпе. Картины, какие не всегда можно увидеть и в Париже»⁴⁴. Лопатин заявил, что общественный суд «оправданием

Веры Засулич положил клеймо позора на столь могучий недавно столп существующего порядка»⁴⁵. И призвал митингующих: «Последуем же примеру Засулич и будем сами расправляться с притеснителями нашими, так как ожидать возмездия для них от правительства не приходится. Да здравствует Засулич! Да здравствует суд присяжных!»⁴⁶ Александр Михайлов, присутствовавший на демонстрации, «сдерживал оратора от излишнего увлечения»⁴⁷.

Толпа медленно потянулась по Невскому проспекту, тут начали появляться конные войска, державшиеся поодаль в двухстах-трехстах шагах. До Невского и в начале Литейного демонстрация была «все-таки довольно густа, но далее стала смешиваться с безразличной толпой, хотя все еще местами привлекала удивленные взгляды встречной публики»⁴⁸.

Все действие прошло мирно, без каких-либо неприятных происшествий. «Полиция и спрятанные в ближайших домах ее резервы, однако, не прибегли к насилию, — отмечал Михайлов, — и демонстранты разошлись спокойно, провожаемые толпой народа, ожидавшей чего-то необычайного»⁴⁹. Арестов тоже не последовало.

Позднее все-таки выслали нескольких студентов, принимавших активное участие в манифестации. Лопатин был сослан в Архангельскую губернию, а оттуда в Восточную Сибирь.

Демонстрация-панихида у Владимирской церкви — во многом характерное общественное явление того времени, оставшееся вне поля внимания историков. Это было самое крупное по численности выступление 1870-х гг., во много раз превосходившее знаменитую Казанскую демонстрацию, и единственный прецедент в позапрошлом веке, когда интеллигентское общество осмелилось хоть в какой-то степени выразить публично и гласно свое осуждение государственной власти.

Владимирская манифестация стала попыткой единения революционного и либерального лагерей в общем активном действии. Первая попытка, но, увы, последняя. Альянс не сложился. Либеральное общество сколько-нибудь серьезных надежд революционеров не оправдало⁵⁰.

«Людей “из общества”, готовых выходить на улицу, — подводил итоги Тихомиров, — оказалось слишком мало. “Передовые” имели достаточно здравого смысла, чтобы понимать, когда и в какой мере это можно делать... Многие остались дома только потому, что прослышали о револьверах революционеров. Они понимали, что при открытом бунте, который бы заставил правительство выйти из упорного миролюбия, они будут в два часа или в два дня стерты с лица земли»⁵¹.

«Одна ласточка “не сделала весны”, — констатировал Плеханов. — Энергия петербургского общества истощилась в очень короткое время; газеты не дотянули начатой ими либеральной ноты, и скоро все вошло в обычную уныло-казенную колею: социалистам оставалось только примириться с новым разочарованием». Александр Михайлов, обманувшись в надеждах, «махнул рукой на петербургскую “революцию”» и возвратился к своим раскольникам⁵². Позднее в следственных показаниях 1882 г. он, пытаясь скрасить скромные результаты демонстрации, писал, что «у собравшихся было желание за-

явить сочувствие суду присяжных, привет его независимому приговору и порицание администрации, своим вмешательством вызвавшей печальный факт (смерти Сидорацкого. — Ю.П.)»⁵³.

Когда начались очередные аресты и высылки «радикалов-злоумышленников», «“передовая часть общества” сочла лучшим ограничиться эксплуатацией чужого революционного движения, не путаясь в него самолично»⁵⁴, — справедливо отметил Тихомиров.

Но главное в другом: либералы и революционисты расходились в понимании целей и задач общественного противоправительственного движения. Если первые считали первоочередной необходимостью демократизацию общества, реформирование самодержавной системы правления и введение представительных органов власти, то революционные народники намеревались путем всеобщего крестьянского восстания смести самодержавие и потом уже вводить народные формы государственности, по Достоевскому, «желали получить весь капитал сразу».

Тенденция «Земли и воли» на совместные действия с широкими либеральными кругами не получила дальнейшего развития, да и не могла получить. Землевольты всегда относились к либералам с пренебрежением. Демонстрация 5 апреля воочию показала, что в обществе нет массового движения, которое могло бы предъявлять реальные требования царскому абсолютизму. В революционном народничестве возобладало другое направление — террористское.

Правительственные меры. Многочисленные акции, связанные с казусом Засулич, в том числе и невиданная по масштабам демонстрация «неблагоденствующих лиц» у Владимирской церкви всерьез озаботили царское правительство. 17 апреля, в день рождения государя императора, после торжественной обедни состоялось совещание высших сановников. «Дело шло, — записал в дневнике Милютин, — опять о принятии решительных мер против революционных замыслов, все более и более принимающих дерзкий характер... Предлагались разные крутые меры: усиление и систематизирование административной высылки (Мезенцов), закрытие некоторых учебных заведений (граф Пален), дошло даже до того, что произнесено было слово: объявить Петербург на военном положении!!»⁵⁵ Но никаких конкретных мер для пресечения диссидентского движения совещание так и не выработало.

С другой стороны, не было проведено и расследование противоправных действий должностных лиц в ДПЗ по избиению политзаключенных. Несмотря на явную незаконность факта, ни Трепов, ни исполнители не были привлечены к ответственности. «Надо заметить, — справедливо указывал юрист-законник Кони, — что в Англии, да и во всякой свободной стране, злоупотребление Трепова давно уже вызвало бы запросы в палате, оценку по достоинству в печати и, вероятно, соответствующее взыскание или, по крайней мере, неодобрение правительства»⁵⁶. В самоуправной России такого не могло быть. Правда, Трепова, как одиозную фигуру, Александр II впоследствии отправил в отставку.

Между тем, жизнь царского двора, которая определяла жизнь страны, продолжалась по-прежнему: с борьбой за влияние на государя, интригами, наущничеством, коррупцией, мздоимством с «вверенного населения» и ненавистью к нигилистам, которые только ме-

шали благотворным деяниям правительств. И все это по мановению единоправного монарха, обремененного государственными делами и трудностями личной жизни — многочисленными детьми, нелюбимой женой и любимой любовницей. В Зимнем дворце полагали: слава Богу, что мудрая монархическая власть простирается над благословенным российским народом. Совершенство социума и управление подданными после целого ряда реформ уже достигнуты, разве что нужно увенчать прогрессивные преобразования неким подобием конституции, не ограничивающей, впрочем, единодержавной власти. Но это лишь проекты на неопределенное будущее. Но в стране зреет недовольство, происходят злонамеренные волнения, ширится круг беззаконников, упорствующих в преступных и пагубных убеждениях. И управленческая элита вынуждена искать средства упрочить самодержавный порядок, подавить любое протестное движение. В этих поисках, разумеется, никакая демократизация общества не допускалась. Курс был взят, как всегда, на усиление репрессий.

Правительственные верхи, разгневанные столь неожиданным и неприятным оборотом дела Засулич, прибегли к карательно-усмирительным мерам, уже не считаясь ни с какой законностью. «Тот факт, что императорская власть оказывается неспособной управлять на основе существующих обычных законов, — писал выдающийся историк П.А. Зайончковский, — что возникает потребность в принятии мер, нарушающих эти обычные законы, говорит о наступлении кризиса самодержавия, неспособного в данный момент управлять старыми методами»⁵⁷.

Лакмусовой бумажкой новых репрессивных тенденций помимо законодательных норм стала расправа с подсудимыми по «Процессу 193-х», закончившегося 23 января, за день до выстрела Засулич. Особое присутствие Правительствующего сената «вынужденно было под давлением общественного мнения воздержаться от сурового возмездия и вынести относительно мягкий приговор»⁵⁸. Лев Тихомиров, судившийся по этому процессу, считал, что «с тех пор как Россия существует, никакой суд не выносил более независимого приговора»⁵⁹. Этого мало, после объявления приговора сенаторы ходатайствовали перед государем об облегчении участи подсудимым — замене для всех, осужденных к каторге, ссылкой на поселение. Подобные ходатайства по установившейся традиции всегда удовлетворялись государем. Однако шеф жандармов Мезенцев и министр юстиции Пален убедили Александра II отклонить сенатское прошение⁶⁰. В специальном докладе на высочайшее имя III Отделение опротестовывало приговор, так как заведомо «преступные лица» были оправданы лишь потому, что улики против них оказались недостаточными⁶¹. В итоге государь не только не смягчил приговор, но ужесточил его: «наказание, определенное Сенатом «главным зачинщикам», было повышено несколькими степенями, а ссылка в Сибирь на поселение заменена каторжными работами»⁶². С санкции Александра II подсудимые, оправданные судом, многие из которых уже просидели в тюрьмах по два-три года и уже отпущенные на свободу, подлежали задержанию и административной ссылке на Север или в Сибирь под надзор полиции. Это стало ответом на выстрел Засулич.

Теперь по волеизъявлению Александра II жандармерии также предоставлялось право высылать всех лиц, которые показались ей опас-

ными. Ссылались «административным порядком в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири для водворения по его усмотрению в местностях вверенного ему края на жительство под надзор полиции». Причем все это «без участия чинов прокурорского надзора», которым следовало лишь сообщать о принятом решении «для сведения»⁶³.

Жандармские постановления об административных ссылках принимались по упрощенной форме и крайне недобросовестно. Даже в тех случаях, когда заключение отправлялось к государю императору. «Дела велись в III отделении весьма небрежно, — констатировал государственный секретарь Перетц. — Как и понятно, они начинались почти всегда с какого-нибудь донесения, например, тайного агента, или записанного полицией показания дворника. Писаны были подобные бумаги большею частью безграмотно и необстоятельно; дознания по ним производились не всегда: если же и производились, то слегка, односторонним расспросом двух-трех человек, иногда даже почти не знавших обвиняемого; объяснений его или очной ставки с доносителем не требовалось; затем составлялась докладная записка государю, в которой излагаемое событие освещалось в мрачном виде, с употреблением общих выражений, неблагоприятно обрисовывающих всю обстановку. Так, например, говорилось, что обвиняемый — человек вредного направления, что по ночам он сходится, в преступных видах, с другими, подобными ему, людьми, ведет образ жизни таинственный; или же указывалось на то, что он имеет связи с неблагонадежными в политическом отношении лицами; далее упоминалось о чрезвычайной опасности для государства от подобных людей в нынешнее тревожное время и в заключение испрашивалось разрешение на ссылку, в административном порядке, того или другого лица. Бессодержательные докладные эти записки переписываемы были чрезвычайно красиво на отличной бумаге.

Естественно, что при таком образе действий происходили часто не только неосновательные или сильно преувеличенные предположения о виновности, но даже прямые, самые грубые ошибки; бывали случаи смешения имен, вроде следующих: Андрея Иванова принимали за Александра Иванова, Винберга за Вимберга, Власьева за Власова и т.п.»⁶⁴.

Значительная часть таких высланных устремлялась в бега, одни бежали с пути следования, другие с мест ссылки. И пополняли ряды революционного сообщества. Возможность остаться на свободе у них была только одна — скрыться от полиции переходом на нелегальное положение: обзавестись подложными документами и уйти в подполье. Перетц был прав, когда писал в дневнике: «Правительство посредством... ссылки в административном порядке, можно сказать, само расплодило социалистов»⁶⁵, тот контингент, из которого пополнялись ряды террористов.

Правительство также пошло на усиление судебных мер по борьбе с политическими преступниками. По высочайшему указу от 9 мая 1878 г. все дела против должностных лиц изымались из ведения суда присяжных и передавались в Судебные палаты и Особое присутствие Сената. Для особо тяжких преступлений учреждался Верховный уголовный суд. В этих инстанциях находились всецело благонадежные

чиновники. Заведомо предрешенный карательный приговор был обеспечен.

На второй день после оправдания Засулич в кабинете министра возникла служебная записка о необходимости упорядочения уголовного положения. Именным указом дела о вооруженном сопротивлении властям, о нападении на военных и полицейских чинов войска, а также вообще должностных лиц при исполнении служебных обязанностей были переданы военным судам, *установленным для военного времени*. Виновные подлежали наказанию по статье 279 «Воинского устава о наказаниях», то есть смертной казни.

Военным судам политические дела были подчинены лишь по закону от 9 августа 1878 года. Но действовать они стали намного раньше. Дело о вооруженном сопротивлении при аресте кружка И.М. Ковальского в Одессе слушалось в местном военно-окружном суде 19—27 июля 1878 года. Военные служаки на судебном поприще были всегда готовы к предельно суровым приговорам, дабы искоренить крамолу. Южного «бунтаря», революционера-народника Ивана Ковальского приговорили к расстрелу. Это был первый смертный вердикт военного суда по политическим делам. Именно с процесса Ковальского началось в России более чем десятилетнее непрерывное военное судилище по делам о государственных преступлениях ⁶⁶. Далее приговоры к виселице будут множиться по всей стране. Шлюзы правительственного террора были открыты с целью затопить террористское подполье.

Революционный терроризм начался. Революционное народничество вступило в новую фазу: пропаганда сменялась терроризмом. Явственной гранью стал выстрел Засулич.

Публичное оправдание Засулич было воспринято революционерами как общественное одобрение терроризма, как признание права радикалов на экстремизм. «Присяжные отказались обвинять ту, которая решилась противопоставить насилию насилие» ⁶⁷ — утверждалось в землевольческой листовке, то есть, по логике революционистов, присяжные, воплощавшие общественную совесть, дали согласие на вооруженную борьбу с правительством.

В этой связи характерно письмо народника Семена Ивановского своему одесскому единомышленнику. В письме отразились понимание революционной молодежью засуличевского процесса и общий подъем боевых устремлений: «Возьми хоть дело Засулич. “Нет, не виновна!” Что за драгоценные слова из уст представителей народа! А ведь еще состав-то присяжных был далеко не народный. “Не виновна!” Одно слово и все башибузукское царство приговорено к смерти. “Уничтожай всю причину”. Так говорит этот справедливый суд! “Уничтожай, и нет тебе вины!” Да! Боголюбов отомщен! Но отомщены ли все замурованные в централках, сведенные с ума и в могилу? Нет! Тут требуются не единичные силы, а общая, дружная работа всех нас, живых, для счета с этими разбойниками. Поступок Веры из единичного должен обратиться в коллективный и тогда-то он будет ценен!» ⁶⁸. Уже на второй день, после покушения на петербургского градоначальника в почтовый ящик III Отделение на Гороховой была подброшена многообещающая записка: «Собаке Трепову собачья и смерть!!! И вам Палены, Мезенцовы, Петерсы, Желиховские! Иуды» ⁶⁹.

Иван Ковальский, руководитель подпольного кружка в Одессе, в прокламации «Голос честных людей» восклицал: «Смерть Трепову! Смерть другим подобным подлецам!!! Смерть!.. Их пора стереть с лица земли, и тогда восторжествует правда на земле, а теперь к этому уже идет время. Недаром два раза стреляли в самого государя императора Александра Николаевича — Каракозов и Березовский!... Уже не тот дух времени, какой был прежде, что уже настала фактическая борьба социально-демократической партии с этим подлым правительством — русских башибузуков. В самом деле, можем ли еще хладнокровно смотреть, как наши близкие друзья и единомышленники гниют по тюрьмам, по острогам; как самых лучших из нас вырывают сыщики и передают в руки правительства, а правительство душит нас и в конце разоряет народ? Нет, мы не допустим таких безобразий!.. Мы пойдем по следам наших лучших товарищей, мы пойдем по следам незабвенных героев наших»⁷⁰. Такими героями автором прокламации объявлялись Каракозов и Засулич. Примечательно, что уже ставился на повестку дня вопрос о цареубийстве.

«Тяжкие кары, преследовавшие пропагандистов, — пишет Прибылева-Корба, — довели негодование против правительства и ненависть к нему до большого напряжения. Но раздался выстрел Засулич, и все почувствовали облегчение, что найден путь из безвыходного положения, найдено средство от душившего всех кошмара»⁷¹. «Все», о которых говорит мемуаристка — это те, кого она причисляла к революционному лагерю, а найденный путь — терроризм. Экстремистски настроенные народники, такие как Морозов и Кравчинский, решили, что «способ действий нам придется сделать теперь несколько более революционным, особенно после Веры Засулич, показавшей нам путь». Морозов, будущий теоретик подпольного терроризма, вспоминал: «После выстрела Веры Засулич я инстинктивно чувствовал, что центр революционной деятельности переносится в города и что пропаганда среди крестьян... не принесет ожидаемых результатов»⁷². Кравчинский, убивший через несколько месяцев шефа жандармов, восторженно уверял, что покушение на Трепова «имело огромное значение в развитии терроризма. Оно озарило его своим ореолом самопожертвования и дало ему санкцию общественного признания»⁷³.

Выстрел Засулич, констатировал Лев Дейч, «послужил сигналом к длинному ряду происшедших в разных местах... насильственных актов. Вполне справедливо, поэтому, называют Веру Засулич родоначальницей террористической борьбы в России»⁷⁴.

Народнический терроризм, однако, возник отнюдь не по мановению засуличевского револьвера. Идея вооруженного противодействия царской власти вызревала давно, но не носила целенаправленного и идейно осмысленного характера. Правительственные репрессии постоянно подталкивали наиболее активных народников к отпору с оружием в руках жандармам и полиции. На первых порах революционеры стали оказывать сопротивление при арестах, устраивать вооруженные освобождения своих товарищей, убивать предателей. Начались покушения на должностных чинов, что рассматривалось как справедливая месть за чрезмерные жестокости властей. Все подобные акции предусматривались землевольческой программой, но отнюдь не ставились во главу угла. Например, Александр Михайлов понимал такие

действия как вынужденные меры «защиты себя от врага»⁷⁵. Главная задача по-прежнему состояла в консолидации всех слоев российского общества для осуществления революции, в результате которой и будут уничтожены все защитники самодержавия.

Михайлов так объяснял причины усиления революционного терроризма: «Партия под влиянием тюремных драм, безжалостных приговоров, всевозможных преследований, стала чаще обращать гневные взоры на правительство. До той поры, в подготовительной работе, эта сила как-то игнорировалась; ее всякий ненавидел, презирал, но борьба с ней тотчас и непосредственно не считалась насущно необходимой... Правительство обходили для того, чтобы, заручившись союзниками, народом и обществом, ударить общей силой и разбить бездушного великана. Думали, что оно не представит препятствия успешному расширению партии и работе в народе. Но чем более жертв уносила эта темная сила, тем более зрела мысль отпора и защиты от ее цепких лап. В серьезном поступке первая Вера Засулич заявила это вновь определившееся настроение партии. Она была героем дня, и ее дело волновало партию и даже общество сильнее, чем какое-либо другое»⁷⁶.

За весь 1877 г. землевольцы совершили только один теракт: в июле был убит рабочий Николай Шарашкин, выдавший жандармам М.А. Натансона, организатора «Земли и воли». Но «после выстрела Засулич долго сдерживаемая энергия вырвалась наружу»⁷⁷, — отмечала Вера Фигнер. Вооруженные акции последовали одна за другой в провинции и столице империи⁷⁸. Уже 30 января, через шесть дней после покушения на Трепова, в Одессе подпольный кружок Ивана Ковальского оказал при аресте коллективное вооруженное сопротивление. Были раненные и с той, и с другой стороны. В истории русского освободительного движения это первый подобный случай. До того революционеры мирно сдавались в руки властей, за исключением И. Мышкина и А. Цицианова. В 1878 г. вооруженные акции при арестах происходили семь раз⁷⁹, они «стали для народников-террористов как бы правилом чести»⁸⁰.

24 июля 1878 г. у здания военного суда, где слушалось дело Ковальского и его товарищей, произошла вооруженная демонстрация. В перестрелке ранили четырех солдат, среди демонстрантов оказалось десять раненых и двое убитых.

В Киеве зимой 1877—1878 гг. Валериан Осинский образовал так называемый южный Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии, который провел целый ряд террористических акций. Михайловский в апреле 1878 г. уверял, что если не будут введены общественные формы представительства, то в стране возникнет «тайный комитет общественной безопасности». Его предвещание запоздало. Комитетчики 2 февраля в Ростове-на-Дону убили предателя Акима Никонова. 23 февраля в Киеве было проведено неудачное покушение на товарища киевского губернского прокурора М.М. Котляревского. Жертва не была убита и даже ранена. Зато 25 мая был убит адъютант киевского губернского жандармского управления барон Г.Э. Гейкинг. Наконец, 4 августа 1878 г. в Петербурге, на Михайловской площади Сергей Кравчинский заколол кинжалом шефа жандармов генерал-адъютанта Н.В. Мезенцева.

Война не на жизнь, а на смерть началась. Кравчинский в прокламации «Смерть за смерть», посвященной убийству жандармского

шефа, обращался к высшим государственным лицам: «До тех же пор, пока вы будете упорствовать в сохранении теперешнего дикого бесправия, наш тайный суд, как меч Дамокла, будет вечно висеть над вашими головами, и смерть будет служить ответом на каждую вашу свирепость против нас. Мы еще недостаточно сильны, чтобы выполнить эту задачу во всей ее широте. Это правда. Но не обольщайтесь, не по дням, а по часам растет наше великое движение. Припомните, давно ли вступило оно на тот путь, по которому идет. С выстрела Веры Засулич прошло всего полгода. Смотрите же, какие размеры оно приняло теперь! А ведь такие движения растут все с возрастающей силой, подобно тому, как лавина падает со все возрастающей скоростью. Подумайте: что же будет через какие-нибудь полгода, год?»⁸¹ Эскалация насилия в стране достигнет максимального размаха. Пафос мщения и восстановления попранной справедливости переростет в идею террористской борьбы с самодержавной властью за демократизацию общества.

Правительство, отстаивая монархические основы своей власти, ответило на вызов террористов военно-окружными судами, ссылкой на каторгу и виселицами. «У терроризма в России было два “автора”, — полагал историк Будницкий, — радикалы, снедаемые революционным нетерпением, и власть, считавшая, что неразумных детей надо не слушать, а призывать к порядку. Даже если некоторых из них придется для этого повесить. Эта взаимная глухота, неспособность к диалогу приводили все к большему озлоблению обеих сторон, к новым виткам насилия»⁸². Бескомпромиссные и экстремистски настроенные революционеры объединились в Исполнительный комитет «Народной воли», который открыл динамитную охоту на царя. 1 марта 1881 г. Александра II убили на Екатерининском канале, но царубийство не привело ни к каким позитивным обновлениям в жизни российского общества.

Засулич постфактум. За границей Вера Засулич при большой популярности в 1880-е гг. могла бы сделать выдающуюся карьеру в международном социалистическом движении. Но она старалась оставаться по возможности незамеченной и довольствовалась узким кругом друзей⁸³. Европейцев «она поражала своей скромностью и беспритязательностью»⁸⁴.

Клеменц с долей иронии говорил ей: «Я то вас довольно знаю, а им невдомек, что вы ухитрились свою известность до зубовного скрежета возненавидеть»⁸⁵. Когда парижские анархисты предложили ей принять участие в многотысячной демонстрации в ее честь, она категорически отказалась.

Между тем в политических движениях Засулич разбиралась весьма слабо. «Я в то время, — пишет она в мемуарах, — имела лишь смутное понятие как об анархии, так и о социал-демократии. Русская пресса не давала сведений о таких вещах, а попадавшие мне в руки заграничные издания давали слишком отрывочные»⁸⁶.

При расколе «Земли и воли» в августе 1879 г. Засулич нелегально приезжала на короткое время в Россию и присоединилась к «Черному переделу». С этого времени и на долгие годы она подпала под сильнейшее идейное влияние Плеханова. В личных письмах к «дорогому Жоржу» она ставила шутливую, но характерную подпись «Ваш хвост».

Вера Засулич, «мать терроризма», как ее называли, стала вскоре убежденной «противницей увлечения террористическими актами»⁸⁷. После неудачного покушения Александра Соловьёва на государя она с жаром доказывала эмигрантам-чернопередельцам, что надо немедленно возвращаться в Петербург, чтобы не допустить последующих попыток цареубийства⁸⁸.

В 1883 г. в Женеве Засулич участвовала в создании первого русского марксистского сообщества — группы «Освобождение труда», так что ее по праву можно также назвать *матерью российской социал-демократии*. Засулич переводила на русский язык К. Маркса и Ф. Энгельса и переписывалась с ними⁸⁹. Писала и сама сочинения марксистского толка.

Всю дальнейшую жизнь Засулич продолжала упорно осуждать террористскую борьбу с самодержавием. Она настаивала, что террор вреден в революционном движении, так как ведет к усилению государственных репрессий, и, как следствие, приводит к свертыванию агитационной работы в трудовых массах⁹⁰. Особенно она восставала против терроризма в 1890-х — середине 1900-х гг., когда эсеры возобновили его с новой силой. Засулич выступила с рядом статей, доказывающих его несостоятельность, ибо, по ее мнению, общество перекладывает борьбу с царизмом на террористические организации, а само уклоняется от активных массовых выступлений. «Широкому развитию общественной активности и энергии, — писала она, — террор не только не содействует, а по самому существу своему не может не становить психологических препятствий... Террор несомненно очень волновал все жаждущее свободы русское общество, но это пассивное волнение, самодовлеющее, не толкающее к действию»⁹¹.

В 1902 г. Засулич опубликовала на немецком языке в журнале «Die Neue Zeit» принципиальную статью «Террористическое движение в России», переведенную на русский язык лишь через 80 с лишним лет. В статье критиковались эсеры — террористы-эпигоны, «неудачные подражатели» «Народной воли»⁹². «Революционное нетерпение отдельных людей или очень маленьких групп проявлялось в России уже три четверти века тому назад, — указывала Засулич. — Теперь, когда новая Россия выступает на арену борьбы, когда боевой дух захватывает массы, настоящее место людей, готовых, пойти на жертву, в рядах этих масс. Задача героев состоит сегодня не в том, чтобы “мстить” за массы или “защищать” их, а в том, чтобы вдохновить их и вести за собой; нужно действовать не для масс, а в массах. К сожалению, все еще есть часть революционеров, которым кружит голову старое, когда-то оправданное, сегодня, к счастью, ложное представление о кучке героев и пассивной массе, и это побуждает их направлять движение по старому безнадежному пути»⁹³. О своем знаменитом теракте автор предпочла не упоминать и не давать ему оценок.

В 1900 г. Засулич вошла в редколлегия социал-демократической общероссийской газеты «Искра» и журнала «Заря». Но она «осталась до конца старой интеллигенткой радикалкой, которую судьба подвергла марксистской прививке, — писал Лев Троцкий. — Статьи Засулич свидетельствуют, что теоретические элементы марксизма она усвоила превосходно. Но в то же время нравственно-политическая основа русской радикалки 70-х годов осталась в ней неразложенной

до конца. В интимных беседах она позволяла себе будировать против известных приемов или выводов марксизма. Понятие “революционер” имело для неё самостоятельное значение, независимое от классового содержания». «Писала она очень медленно, переживая подлинные муки творчества... Она наносила на бумагу по отдельной фразе, много ходила по комнате, шаркая и притаптывая своими туфлями, без конца дымила свернутыми от руки папиросами, нашвыривала во всех углах, на всех окнах и столах окурки и просто недокуренные папиросы, осыпала пеплом свою кофту, руки, рукописи, чай в стакане, а при случае и собеседника». «Она жила, одевалась и питалась, как скромнейшая из студенток. В области материальных ценностей ее высшими радостями были табак и горчица»⁹⁴.

На II съезде РСДРП в 1903 г. она примкнула к «искровцам меньшинства», полностью порвав с В.И. Лениным и став до конца своих дней принципиальной противницей большевизма-ленинизма. Разрыв произошел собственно еще за полгода до съезда, когда она с Ю.О. Мартовым и А.Н. Потресовым встала в резкую оппозицию к Ленину⁹⁵.

Впрочем, она противопоставила себя и Плеханову, который иронично заметил: «Вера Ивановна, видимо, приняла меня за Трепова!» Позднее они, правда, помирились, заняв в 1914 г. оборонческую позицию по отношению к империалистической войне и отстаивая верность «союзническим обязательствам»⁹⁶.

В ноябре 1905 г. во время Первой русской революции, получив амнистию, Засулич возвратилась в Россию. С лета 1907 г. поселилась на хуторе Греково Тульской губернии, где занималась огородничеством и цветоводством. А в Петербург приезжала только на зиму.

Октябрьскую революцию она приняла крайне враждебно, считая ее контрреволюционным переворотом. «Нет у социализма в настоящий момент, — утверждала она, — более лютых врагов, чем господа из Смольного». Для старой революционерки новая власть была зеркальным отражением царской, усиленной большевицким террором. «Перевернутый мир не преобразился, — утверждала она. — На его месте стоит отвратительное громогласно лгущее, властвующее меньшинство и под ним громадное вымирающее от голода, вырождающееся с заткнутым ртом большинство»⁹⁷.

В советское время Засулич ютилась в Доме литераторов на Аптекарском острове, на набережной Карповка, откуда «желала со временем, быть переселенной на “Литературные Мостки” (на Волково кладбище); у нее было своего рода суеверное опасение, что с переселением из этого насиженного ею места на Карповке она непременно умрет»⁹⁸.

В январе 1919 г. районный совет выселил всех жильцов, и дом перестали отапливать. 70-летняя простуженная старуха перебралась в чердачную комнату во флигеле и заболела воспалением легких. Ухаживать за ней было некому⁹⁹. Вот и «гордость человечества», чье имя, как обещал Кравчинский, «с благоговением будет повторяться из рода в род».

Она была из тех людей, кто пришел в этот мир не соглашаться, и мир в противоборстве ответил ей отчужденностью, нищетой, неустроенностью, одиночеством. «И умереть ей пришлось в очень тяжелых условиях»¹⁰⁰, — свидетельствовал Лев Дейч. Скончалась Вера Засулич 8 мая 1919 года. Похоронена была за государственный счет, как она и хотела, на Волковом кладбище.

Биографические публикации о ней в советское время были весьма немногочисленны ¹⁰¹. Они страдали односторонностью, неполнотой фактов и тенденциозностью. Под пишущими машинками ангажированных историков главная вина Засулич состояла не столько в терроризме, сколько в том, что «она совершила политическое грехопадение, порвала с революционным марксизмом и оказалась в лагере меньшевиков, в котором оставалась до конца жизни» ¹⁰².

За рубежом вышло несколько специальных работ, ей посвященных ¹⁰³ или ее касающихся ¹⁰⁴. В постсоветское время в России появился ряд книг о Засулич ¹⁰⁵. Между тем подлинной научно-исследовательской монографии о Вере Ивановне Засулич до сих пор не написано.

Трепов постфактум. Сказался казус Засулич и на Трепове. После суда присяжных Кони навестил выздоравливавшего градоначальника и застал его в состоянии христианского смирения. Он благодарил Бога за оправдание террористки, но в то же время «с недоумением спрашивал, что он сделал присяжным и за что они его так жестоко оскорбили своим приговором?» ¹⁰⁶

Придворные враги, как известно, донесли Александру II о финансовых махинациях градоначальника, и монарх потерял доверие к своему верному генералу ¹⁰⁷. По воспоминаниям Новицкого, «личный кредит Трепова как у государя Александра II, так и в обществе пал и, по слухам, государь возлагал на шефа жандармов Мезенцова поручение собрать сведения о нажитых Треповым миллионах, и, как говорили и приходилось мне слышать от высокопоставленных лиц, имяние Треповым в несколько миллионов состояния подтвердилось» ¹⁰⁸.

Служебная участь Трепова в купе с неудовлетворительным состоянием столичной полиции обсуждалась на совещании у государя 15 апреля. Заседание прошло под впечатлением массовой демонстрации у Владимирской церкви. С резкой критикой выступил министр Тимашев, а треповский помощник генерал-майор Козлов, замещавший должность градоначальника на время отсутствия Трепова, заявил, что в случае его возвращения он отказывается от своего поста. Было решено приискать нового столичного генерал-губернатора ¹⁰⁹. Разумеется, служебные и денежные злоупотребления градоначальника на совещании не рассматривались. Но Трепов все равно считал себя жертвой обстоятельств и интриг.

Выйдя в отставку, он переехал в Киев с наездами в Петербург. В Киеве он поселился в своем доме на Печерске и стал прихожанином храма Спаса на Берестове.

К бывшему царскому сановнику часто обращались с просьбами многие простые люди, и он, несмотря на болезни и недуги, старался всем помочь. Трепов «человек по душе добрый, — писал Новицкий, — и всегда готовый выполнить просьбу каждого к нему обратившегося, какого бы он звания, происхождения и народности ни был, и во многом успевал ходатайствами и связями своими в С.-Петербурге» ¹¹⁰.

Трепов помогал восстанавливать Свято-Михайловский Выдубицкий монастырь, где похоронена его жена Вера Васильевна, урожденная Лукашевич, и свершил немало благого для обители.

Еще в конце 1860-х гг. Трепов сделал важное и доброе дело для киевлян: он отдал почти гектар своей усадебной земли, чтобы проло-

жить удобную для городского сообщения улицу близ Крещатика. Вначале она называлась Треповской, потом Коммунистической ¹¹¹.

В 1881 г. прихожане церкви Спаса на Берестове решили возвести новый храм и обратились к Федору Федоровичу за помощью. Он охотно отозвался: пожертвовал тысячу рублей и возложил на себя обязанность собирать взносы от других лиц. Усилиями Трепова и крупных киевских меценатов в Мариинском парке в 1889 г. была поставлена церковь во имя Александра Невского. Сейчас на этом месте возвышается памятник генералу Н.Ф. Ватутину.

Через три месяца после освящения храма, 23 ноября 1889 г., Федор Федорович Трепов умер в кругу родных и близких. Упокоили его в фамильном склепе некрополя Выдубицкого монастыря.

Еще при жизни он обеспечил своих девяти детей ежегодным доходом от 13 до 15 тыс. рублей. Все они заняли высокое положение в обществе. А старшие сыновья достигли блестящих служебных успехов. Федор был Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором и членом Государственного совета. Дмитрий Федорович, как и его отец, стал Санкт-Петербургским генерал-губернатором и, пользуясь расположением императора Николая II, был товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией и командующим Отдельным корпусом жандармов с оставлением в прежней должности.

О пули Засулич Трепов помнил всю жизнь. Пуля давила ему на нервные узлы, отчего «он и терпел невероятно мучительные боли» ¹¹².

Итоги и перспективы. В казусе Засулич существенно не само покушение на царского чиновника, а причины и следствия теракта, реакция на него общества. В нем высветились насущные проблемы российского социума, требующие кардинального решения проблем: «самодержавие и общество», «самодержавие и реформы», «самодержавие и революционизм».

Выстрел Засулич стал «знамением времени». Он был вызван невозможностью добиться при царской системе власти справедливости и законности, неисполнимостью даже тех имперских законов, которые далеки от общегражданских форм правления. «Покушение Засулич — следствие чувства оскорбленной справедливости, — подчеркивал Будницкий. — Парадоксальным образом — этот абсолютно незаконный акт стал своеобразным средством защиты закона и прав личности» ¹¹³. Между тем, своеволие террористки противоправно в той же степени, что и самочинные действия представителя государства, которому доверено исполнение закона и который, переступив его, становится таким же законопреступником, как и революционер-злоумышленник. Неправомочны и те, и другие.

В стране отсутствовали правовые механизмы, регулировавшие конфликтные отношения личности и государства. Но беззаконие нельзя преодолеть, а тем более искоренить другим беззаконием. Насилие невозможно победить насилием, ибо его суть остается прежней. В чем Вера Засулич убедилась в итоге своей жизни.

В переплетении частных суждений и действий в связи с преступным деянием террористки явственно выявился разлад между монархическим правлением и насущными политическими потребностями пореформенной России. С отменой крепостничества в стране начался долгий процесс формирования вне и помимо высочайшего соизволе-

ния *гражданского общества*, отстаивающего парламентаризм, конституционное правление, гражданские права. Процесс многосложный, непоследовательный и строго контролируемый охранительными службами империи.

Между тем, коллективные выступления, вызванные делом Засулич, показали слабую подготовленность либеральной буржуазии к открытым выступлениям с демократическими требованиями, к публичному противостоянию самодержавию. Совместное действие либералов и революционистов на Владимирской площади оказалось единственной акцией, но и оно показало невозможность их объединения.

С другой стороны, покушение на высшего петербургского сановника было предопределено всем ходом народнического движения. На правительственный террор, исходивший из царского дворца, революционеры ответили тем же из подполья. Получался порочный круг — змея, кусавшая свой хвост.

Монархическая Россия пошла по пагубному пути насилия, дабы не допустить демократизации общества. Ни та, ни другая сторона не хотела и не могла пойти на уступки в силу своей социальной природы. Монархия всеми силами старалась не допустить демократизации страны, которая угрожала ей потерей самодержавных основ, а революционеры опасались утратить свой боевой дух. Этого же боялись землевольцы, развязавшие «красный» терроризм. Правда, «Народная воля» выдвинула политические требования, но добиться их попыталась теми же террористскими средствами, обещая перейти к «мирной» деятельности после достижения цели.

Правительственные репрессии загоняли болезнь российского общества вглубь. Карательными средствами царизм пытался понизить повышенную температуру социума, дабы он внешне казался монархически здоровым. В конце концов, принудительное «лечение» закончилось крушением самодержавной империи, гибелью царской фамилии и трагическим торжеством революционеров, завоевавших власть. Но их правление не привело и не могло привести к демократизации России и обернулось многомиллионными людскими жертвами.

Примечания

1. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг. 1924, с. 326.
2. К делу В.И. Засулич. Прокламация «Ко всем честным людям», с. 180.
3. РУСАНОВ Н.С. На родине. — Каторга и ссылка. 1929, № 5, с. 152—153.
4. ДЕЙЧ Л.Г. Валериан Осинский. 1859—1882. М. 1931, с. 29.
5. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М. 1947, с. 318.
6. КОРОЛЕНКО В.Г. История моего современника. В кн.: КОРОЛЕНКО В.Г. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. М. 1954, с. 207.
7. Там же.
8. ТИХОМИРОВ Л.А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений. — Каторга и ссылка. 1926, № 3, с. 119.
9. Там же.
10. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания. М. 1931, с. 76.
11. Письмо Л.Н. Толстого — В.В. Страхову. 6 апреля 1878 г. ТОЛСТОЙ Л.Н. Собр. соч. в двадцати томах. Т. 17. М. 1965, с. 485.

12. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С. С.] Процесс первой русской террористики. — Голос минувшего. 1918, № 7—8, с. 151.
13. Вернадский Иван Васильевич — известный ученый, статистик, экономист. Отец В.И. Вернадского — ученого естествоиспытателя, мыслителя; дед Г.В. Вернадского — русского и американского историка.
14. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., кн. 2, с. 107.
15. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С. С.] Ук. соч., с. 150.
16. Авторство Михайловского «Летучего листка» удостоверяет Н.К. Бух. БУХ Н.К. Воспоминания. М. 1928, с. 165.
17. Летучий листок. 1878, апрель, № 1.
18. ЛЕВИН Ш.М. Две демонстрации. Исторические записки. Т. 54. М. 1955, с. 261.
19. ДРАГОМАНОВ М.П. За что старика обидели и кто его обижает? — Община. 1878, № 3—4.
20. МИХАЙЛОВ А.Ф. Автобиография. М. 1989, с. 149.
21. ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания. М. 2000, с. 98.
22. Письма народовольца А.Д. Михайлова. Собрал П.Е. ШЕГОЛЕВ. М. 1933, с. 222.
23. ПЛЕХАНОВ Г.В. Воспоминание об А.Д. Михайлове. В кн.: ПЛЕХАНОВ Г.В. Соч. Т. 1. М.-Пг. 1923, с. 161.
24. ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания, с. 99.
25. Об авторстве Плеханова см.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Берлин. 1925, с. 211—213; ДЕЙЧ Л.Г. Г.В. Плеханов в «Земле и воле». В кн.: Группа «Освобождение труда». М.-Л. 1925, с. 54.
26. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу» по поводу оправдания В.И. Засулич, 1887, апрель, с. 55.
27. ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х гг. М. 1969, с. 25.
28. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу по поводу оправдания В.И. Засулич, с. 54.
29. Прокламация «Земли и воли» «Покушение на жизнь Трепова», 1878 г., январь, с. 49—50.
30. ТИХОМИРОВ Л. А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений, с. 119.
31. Русская подпольная и зарубежная печать. М. 1935, с. 190.
32. ТИХОМИРОВ Л.А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений, с. 119.
33. ЕГО ЖЕ. Воспоминания, с. 98.
34. МИХАЙЛОВ А.Ф. Автобиография, с. 149; О таких же приготовлениях вокруг Владимирской площади писал В.Г. Короленко. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 214.
35. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы. В кн.: Либералы и террористы. М. 1890, с. 103.
36. ЕГО ЖЕ. Воспоминания, с. 98.
37. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 213.
38. Разные известия. — Начало. 1878, апрель, № 2.
39. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 103—104.
40. ПЛЕХАНОВ Г.В. Воспоминание об А.Д. Михайлове, с. 161.
41. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 104.
42. ЕГО ЖЕ. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений, с. 119.
43. Разные известия, с. 61.
44. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 104.
45. Разные известия, с. 61.
46. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 68, ч. 7, л. 85, 115.
47. Письма народовольца А.Д. Михайлова. В кн.: ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П., ФИГНЕР В.Н. А.Д. Михайлов. М.-Л. 1925, с. 222.
48. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 215.
49. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 121.

50. ЛЕВИН Ш.М. Две демонстрации. — Исторические записки. Т. 54. 1955, с. 261.
51. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 104—105.
52. ПЛЕХАНОВ Г.В. Воспоминание об А.Д.Михайлове, с. 161.
53. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 121
54. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 105.
55. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. 1876—1878. М. 2009, с. 413.
56. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. В кн.: КОНИ А.Ф. Избранные произведения. Т. 2. М. 1959, с. 60.
57. ЗАЙЧКОВСКИЙ П.С. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М. 1964, с. 66.
58. ЧАРУШИН Н.А. О далеком прошлом. М. 1973, с. 267—268.
59. ТИХОМИРОВ Л.А. Заговорщики и полиция. М. 1930, с. 96.
60. Финал «Процесса 193-х». — Красный архив. 1928, № 5, с. 190—199.
61. ГАРФ, ф. 109. Секр. архив, оп. 1, д. 714, л. 14.
62. ТАТИЩЕВ С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Кн.2. М. 1996, с. 560.
63. Там же.
64. [ПЕРЕТЦ Е.А.] Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880—1883). М.-Л. 1927, с. 3.
65. Там же, с. 48.
66. ТРОИЦКИЙ Н.А. Царские суды против революционной России. Саратов. 1976, с. 219.
67. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу по поводу оправдания В.И.Засулич». 1878 г., апрель, с. 54.
68. Письмо С.И. Ивановского В.Х. Кравцову. 14 мая 1878 г. Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». Споры о тактике, с. 210.
69. КУНКЛЬ А.А. Вокруг дела Веры Засулич. — Каторга и ссылка. 1928, № 1, с. 61.
70. Прокламация одесского кружка И.М. Ковальского «Голос честных людей» по поводу покушения В.И. Засулич на петербургского градоначальника Трепова. Около 30 января 1878 г. В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М. 1965, с. 51.
71. ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П. А.Д. Михайлов. Вступ. статья. В кн.: ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П., ФИГНЕР В.Н. А. Д. Михайлов, с. 11.
72. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни, т. 2, с. 260, 277.
73. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С.М. Подпольная Россия. В кн.: СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С. Соч. в двух томах. Т. 1. М. 1958, с. 388.
74. ДЕЙЧ Л.Г. Валериан Осинский, с. 27.
75. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 122.
76. Там же, с. 121.
77. ФИГНЕР В.Н. Александр Дмитриевич Михайлов, с. 232.
78. ТКАЧЕНКО П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876—1879). М. 1961, с. 264.
79. Календарь «Народной воли» на 1898 год. Женева. [1898], с. 155.
80. ТРОИЦКИЙ Н.А. Ук. соч., с. 75.
81. Смерть за смерть. Прокламация С.М. Кравчинского в связи с убийством Н.В. Мезенцева. 1878 г. В кн.: Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Сборник документов и материалов. М. 2001, с. 45.
82. БУДНИЦКИЙ О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.) М. 2000, с. 48.
83. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Мои встречи с В.И. Засулич. В кн.: Группа «Освобождение труда». 1925, с. 71.
84. ФРОЛЕНКО М.Ф. Памяти отошедших. В кн.: ФРОЛЕНКО М.Ф. Собр. соч. Т. 2. М. 1932, с. 131.
85. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания. М. 1931, с. 77.
86. Там же.
87. ДЕЙЧ Л.Г. Г.В. Плеханов в «Земле и воле», с. 50.

88. ЕГО ЖЕ. Черный передел. В кн.: Историко-революционный сборник. Т. 2. Л. 1924, с. 278.
89. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М. 1967.
90. СТЕПАНОВ А.Н. Социальные идеи В.И. Засулич. — Аспирантский вестник Поволжья. 2009, № 5—6, с. 84.
91. ЗАСУЛИЧ В.И. Выстрел Карповича. В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Сборник статей. Т. 2. СПб. 1907, с. 398—399.
92. ЕЕ ЖЕ. Террористическое движение в России. В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Избранные произведения. М. 1983, с. 373.
93. Там же, с. 380.
94. ТРОЦКИЙ Л.Д. Ленин и старая «Искра». В кн.: ТРОЦКИЙ Л.Д. О Ленине. Материалы для биографии. М. 2005, с. 16, 28.
95. ПОТРЕСОВ А.Н. Ленин. В кн.: ПОТРЕСОВ А.Н. Избранное. М. 2002, с. 284—285.
96. ЗАСУЛИЧ В.И. Верность союзникам. Пг. 1917.
97. Цитируется по: САВЕЛЬЕВ П.Ю. Засулич Вера Ивановна. В кн.: Революционная мысль в России XIX — начала XX века. Энциклопедия. М. 2013, с. 170.
98. ДЕЙЧ Л.Г. Вера Ивановна Засулич, с. 13.
99. КУРБАТОВА И.Н. Архив В.И. Засулич в Доме Плеханова, с. 147.
100. ДЕЙЧ Л.Г. Вера Ивановна Засулич, с. 13.
101. КУНКЛЬ А.А. Выстрел Веры Засулич. М. 1924; ЦЕДЕРБАУМ С. Женщина в русском революционном движении. 1870—1905. Л. 1927; КОВНАТОР Р.А. В.И. Засулич (К истории русской критики). В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Статьи о русской литературе. М. 1960; ДОБРОВОЛЬСКИЙ Е.Н. Чужая боль: Повесть о Вере Засулич. М. 1978; ФАЗИН З. Санкт-Петербургская быль: Документальная повесть. М. 1969; ХИГЕРОВИЧ Р. Жизнь для других. В кн.: Женщины русской революции. М. 1982; ШУБИНА Е.В. Философско-социологические взгляды В.И. Засулич (1867—1903). Л. 1984; ПАВЛЮЧЕНКО Э.А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М. 1988; БОГДАНОВА Т.А. Засулич в российском революционном движении. Дисс. канд. ист. наук. Л. 1991.
102. КУРБАТОВА И.Н. В.И. Засулич и ее роль в распространении идей марксизма в России. В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Избранные произведения, с. 25.
103. GEIERHOS W. Vera Zasulich und die russische revolutionäre Bewegung. München-Wien. 1977; BERGMAN J. Vera Zasulich: A biography. Stanford. 1983; SILJAK A. Angel of Vengeance: The Girl Assassin, Who Shot the Governor of St. Petersburg and Russia's Revolutionary World. Daedalus Books. 2008.
104. KARPELER A. Zur Charakteristik russischer Terroristen (1878—1887). In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Band 27 (1979), Heft 4; HILLYAR A. Revolutionary Women in Russia, 1870—1917. A Study in Collective Biography. Manchester. 2000.
105. КАРПИЛЕНКО Ю.С. «Дело» Веры Засулич: Российское общество, самодержавие и суд присяжных в 1878 г. Брянск. 1994; БУРИН С. Судьбы безвестные: Сергей Нечаев, Лев Тихомиров, Вера Засулич. М. 1994; ГОЛОВКОВ Г.З. Женское лицо русской революции. М. 2010.
106. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 101.
107. КРОПОТКИН П.А. Записки революционера. М. 1990, с. 221.
108. НОВИЦКИЙ В.Д. Из воспоминаний жандарма. За кулисами политики. М. 2001, с. 357.
109. МИЛЮТИН Д.А. Ук. соч., с. 413—414.
110. НОВИЦКИЙ В.Д. Ук. соч., с. 360.
111. СКУБА В. Меценатские «проекты» Федора Трепова. — День. 2010, № 138.
112. НОВИЦКИЙ В.Д. Ук. соч., с. 362.
113. БУДНИЦКИЙ О.В. Ук. соч., с. 46.

Мировая война глазами поручика

До сих пор в России нет достойного памятника воинам первой мировой войны. Хотелось бы предложить читателям историю одного из них — человека, непосредственно участвовавшего в боевых действиях. Уникальные письма офицера русской армии попали ко мне лет тридцать назад. Я счел не только возможным предать гласности эти частные письма, но даже посчитал своим долгом сделать это в память о персонажах необычного эпистолярного наследия. Письма ценны не только откровением личных отношений, но и как документы эпохи, несущие, к тому же, в значительной степени признаки художественной прозы.

Общее число писем — около пятидесяти. Написаны они в 1913—1917 гг. вначале поручиком, а затем штабс-капитаном Борисом Адамовичем Жуковским своей невесте Елизавете Игнатьевне Поповой, ставшей вскоре его женой. Отличная сохранность писем свидетельствует о том, что Лиза бережно хранила их до самой своей кончины. Детей, по всей видимости, у них не было, письма попали к ее подруге, затем к соседям, а потом к автору этих строк, обеспокоенному их дальнейшей судьбой.

Написаны они по правилам дореволюционной орфографии, без ошибок, каллиграфическим почерком, преимущественно чернилами и лишь отчасти карандашом, когда поручик находился под обстрелом противника.

Ответных писем Лизы, к великому сожалению, нет. Но в его письмах присутствуют следы их диалога, по которому нетрудно догадаться о ее ответных чувствах. Ее письма он, конечно, тщательно хранил, и если они погибли, то очевидно вместе с ним.

Поручик Жуковский не совершал геройских подвигов, но письма его ценны свежестью чувств, подлинностью переживаний, живостью информации. Поскольку он не был полководцем, то поле его зрения было ограничено рамками его чина и должности, но и здесь есть свои преимущества. Он видел войну вблизи и непосредственно в ней участвовал.

События начинаются в станице Урюпинской, ныне Волгоградской области. Там в доме матери проживали две юные сестры: Елизавета Игнатьевна Попова и ее сестра Анна. Лиза окончила институт в Петербурге, освоила балетное искусство, играла на фортепьяно, владела французским языком. Анна станет актрисой МХАТа (1908—1924) и МХАТа-2, существовавшего в 1924—1936 годах.

Поручик Жуковский оказался в Урюпинской после окончания военного училища в Петербурге. Он был направлен в 1-ю роту 44-го Камчатского пехотного полка. Жуковский — обрусевший поляк, получивший хорошее образование и воспитание. Его мать проживала где-то в Польше, которая с 1815 г. была поделена между Пруссией, Австрией и Россией. Своей армии у Польши не было, поэтому он являлся офицером русской армии.

Первое письмо отправлено 27 мая 1913 года. На почтовых открытках обозначен адрес: «Станица Урюпинская — Области Войска Донского. Дом Августы Ивановны Поповой. Елизавете Игнатьевне мадемуазель Поповой». Переписка вначале шла в пределах городка Урюпинска. Первое письмо достаточно сумбурно, написано после только что сделанного признания поручика.

Через неделю после первого объяснения поручик Жуковский был отправлен в военный лагерь при селе Шубково для обучения новобранцев. К этому времени Лиза дала свое согласие на вступление в брак, необходимо было только соблюсти целый ряд формальностей. Здесь и далее приводятся лишь фрагменты из писем Жуковского.

Публикацию подготовил **Л. Степаненко**.

Лагерь при селе Шубково. 24 июня 1913 года.

«Ясное мое солнышко! Слава Богу, наконец-то, кончились эти несносные дожди и, кажется, установилась хорошая погода... Детка, вчера вечером мне было особенно скучно: оркестр соседнего полка играл из оперы все те арии, что на рояле проигрывали и Вы, милая Лизочка. Как безумно больно было мне сознавать, что в такой чудный вечер и вдруг нет со мной моей родной детки, моей милой, дорогой Лизочки! Тяжелая тоска давила меня...

Да неужели, милая моя Лизочка, это правда, а не очаровательно-сказочный сон, что я через 2—3 месяца буду иметь счастье назвать дорогую, милую, хорошую Лизочку своей?! И своей на всю жизнь, на всю жизнь?! Дать Вам полное счастье — это теперь мой священный долг!! Я пойду по тропе своего покойного отца. Отец дал маме счастье, я обязан дать счастье своей будущей жене. О! Как мне хочется скорей доказать это Вам, моя милая Лизочка!!

Детка милая, относительно окончания лагерного сбора ходят неутешительные слухи, что нас отпустят на зимние квартиры не ранее 9-го сентября, но это еще мало известно и верно. Крепко без конца целую Вас. Пишите ежедневно. Люблю бесконечно Вас и счастлив

Степаненко Лев — член Союза писателей России, священник, действительный член Русского географического общества.

этой любовью. Ваш навсегда Боря». Поручик не цитирует, как чаще всего бывает, стихи чьих-то поэтов, он переполнен возвышенными чувствами, которые его самого делают поэтом.

Лагерь при селе Шубково. 2 июля 1913 года.

«Моя милая, хорошая, единственная Лизочка! Нетерпение мое переходит всякие границы. Вот ведь и карточки Ваши у меня есть, а все не то... мне голос Ваш хочется слышать, Ваши живые слова! А как хочется заглянуть в Ваши глаза, долго-долго смотреть в них и читать по ним душу Вашу... Я положительно не знаю, чем и как отблагодарю судьбу за то, что она дала мне в жизни такое сокровище... В Вас я нашел своего бога и свою религию!

Детка, простите, что сегодня посылаю Вам такое коротенькое и неряшливое письмо. В лагерь приехал командующий войсками и поэтому времени свободного очень мало. Писал это письмо, сидя в палатке... Я уже забыл, что такое сон. Ложась в 1 час ночи, в 6 часов утра я уже на ногах. Физически устаю, но нравственно чувствую себя бодрым и здоровым, ведь до нашей встречи осталось каких-то 70—80 дней.

Пишу Вам письмо, а наш полковой оркестр играет из оперы “Кармен”. Вспомнились мне Вы, когда играли из этой оперы... Ах, дивное милое прошлое время!! Крепко-крепко и горячо без конца Вас целую. Ваш навсегда Борис».

Лагерь при селе Шубково. 4 июля 1913 года.

«Милая дорогая единственная Лизочка! Сегодняшний день — канун нашего полкового праздника. В полку масса приготовлений. Офицеры полка как-то все торжественно настроены, и только я один остаюсь с Вами...

Только что получил Вашу открытку, где Вы, Лизочка, пишете о своем возмущении на почту. Милая, не волнуйтесь, мне так кажется, что чиновники здесь совершенно не причем. Ведь Ваши письма все-таки приходят на 6—8 день и по 2—3 сразу. По-моему, они просто в различные поезда попадают и одни идут из Урюпина через Лиски, Воронеж, Курск и Киев, а другие — через Царицын и делают таким образом громадный круг. Люблю Вас. Ваш навсегда Борик».

Лагерь при селе Шубково. 6 июля 1913 года.

«Продолжу описание полкового праздника. Ваш Борик ужасно трусил за свою милую “образцовую” роту. Да и в каждом офицере полка чувствовалось желание не быть хуже других. В 10 часов утра весь полк был построен перед лагерной нашей церковью. Утро было на редкость ясное, погожее, обещающая жаркий день. Невдалеке от строя под красиво убранном зеленым шатром белели нарядные дамские платьица наших полковых изящно одетых дам. Их ручки, затянутые в длинные бальные, белые перчатки, перебирали всевозможные ленточки, бантики, полоски, щедро разбросанные по платьям. Это были последние жесты женского прихорашивания перед сердце шемющим военным зрелищем парада.

Выровняв своих прелестных солдатиков, офицеры сгруппировались у своих батальонов, томясь долгим ожиданием своего высшего начальства. Чем дольше ждали, тем больше нервничали. Но вот вдали на повороте широкой лесной гладко укатанной дороги, в красивой рамке зеленых стен деревьев, показалась лихая тройка в блестящем

наборе с малиновым звоном колокольчиков. Ехал командир корпуса, который принимал парад нашего полка. И этот мелодичный звон колокольчиков, как волшебная палочка, вмиг изменил всю картину, перед тем только мною описанную. Все разом вздрогнуло и зашевелилось. Офицеры встали по своим местам, вполголоса делая последние замечания своим подчиненным солдатам. Стройные желонеры с значками на ружьях невольно обращали на себя внимание, резко выделяясь среди ровных, прямых шеренг солдат, издали казавшихся сплошной светло-зеленой стеной. Команда... и желонеры скрылись за роты (по ним ровнялся полк). Приглашенные гости-офицеры издавали бряцанье сабель и звон «савельевских» шпор. Лучшими шпорами по выделке и звону в военной России считают шпоры Савельева, а потому офицеры на всех парадах всегда шеголяют в них — это я так, а гророс, упомянул.

Даже дамы и те проявили заметное волнение, ожидая «мать командиршу». Дав выйти из экипажа начальству, командир полка подал лаконическую команду и, сверкнув своей блестящей на солнце шашкой, пошел встречать приехавшего высокого начальника. Точно электрический ток пробежал по мертвой солдатской стене. Вздрогнули... раз... два... три и ружья взяты «на караул» для встречи начальника. Десятки молний сверкнули от поднятых шашек господ офицеров. И снова все замерло, лишь только тысячи глаз загорелись огнем ожидания. В воздухе плавно и мелодично поплыли сочные звуки оркестра полка. То встречный марш заиграли. Странно... эти звуки уносили далеко, далеко от этих блестящих солдат. В них чудилось непонятно влекущее что-то. Хотелось идти, идти бесконечно, не зная зачем, для чего и куда. Не все ли равно? Ведь в жизни все тайна! А может они унесут человека туда, где солнце иначе уж светит, где воздух чище и вольней, где сердцу отраднее будет?! Неясные, сладкие мысли... Эх, в эти минуты так захотелось подняться высоко-высоко, по небесной выси поплавать, наслаждаясь простором небес!! Лучи солнца, лучи жизни мира всего потянули к себе. Где солнце, там жизнь; где свет, там свобода и правда, а их так теперь мало у нас на грешной земле. Вот к ним и тянулась в эти минуты душа. Не знаю, далеко ли улетел бы, купаясь в собственной фантазии, но к несчастью был разбужен от мыслей своих страшным нечеловеческим криком, то полк приветствовал своего почетного гостя. Вот и со мной, наконец, поравнялся этот долгожданный гость... Продолжение завтра.

К великому сожалению, продолжение описания полкового праздника отсутствует, но зато удалось разыскать информацию о селе Шубкове, в котором происходили события. Названия этого я не нашел ни на новых, ни на старых картах, но поиски мои были неожиданно вознаграждены сведениями, содержащимися в книге воспоминаний митрополита Евлогия (Георгиевского, 1868—1948), предстоятеля православных русских церквей в Западной Европе под названием «Путь моей жизни». Книга написана в эмиграции и впервые издана в России в 1994 году. Митрополит Евлогий описывает Шубково ровно через два года после пребывания в нем поручика Жуковского. В 1915 г. русские временно отступали, и речь здесь идет об эвакуации галичан, которым угрожали австрийцы. Цитирую: «Они двинулись табором, неорганизованным потоком в 50—100 тысяч человек в нищие, исто-

щенные военными реквизициями приграничные области. Стар и млад, лошади, коровы, телеги, груженные домашним скарбом.

Я поехал к Главнокомандующему Иванову (Иванов Николай Иудович, 1851—1919, генерал-адъютант, генерал от артиллерии, член Государственного совета, главнокомандующий Юго-Западным фронтом с начала войны до марта 1916 г. — Л.С.), чтобы обсудить, что делать. Он предложил мне воспользоваться Шубковым, артиллерийским полигоном (Волынской губернии, Ровенского уезда), незаселенной площадью в 30—40 верст. До войны на этом полигоне по летам производилась учебная артиллерийская подготовка; были настроены для офицеров хатки, а для солдат выкопаны землянки.

Какой-то исход из безысходности нашелся. Положение галицийского каравана было ужасно. В пыли, грязи, под дождем и зноем, рожая и умирая в пути, двигался грандиозный табор беженцев, не зная, где и когда он оседет. Надо было кормить скот и самим кормиться, но наши крестьяне, оберегая свое достояние, на свои луга чужой скот не пускали.

Я поспешил вперед, чтобы направить главную массу беженцев в Шубково. Там около 50 тысяч галичан и осело. Местность, пригодная для полигона, оказалась далеко непригодной для поселения. Кругом болота, колодцев не хватало. В жару люди бросались к воде, и в результате новое бедствие: холера...

Я спешно выехал в Житомир и попросил губернатора сейчас же мобилизовать 2—3 отряда Красного Креста и Земского Союза, также приказал стражникам оцепить болота и не пускать беженцев к зараженной воде.

События надвигались грозные. Тучи сгущались. На фронте со дня на день положение было все хуже и хуже. Возникла тревога за судьбу Почаевской Лавры. То тут, то там виднеется зарево пожаров — это наши, отступая, подожгли интендантские склады, деревни и хлеба. Мы отступали все дальше и дальше. Уже австрийцы угрожали Бродам. Наш фронт от Дубно был теперь верстах в двадцати-тридцати. Что было делать с беженцами? Я поехал к генералу Иванову и объяснил положение дела: зимовать в Шубкове невозможно, надо галичан устроить прочно. Опять исход нашелся — выручили непредвиденные обстоятельства. Было решено очистить Волынь от немецких колонистов и заселить на их место галичан».

Как видим, уютный лагерь в Шубково, каким его описывает поручик Жуковский, превратится скоро в кровавый ад, но летом 1913, когда офицер ежедневно писал письма своей возлюбленной, трагедии еще ничто не предвещало.

Лагерь при селе Шубково. 28 июля 1913 года.

«Люблю, люблю, бесконечно люблю Вас, Лиза!! Страшно тоскую, сердце рвется к своей Лизочке. Солнышко мое! Нисколько не сержусь, что иногда должны Вы пропустить день и не написать письмо мне... Нет, детуся моя родненькая, чистосердечно говорю Вам: нисколько я не жалею о своей холостой жизни! Да и что в ней жалеть?! Пустота... безумность... бледность!! А теперь: явилась цель, которая заполнит пустоту и создаст яркость! Свободы холостой жизни не понимаю. Зачем она, раз к жизни был я равнодушен? Милая, как безумно хочется жить теперь, жить не для себя, а для своей родной

детуси! Господи, видеть улыбку счастья и любви на личике моей дорогой, милой Лизочки, знать, что мои поцелуи приятны моей детке — да за это я готов всего-всего достигнуть, что только не захочет моя родная! Люблю, люблю, бесконечно люблю Вас, Лиза!! Ах, скорей, скорей бы быть с Вами. Страшно тоскую, сердце рвется к своей Лизочке.

Относительно окончания лагерного сбора ничего не могу сказать определенного. Возможно, наш полк пойдет на охрану железной дороги при проезде Государя в Крым. Детка милая, присылайте свои бумаги теперь, потому что, если двинемся на охрану в середине августа, то тогда не успеем испросить разрешение на нашу свадьбу. В походе суд чести не собирается и, следовательно, придется отложить получение документа до прихода в Луцк, что сильно задержит мой отъезд. Из Ваших, детуся, бумаг, повторяю, нужны:

а) выписка из метрического Вашего свидетельства,

в) свидетельство об окончании Вами, милая, института и

с) письменные заявления (произвольно составленные) мамочки и Вашего о желании на нашу свадьбу. Например, для мамочки: Я, нижеподписавшаяся, письменно заявляю о своем желании вступления поручика вверенного Вам полка, Бориса Адамовича Жуковского, в первый законный брак с моей дочерью, Елизаветой Игнатьевной Поповой. Что и удостоверяю своей подписью. — Подпись. Для Вас же, детуся, так: Я, нижеподписавшаяся, письменно заявляю о своем желании вступить в первый законный брак с поручиком вверенного Вам полка, Б.А.Ж. Что и удостоверяю своей подписью. — Подпись.

Исполним терпеливо все эти формальности, считаемые законом. Для нас же, детуся родная, самыми важными законами являются законы сердца и души — ведь правда, милая?! Лизочка родная, относительно квартиры все сделаю так, как Вы хотите. Через неделю еду с Варварой Ивановной в Луцк. Пришлю подробное описание и план ее. Милая детка, безумно целую Вас и благодарю еще раз за заботы о нашей будущей жизни!».

Свадьба состоялась лишь в ноябре 1913 года. Родственники Бориса сочли невозможным приехать на русскую свадьбу, но это остановить его уже не смогло. Местом службы ему определили г. Луцк, где они снимали квартиру из пяти комнат за 50 руб. в месяц. В средствах он очень ограничен, т.к. жалованье его составляет всего 100 рублей в месяц зимой, 130 летом, 150 на маневрах.

Счастливая жизнь супругов Жуковских продолжалась до начала первой мировой войны.

Германия объявила войну России 19 июля (1 августа н.с.). Поручик Жуковский служил в 3-й Армии Юго-Западного фронта, сражавшейся против Австро-Венгрии, объявившей войну на пять дней позднее — 24 июля (6 августа), в день его рождения. Он ужасно не хотел войны, не испытывал никаких патриотических чувств, и его можно понять. Не прошло, во-первых, и года, как он женился, и был полон честолюбивых планов на обустройство семейного будущего. Во-вторых, его историческая родина Польша была разделена между Россией, Германией и Австро-Венгрией, которые вдруг вздумали воевать друг с другом, не оставляя ему собственного национального интереса, хотя ни в одном из писем он не говорит об этом.

Настроения поручика были вполне естественны. Вот и генерал М.К. Дитерихс, командовавший у Колчака Сибирской армией, писал в своих мемуарах: «Ни у Государя, ни у Государыни в натуре совершенно не было личного честолюбия или личной жажды власти. Их личные желания сводились к жажде покоя в кругу своей Семьи, в своем очаге, в среде русского христианского народа». Несмотря на свое нежелание воевать, поручик, тем не менее, честно выполнял свой офицерский долг.

Первое упоминание о войне содержится в его письме от 15 июля 1914 г. из Луцка в станицу Урюпинскую, где Лиза гостила у матери. Он в смятении — то верит, то тут же не верит, что война разразится: «Никакой войны, кажется, не будет... А что если в самом деле война? Одно только ужасно, боюсь полным калеккой вернуться, тогда все пропало. Нет, я абсолютно не верю в возможность войны... Нет, нет и тысячу раз нет, войны не может быть». Сомнения и заклинания встречаются и в последующих письмах, которые он отправлял каждый день.

19 июля Германия, союзница Австрии, объявила войну России, но в письме от 20 июля поручик продолжает сомневаться: «Вести о войне приходят все хуже и хуже. С минуты на минуту ждем объявления войны. Нашему полку придется идти против австрийцев. Благослови своего Борики. Если будет суждено увидеться, то опять будем счастливы. Безумно жаль, что не удастся перед войной с тобой, моя родная, проститься... Бог даст, не навсегда расстанемся. До настоящего объявления войны не могу верить в ее возможность. Неизвестность страшно изматывает нервы.

Да, вот как капризна судьба. Разве мы могли предполагать с тобой, что разыграются такие грозные события!? Господи, зачем все это? Надежда на мирный исход все больше и больше слабеет. Как хочется вернуть наше счастье. Нет, нет, войны не может быть! Это слишком несправедливо. Пишу тебе это письмо у немца-колониста. Моя 1-я рота стоит на окраине Луцка, охраняя вход в него. Впереди нас в поле стоят другие войска».

События неумолимо приближались. До начала войны с Австрией оставалось два дня. Атмосфера накалялась, это явно ощущается в письмах от 21 и 22 июля: «Я не могу без тебя, я умираю от тоски. Господи, зачем все это? Ведь и так жизнь полна несчастий, и вот оказывается, что этого мало, нужно всемирное несчастье.

Я ставлю оцепление для стрельбы с запасными. Выехал верхом в 5.30 утра, а возвратился в 7.30 вечера. Солнце пекло невероятно. В полку как раз служили молебен, т.к. одна из рот уходит к границе. Май-Маевский рассыпается в речах. Он уже готов брать Вену и Берлин. Офицеры иронизируют над ним. Он довольно красив в своих зажигательных речах, но на деле уже выказал суетливость, волнение и горячность. Офицеры гораздо серьезнее смотрят на ожидаемую войну, чем наш “голова”».

К личности упомянутого поручиком Май-Маевского Владимира Зиновьевича (1867—1920) следует добавить, что в начале войны в звании полковника он был командиром 44-го Камчатского полка, но скоро получил звание генерал-майора и стал командиром 35 пехотной дивизии. В Гражданскую войну он был одним из командующих

Добровольческой армией, но был отстранен Деникиным за поражение на фронте и пьянство. Умер в ноябре 1920 г. в Севастополе от инфаркта при посадке на пароход, в возрасте 53-х лет.

И вот, наконец, письмо, написанное после объявления войны, 26 июля 1914 г., село Кульчин: «Полк из Луцка ушел и расположился поротно по окрестным селам и деревням. Ждем прихода австрийцев. Войну нам Австрия объявила 24 июля и теперь можно ожидать появления австрийцев около Луцка. Из Луцка все бежит вглубь России: Окр. Суд, Казначейство, Банки уже уехали. Мосты сожжены, дабы австрийцы не могли переправиться по ним. Моя рота стоит в 10 верстах от Луцка для защиты переправы от австрийской кавалерии. Вчерашний день, когда я узнал от ротного командира Зилитинковича об объявлении войны, я провел в каком-то полусознательном сострадании. Я как автомат ходил, сидел и мало понимал, что вокруг меня делается. А в селе бабы подняли плач, не знают куда бежать. Ужасная картина».

Первые фронтовые впечатления поручика были получены от вида австрийского военного дирижабля (1 августа, село Рачин): «Моя единственная, полк наш весь перешел вчера из Луцка под город Дубно, и расположился в его окрестностях. Вчера ночью над нашим расположением летал цеппелин. Точно звездочка казался простым и небооруженным глазом. Сначала он низко и плавно пролетел над нашим отрядом, а затем поднялся высоко-высоко над нами и остановился. Только прожектор, установленный в передней его части, то убавлял огонь, то ярче разгорался. В сильный бинокль виден был ряд освещенных окон каюты его и чуть заметные в темноте очертания сигары — его корпуса. Какая смелость — быть над лагерем противника. К утру, конечно, улетел за свою границу.

Что-то будет дальше? Этот вопрос сверлит мозг целые дни. Вчера я познакомился с нашим полковым врачом. Он сам мог не идти на войну, но пошел потому, что в его семье много пошло родных. У него остались и мать, и отец, и жена, и двое детей. Доктор охотно присоединился к моим проклятиям по адресу Вильгельма, из-за которого весь мир, быть может, обольется кровью.

Пиши мне теперь по адресу: “В действующую армию, Юго-Западный фронт, 44 Камчатский пехотный полк, поручику Жуковскому Б.А.” Город на конверте упоминать нельзя, ибо такое письмо уничтожат на почте».

Среди писем поручика одно особенное — матери Лизы (4 августа 1914 г., деревня Панталая). Несколько театрально, вероятно, в минуту отчаяния он пишет ей с отеческой заботой о жене: «Если меня убьют, то мой Литусенок, нагоревавшись, с Божьей помощью найдет себе еще лучшего для себя мужа. Дай ей Бог полного-полного счастья. Только не пускайте ее опять в балет. Не ей, с ее чистой, хорошей натурой быть в этом нечеловеческом разврате. Ведь и балет, к сожалению, существует до сих пор в качестве тонкой приправы к голому, животному разврату. Не хватит у нее, у такой хрупкой, бороться с кровожадными людскими крокодилами, которые насытившись ей, с отвращением оттолкнул ее от себя. Это будет моя предсмертная просьба к Вам, мамочка».

Наконец, 6 августа поручик сообщает Лизе, что им зачитан приказ по армиям Верховного Главнокомандующего Великого Князя

Николая Николаевича «начать спокойное, но решительное наступление в Австрии». «Никакого особенного подъема нет, но видна твердая уверенность в исполнении своего долга перед родиной», — вынужден признать он. С самого начала войны Австро-Венгрия терпела поражения. В августе-сентябре 1914 г. русские войска разгромили австрийскую армию в Галицийском сражении. 44-й Камчатский пехотный полк едва поспевал за кавалерией, и поручика изматывали бесконечные переходы и опасные ситуации. В этом же письме он делится с Лизой своими впечатлениями: «Вчера взяли пленного австрийского солдата-улана. Он рассказывает, что не сдался бы в плен, если бы казак не вышиб его из седла пикой, воткнув ее в щеку ему, не повредив даже зубов. И вот, Лизусик родной, если б ты видела эту поистине трогательную картину: этот же самый солдат-улан австриец шел в обнимку с казаком, ранившем его, который угощал его папирасой. Наши пехотинцы накормили его сытно, напоили чаем. Нам жаль несчастных пленных. Они были очень удивлены. Оказывается, им на родине, понаказали, будто у нас в России с пленными обращаются так: день морят голодом, а затем вешают. Пусть знают, как душевно велик русский народ.

А на днях казаки встретили австрийский разъезд, бросились на него. Австрийский улан-офицер наскочил на одного казака. Шашки их со звоном скрестились, но казак ловко отпарировал удар и удачным взмахом снес голову офицеру. Так голова и отлетела. Какой ужас!!!»

Наиболее кровопролитные бои происходили под Лембергом (Львовом). Письмо от 28-го августа: «Наша 3-я Армия, подойдя к Лембергу, должна была торжественно войти в него, ибо это мы боями 13, 14, 15 и 16 августа сделали невозможным защищать австрийцам Лемберг. Они в паническом страхе бежали из него, оставив все в наших руках. И так Лемберг сдался нам без боя, а между тем здесь произошел очень кровопролитный бой. И вот в то время, как наша армия готовилась отдохнуть несколько дней, нас послали на помощь 5-й Армии. От Лемберга мы двинулись прямо на север к русской границе с целью соединиться с 5-й Армией. 24-го и 25-го мы уже столкнулись с противником. В ночь на 26-е сзади деревни, в которой ночевали наш и Охотский полк, расположились два других полка нашей дивизии, штаб дивизии и обоз этих двух полков. В полночь на них спящих натолкнулись два австрийских полка, и началась перестрелка. Заспанные солдаты бросались в штыки на австрийков и в упор стреляли. Обоз этих двух наших полков был совершенно уничтожен. В лесной сторожке помещался штаб дивизии: два генерала, начальник штаба и адъютанты. Всех их почти австрияки забрали в плен и ушли. Рано утром мы все вступили в бой с этими двумя австрийскими полками и скоро уничтожили их, забрав их к-ра полка, знамя и всех наших пленных штабных. Причем, представь себе, деточка, австрияки вели пленных наших офицеров впереди и по ним пришлось нашим стрелять. Убито три артиллерийских офицера пленных, оба генерала ранены, а есть и невредимые, возвращенные нами из плена. Это утро 25-го было прямо кошмарное, многих потеряли мы. Трудно описать все, это надо испытать. Падают кругом убитые и раненые люди, лошади, это был какой-то сплошной ад.

Увы, разбив два австрийских полка, мы не отделались от них, и через полчаса с другой стороны посыпался на нас град снарядов. Этот бой, начавшийся рано утром 25-го, шел и 26-го, и 27-го. В полку очень большие потери. Ранен в ногу с раздроблением кости Укуров, Ольховик был у них в плену с тем офицером, который вместе с нами в Луцке покупал канареек. Оба ранены: Ольховик в голову легко, а Эгертдорф сильно в ноги обе и в грудь. Убито за этот бой три офицера, в общем уже выбыло из строя 25 офицеров. Много офицеров у нас в полку сильно поседели. Из боя мы идем прямо в бой. С 13-го по 28-е августа мы не имели ни одной свободной минуты. То шли по 30—40 верст в сутки, то в бою несколько дней. Офицеры говорят, что так трудно не было и в Русско-японской войне.

Ты вообрази только: белье переменять приходится раз в три недели и больше, умываться не каждый день удается, спать час, два не больше, в поле или на грязном полу. Блохи целыми табунами гуляют по телу, волосы не расчесывал уже недели две и столько же времени не касался и бритвы. Есть приходится всякую гадость, хлеба, простого хлеба уже вот неделю не видали, а едим сухари. Но самое главное это то, что нет минуты, чтобы можно было не думать об опасности. Ложишься спать и не знаешь, будешь ли жить на другой день.

Вчера ночью мы ушли из боя и пошли помочь нашей кавалерии. Наша дивизия называется теперь «летучей», т.е. везде должна успевать появляться и помогать. В бою приходится быть почти каждый день. Я свято верю Николаю Угоднику, что он не оставит меня без своей защиты. Мало и очень мало осталось офицеров у нас в полку, да и солдат уже половины нет. Перед войной было около 5 тысяч, а теперь осталось около 2,5 тысяч. Еще два-три боя и офицеров совсем не останется».

Редкое для офицера откровение содержится в письме поручика от 30 августа 1914 г., когда он отвечает на странные желания, казалось бы, изнеженной молодой женщины: «Ты просишь, родненькая, заколоть австрияков для тебя, но я не могу этого тебе сделать, хотя возможность представляется всякий раз в бою. Не могу потому, что мне противно это сделать. Вести на австрияков солдат и управлять их огнем я считаю своим долгом, раз попал на войну, но сам не могу совершить убийство. Не знаю, как дальше придется».

Тебе, родненькая, хотелось бы увидеть бой. Не стоит. Вот я испытал полностью прелесть боя и нахожу, что не дай Бог никому испытывать этого дико-кошмарного удовольствия. Теперь только приходится удивляться, как это до сих пор в таких ужасных боях еще Бог миловал меня. Этим я вовсе не хочу сказать, что я веду себя на войне, как трус. Нет, твой Борик выполняет свой долг перед Родиной по мере сил своих. Я представлен уже к двум боевым наградам, но боюсь, чтобы дальше не представили к награде — деревянному кресту».

Описание реальной картины театра военных действий продолжается в письме следующего дня — 1 сентября 1914 г.: «В Австрии наши войска совершают блестящие победы. Вот уже взят один из главных проходов на Карпатах у Стрия. Наша кавалерия послана для разведки на Карпаты. Остается взять сильную крепость Перемышль и тогда дорога до Вены открыта. Все до последнего солдата твердо уверены в полной победе русских войск в Австрии. Галиция у ног России. Вся

она запестрела скромными, печальными крестиками на могилах убитых наших солдат. Эх, мой родной, мой миленький Литусенок, очень труден наш кровавый путь по Галиции!! Куда не взглянешь, всюду кровь, кровь и кровь. Задыхаемся от трупного запаха. Вот сейчас наш полк стоит в деревушке под Равой Русской, где был бой. Много хат погорело, всюду убитые лошади и кресты. Рава горит.

Из-за 5-й Армии нашей 3-й Армии не пришлось и во Львове побывать. Генерал Плеве, командующий 5-й Армии смещен, а на его место назначен наш командующий 3-й армией — генерал Рузский, нашей же Армией будет командовать Радко-Дмитриев.

Австрийцы панически отступают. По всей дороге они побросали весь свой обоз, с провизией, с вещами, патронами и снарядами. По-оставляли орудия артиллерийские. А лошадей-то побито у них: верст 6 мы шли и встречали убитых лошадок. Воображаю, сколько убитых и раненых было у них людей?! Уж очень сильно их несчастных бьют».

Генерал-адъютант Н.В. Рузский (1854—1918), масон, вместе с другими заговорщиками принуждал императора отречься от престола. В своем дневнике Государь написал, что он простил всех, кроме Рузского. Рузский был зарублен чекистами и закопан полуживым под Пятигорском.

К счастью для поручика, его непосредственное участие в военных действиях прекратилось уже в октябре 1914 года. В письме от 5-го октября он сообщает, что у него разболелась нога, и ему дали свидетельство для эвакуации на лечение. Он прошел ряд госпиталей в Любачеве, Раве Русской, Львове и теперь находится в 173-м запасном госпитале в Броде.

На следующий день он сообщил Лизе, что его могут после излечения оставить для обучения запасных нижних чинов и ратников ополчения, согласно приказу Верховного Главнокомандующего. По этому приказу выздоравливающие офицеры должны обучать запасных, а кадровые офицеры этих рот отсылаться на войну. Так и случилось.

В 1915—1917 гг. поручик, а затем штабс-капитан Жуковский служил в Виленском военном училище. Ожидая приезд Лизы, он сообщал ей подробнейшим образом распорядок своего дня, размер жалования, состояние квартиры. Много времени у него уходило на подготовку к занятиям. Поручик мечтал о поездке в отпуск к морю вместе с Лизой.

Последние письма штабс-капитана написаны в мае-июне 1917 года. Он преподавал в училище, но его всерьез захватила политика. На его письмах два красных флажка, на которых написано: «Земля и воля. В борьбе ты обретешь права свои». В письме к Лизе от 16 мая он сообщал: «Увлекся организацией в Училище комитета партии Соц.-Рев. На моих плечах лежит участие в Ротном комитете и Училищном. Много хлопот с устройством концерта-кабарэ.

Новостей особенных нет, только разве вчерашний случай: предупреждение монархической манифестации, которая должна была начаться у Монастыря. Наш Совет главарей этих монархистов принужден был арестовать, в том числе какого-то офицера. Нечего сказать, хороши свободные граждане. И если бы опоздал Совет и гнусная манифестация втянулась в город, то мало от нее чтобы осталось. Идиоты какие-то.

Ты, Трусик милый, пишешь, что Надюшка стала черносотенка, ну и пусть ее, не надо ссориться. Мы должны быть сильны своим словом и своими делами для народа. А как ты-то, моя республиканочка родненькая, чувствуешь себя?»

28 мая тон его письма меняется: «Я только что вернулся с общего собрания Совета. Сейчас 10 часов вечера, я ушел с середины заседания только потому, что начинаю тяготиться в этом Совете. Ты удивишься: как, после такой головокружительной страстной работы для Совета, которому я верил как своему божеству, я вдруг тягочусь пребыванием в нем. Да, это так. Я уже опередил это демократическое учреждение революции и в данное время считаю его умирающим постепенно. Я перекинулся к партии Соц.- Рев., но увы... примкнул к ее левому крылу. Принципиально поддерживаю партию, но в душе стремлюсь к еще более широким горизонтам. Мне не хватает воздуха политики!»

Его оценка военных событий близка к большевистской (29 мая 1917 г.): «Наступление наших войск решено. Мы социалисты в принципе решительно отвергаем это самое наступление, на практике же мешать не будем и дадим возможность людям кричащим «война до победы» еще раз попытаться счастья с войсками Гинденбурга. Правда, интернационал трещит по швам, но иначе пока и быть не может... Для нас социалистов одинаково ужасны будут как победа, так и поражение наших войск. Победа поведет к дальнейшему вооружению стран и к ослаблению социалистической революции; поражение поведет к полной анархии и вслед за этим к монархической диктатуре...»

И вот, наконец, последнее письмо из училища от 3 июня 1917 г.: «В Совете работа кипит, но я сдаю на днях полномочия свои, пусть поработают другие, а-то все я да я. В партии у нас горячая работа идет по выборам в Городскую думу. Мою кандидатуру ставят, но я ее сниму — меня же в Полтаве жители не знают».

Итак, на примере одной семьи видна трагедия России: Борис Жуковский — эсер, его жена Лиза — «республиканочка» неизвестного толка, Надюшка — монархистка-черносотенка, сестра Лизы Анна вписалась в советскую действительность, судя по тому, что в 1920—30-е гг. служила актрисой во МХАТе-2. О взглядах и судьбе матери Лизы, других членов семьи можно только предполагать. Они проживали в казачьей станице Урюпинской и, вероятно, были казачьего происхождения, но троцкисты-ленинцы объявили о поголовном уничтожении казачества. Станица Урюпинская была залита кровью, в 1920 г. здесь ежедневно расстреливали по 60—80 человек, мужчин и женщин.

Штабс-капитан Жуковский показал себя расчетливым, аккуратным и практичным в хозяйственных делах, но совершенно неискушенным в политике. Он примкнул к партии социалистов-революционеров (эсеров), существовавшей в России в 1901—1922 годах. После октябрьского переворота 1917 г. эсеры вели вооруженную борьбу против советской власти, участвовали в организации заговоров и мятежей. В итоге часть их эмигрировала, часть была ликвидирована большевиками. Складывается представление, что шансов у штабс-капитана Жуковского остаться живым не оставалось, и он сгинул в неизвестности, так и не составив счастья своей горячо любимой Елизавете Игнатьевне, оставив ей лишь около сотни писем, которые она хранила и перечитывала до своего последнего дня.

Вятское крестьянство в годы первой мировой войны

И.В. Чемоданов

Первая мировая война стала суровым испытанием для российской, в том числе и вятской деревни, потребовав масштабной мобилизации ресурсов и предельного напряжения сил крестьянства. В годы войны Вятская губерния стала крупным поставщиком людских ресурсов на нужды армии. В 1914 г. в регионе прошло шесть наборов в вооруженные силы, в 1915 г. — восемь. Первые два года в мобилизационном отношении были относительно успешными, но, начиная с 1916 г., в регионе возникли сложности с набором в войска. Общее недовольство затянувшейся войной, падение жизненного уровня привели к росту числа уклонистов. При этом, как правило, крестьянское население выступало с осуждением людей, стремившихся незаконными способами уклониться от службы в войсках. Об этом свидетельствуют коллективные послания на имя губернатора Вятской губернии от жителей деревень и сел. С 1916 г. участились досрочные призывы, требования к проведению мобилизаций ужесточились, количество отсрочек сокращалось¹.

Массовые мобилизации наиболее трудоспособного мужского населения деревни негативным образом отражались на сельскохозяйственном производстве. Кроме того, по решению царского правительства сельское население губернии призывалось на вывозку дров, сырья, выжигание угля, строительство и ремонт грунтовых и железных дорог. В ноябре 1916 г. в ряде уездов Урала и Приуралья, в том числе в Глазовском и Слободском, была проведена, по сути, поголовная мобилизация населения на рубку и перевозку леса². В особенно тяжелом положении оказались крестьяне Сарапульского, Глазовского, Малмыжского и Елабужского уездов, находившиеся вблизи Ижевского и Воткинского военных заводов и строящейся железной дороги Казань — Екатеринбург³. В этих уездах крестьяне привлекались к

Чемоданов Игорь Владиславович — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета. Киров.

принудительным работам по подвозу топлива к заводам. Вся тяжесть сельскохозяйственных работ легла на плечи женщин, детей, стариков. В таких условиях заготовка хлеба для армии не могла не сопровождаться трудностями различного характера ⁴.

Накануне первой мировой войны Вятская губерния в аграрном плане являлась регионом, где всецело господствовало трехполье, а главными возделываемыми сельскохозяйственными культурами были рожь и овес. Доля льна и картофеля в посевах, несмотря на некоторый рост ее перед войной, продолжала оставаться ничтожной: в 1912 г. посевы льна составляли 6,5% от общей посевной площади, а картофеля и того меньше — 0,6%. К 1916 г. удельный вес льна в посевах сократился до 5%, а картофеля — вырос до 1,6% ⁵. В период войны вятские крестьяне оценили достоинства картофеля и рассматривали его теперь как заменитель хлеба, своего рода страховку на случай неурожая зерновых, а также масштабных хлебных изъятий.

С самого начала войны на Вятскую губернию были возложены крупные сельскохозяйственные поставки. Их объемы постоянно повышались. При этом проводились реквизиции по ценам, которые не покрывали издержки производства. Тяжелым бременем стали также реквизиции лошадей, крупного рогатого скота, свиней, хлеба и т.д.

С августа до 1 декабря 1914 г. вятское земство определило поставить для армии 1 млн пуд. овса и столько же ржи. В декабре наряд на овес был повышен до 2, в январе 1915 г. — до 5 млн пудов. Кроме того, нужно было сдать 1 млн пуд. муки и 300 тыс. пуд. гречневой крупы. В 1916 г. губерния должна была поставить 50 тыс. голов скота. На 1917 г. этот наряд достиг уже 202 тыс. голов крупного рогатого скота и 158 тыс. свиней, что составляло около 1,5 млн пуд. мяса ⁶.

В период первой мировой войны аграрный сектор Вятской губернии дал фронту значительные объемы сельскохозяйственной продукции. Только с начала войны по начало 1917 г. на нужды армии было отправлено 261 013,91 тыс. т сельскохозяйственной продукции, более 0,5 млн голов крупного и мелкого рогатого скота, свиней. Обязательные поставки скота и мяса являлись в годы войны одним из мобилизационных мероприятий. Рост нарядов на скот, необходимость их скорейшего исполнения приводили к ухудшению жизни на селе. Для реализации предписаний центра местные власти проводили политику ограничения или запрета вывоза сельскохозяйственной продукции, скота, мяса за пределы Вятской губернии.

Параллельно проводилась реализация военно-конской повинности, которая привела к значительным изъятиям из сельскохозяйственного производства лучших лошадей. Реквизиционные выплаты не покрывали потерь населения, которое лишалось главной тягловой силы. Контрольные цифры поставок лошадей на нужды армии для Вятской губернии в годы первой мировой войны колебались в пределах 10—15 тыс. в одну поставку ⁷. Только по обязательным поставкам 1915 г. во всех уездах губернии было реквизировано на нужды войны 11 400 лошадей ⁸. В общей сложности с начала войны по конец 1916 г. из сельского хозяйства Вятской губернии на нужды армии было изъято около 40 тыс. лошадей.

Условия военного времени диктовали необходимость корректировки местными властями и земскими органами планов мероприя-

тий по развитию животноводства, которые до войны заключались, главным образом, в содержании случных пунктов и проведении животноводческих выставок. Так, выставка по коневодству в селе Сернур (Уржумский уезд), назначенная на 8—10 августа 1914 г., в связи с начавшейся войной была отложена на неопределенное время. На аналогичной выставке, состоявшейся 25—27 мая 1915 г. в губернском центре — г. Вятке — участвовало 83 лошади, что было значительно меньше, чем в предшествовавшем, 1914 году. Две конские мобилизации, проведенные в Малмыжском уезде, имели следствием изъятие на нужды армии лучших лошадей, что наглядно показала коневодческая выставка, состоявшаяся 15—17 июня 1915 г. в уездном центре — г. Малмыже. В целом, качество представленных на ней лошадей было невысоким, особо выдающиеся экземпляры отсутствовали, поэтому и размер выданных денежных премий был невелик ⁹.

Ослабленная постоянными мобилизациями людских ресурсов вятская деревня испытывала недостаток рабочих рук, сталкивалась с различными ограничениями потребления зерновых ¹⁰. В Котельничском уезде в весеннюю посевную 1915 г. «недостаток в рабочих руках был так велик, что мужская поденщина без лошади доходила до 2 руб., а с лошадей до 3 р. 50 коп.» ¹¹ С 1916 г. начались проблемы с выполнением планов сельскохозяйственных поставок. Накануне Февральской революции ситуация в сельском хозяйстве региона еще более ухудшилась.

К лету 1917 г. из сельской местности России было мобилизовано 47,6% всех мужчин трудоспособного возраста ¹². По Вятской губернии этот показатель был еще выше. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., из крестьянских хозяйств губернии мобилизовано было в армию 398,5 тыс. человек, или 49% мужского населения в трудоспособном возрасте. По количеству мобилизованных губерния занимала третье место в Европейской части России и четвертое — во всей стране ¹³. Массовые мобилизации мужского населения привели к тому, что по результатам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., по Вятской губернии на 130 женщин приходилось всего 100 мужчин ¹⁴. Уже в 1916 г. 29% хозяйств остались без работников-мужчин ¹⁵. К лету 1917 г. удельный вес таких хозяйств увеличился до 40,8%. Из губерний Европейской части России по этому печальному показателю Вятская губерния уступала лишь Калужской (44,9%) и Московской (44,0%) ¹⁶. Если сельское хозяйство прифронтовых губерний могло хотя бы частично компенсировать потерю рабочих рук благодаря притоку беженцев с территорий, охваченных военными действиями и оккупированных противником, то Вятская губерния, ввиду своего сугубо тылового статуса, такой возможности не имела. Отсюда — крайне высокая убыль трудоспособного мужского населения.

Во время войны произошло сокращение посевных площадей. При имевшейся посевной площади в 3 млн десятин недосев озимого и ярового полей в 1916 г. составил 178 тыс. дес., или 5,6% от обычно засеваемой площади. Резко упала и без того низкая урожайность. По официальным данным, уже в 1914 г. сбор зерновых в губернии был ниже среднего на 30%, а в последующие годы продолжал падать. Показательны в этом отношении данные Вятского губернского статис-

тического отдела об урожае зерновых культур и картофеля за 1913 и 1917 годы. Если в 1913 г. ржи собрали 47 пуд. с дес., то в 1917 г. — 36, урожай овса упал, соответственно, с 56 до 28 пуд., ячменя — с 58 до 28, пшеницы — с 57 до 29, картофеля — с 329 до 279 пуд. с десятины ¹⁷.

Во время войны значительно возросло налоговое бремя. Если в 1913 г. казенные земельные сборы исчислялись в 143 248, то в 1915 г. — в 538 907 рублей. За это же время земские сборы с крестьянских земель увеличились соответственно с 3 971 970 до 4 440 818 рублей. В 1913 г. с крестьян губернии причиталось 3 651 911 руб. налогов, в 1914 г. — уже 4 715 849, а в 1915 г. — 11 940 916 рублей. В 1916 г. рост налогов продолжался. В результате увеличивались недоимки и задолженность по различным платежам. Так, в продовольственные капиталы к 1 октября 1915 г. она составила 5 015 337 руб. 2 коп., из них в имперский и губернский — 4 184 700 руб. 76 коп. и в общественный — 830 636 руб. 26 копеек. Задолженность в натуральные запасы к тому времени равнялась 4 597 129 пуд. зерна, из них озимого — 3 504 096 пуд. и ярового — 1 093 033 пуда ¹⁸. Война разрушала производительные силы, подрывала сельскохозяйственное производство. Об этом свидетельствуют и отчеты губернатора Руднева на высочайшее имя. С 1913 по 1915 г. недоимки с крестьян по государственному поземельному налогу выросли в 3,5 раза ¹⁹.

Без того сложное положение в деревне усугублялось продолжавшимся процессом разложения крестьянской семьи. Как только община и чиновники утрачивали власть над крестьянами, они стремились поделить свое имущество и жить отдельными дворами. Так, если крестьянское население Вятской губернии сократилось с 3 млн 343 тыс. чел. в 1912 г. до 3 млн 107,2 тыс. в 1916 г., то число хозяйств за это же время возросло с 540,7 до 557,7 тысяч. С точки зрения производительности аграрного сектора, особенно в зоне рискованного земледелия, этот процесс имел, безусловно, отрицательные последствия. Крестьяне это понимали, но тем не менее молодые семьи не желали жить под одной крышей с родителями, родней и предпочитали отделяться.

В годы первой мировой войны продолжался процесс дробления и измельчания крестьянских хозяйств. Тенденция к этому явственно обозначилась еще на рубеже XIX—XX веков. Рост численности населения и тем более увеличение количества крестьянских хозяйств требовали отведения дополнительных земельных площадей под продовольственные культуры. При исчерпанности резервов, годных для обработки целинных и залежных земель, дальнейшее увеличение посевных площадей могло происходить только за счет распашки выгонов и сенокосов, что, естественно, влекло за собой сокращение кормовой базы для скота и как следствие — сокращение рабочего и продуктивного скота. Это приводило к падению урожайности. Еще до войны в вятской деревне налицо был так называемый «кризис трехполья». Так, если в 1880-е — начале 1890-х гг. по губернии на 100 дес. пашни приходилось 26 дес. сенокоса (что уже было недостаточно), то в начале XX в. — лишь 23 дес., а в 1912 г. — 21. Особенно это касалось южных (земледельческих) уездов Вятской губернии, где, ввиду крайней выпаханности угодий и сокращения площади пастбищ и сенокосов до критического уровня, возможности для дальнейшего развития сельского хозяйства по экстенсивному пути были, в основном, ис-

черпаны. В южных уездах на 100 дес. пашни приходилось сенокоса — от 8 (Елабужский уезд) до 13 дес. (Малмыжский и Нолинский уезды)²⁰. Здесь «кризис трехполья» ощущался наиболее остро, и существовала настоятельная потребность в интенсификации сельскохозяйственного производства.

В годы войны значительно снизились важнейшие производственные показатели крестьянского двора: количество работников, площадь посевов, поголовье скота. Вследствие массовых мобилизаций обеспеченность крестьянских хозяйств мужскими рабочими руками сократилась на 31,4%. Что же касается посевов и скота, то обеспеченность таковыми имела устойчивую тенденцию к понижению на протяжении нескольких предвоенных десятилетий. По отдельным уездам наибольшее сокращение поголовья скота имело место в тех из них, в которых наблюдался наибольший рост численности населения, и наоборот — в уездах с малым приростом населения обеспеченность скотом снизилась не так сильно. В Нолинском уезде, где численность населения оставалась практически на одном уровне, количество скота, приходящееся на крестьянский двор, не только не сократилось, а значительно повысилось. Особняком в этом отношении стоял лишь Уржумский уезд, в котором, при среднем для губернии приросте населения, к 1912 г. наблюдалось весьма сильное сокращение поголовья скота, которое трудно увязать с ростом численности населения. Дело в том, что неурожай 1911 г. в этом уезде заставил крестьян сильно сократить количество скота в своих хозяйствах, и к моменту переписи 1912 г. крестьянский скот еще не успел восстановиться до своей нормальной численности.

Обеспеченность вятских крестьян крупным рогатым скотом имела ярко выраженную географическую зависимость. В трех северных уездах (Котельничском, Глазовском и Орловском) обеспеченность крестьян взрослым крупным рогатым скотом была значительно выше, чем в среднем по губернии (соответственно, 199, 187 и 175 голов на 100 хозяйств), и еще в одном (Вятском) — приближалась к общегубернской норме (143 головы на 100 хозяйств). Что же касается южных уездов, то в них показатели обеспеченности крестьянских хозяйств крупным рогатым скотом существенно уступали общегубернским, особенно в Елабужском и Уржумском уездах (соответственно, 112 и 103 головы на 100 хозяйств)²¹. Дело в том, что в северной части губернии «кризис трехполья» ощущался не так остро. Здесь еще имелись резервы неосвоенных земель, обеспеченность лугами и сенокосами была выше. Это создавало благоприятные условия для развития молочной кооперации, которая помогала своим членам в обзаведении коровами. Поэтому обеспеченность крупным рогатым скотом в северных уездах Вятской губернии была существенно выше, чем в южных.

В годы первой мировой войны отмечалась тяга сельского населения к кооперированию. В этом сказались традиционно присущая сельскому населению привычка совместного выживания в сложных условиях. Кооперация рассматривалась крестьянами как возможность более выгодного встраивания в рынок, минуя ростовщика и перекупщика.

Одно из ведущих мест на селе традиционно занимала кредитная кооперация. В 1912 г. в губернии насчитывалось 331 кредитное това-

рищество с составом членов в 250 599 человек²². Однако в годы первой мировой войны многие кредитные товарищества столкнулись с такой проблемой, как отсутствие желающих брать деньги в ссуду. В то же время наблюдался значительный рост вкладов в кредитных товариществах. Денежных средств в сберегательных кассах скапливалось так много, что кооперативы испытывали серьезные затруднения с выплатой процентов по вкладам, которые лежали «без всякой пользы». Некоторые товарищества находили выход во вложении «лишних» денег в ценные бумаги (акции, облигации и т.д.). В целом, однако, сокращение ссудных операций ставило под угрозу само существование значительной части кредитных товариществ²³. Помимо вкладов, крестьянское население проявляло повышенный интерес к государственным займам. Так, весной 1916 г. в слободе Кукарка весьма бойко шла подписка на военный заем. Здесь всего за одну неделю она дала свыше 100 тыс. рублей²⁴. Рост вкладов в кредитных товариществах и активная подписка населения на госзаймы давали основание современникам говорить об «улучшении материального положения деревни».

Однако размещение средств во вкладах и займах отнюдь не означало, что деревня богатели, поскольку появление у крестьян «свободных денег» было связано с сокращением сельскохозяйственного производства. По этому поводу достаточно ясно высказался в 1916 г. член Государственной думы вятский крестьянин С.А. Калинин: «Деревня разорена, она не имеет главной своей опоры — рабочих рук, рабочего инвентаря (снаряжения), скота. Многие восхищаются тем, что деревня наполняет государственные сберегательные кассы... Да, крестьяне несут свои деньги в сберегательные кассы, но деньги эти выручены при ликвидации (сокращении) хозяйств»²⁵. Падение спроса на выдаваемые кредитными обществами ссуды свидетельствовало о сокращении крестьянскими хозяйствами расходов на производственные цели. Место ссудной операции в деятельности кредитных кооперативов заняла посредническая операция.

В кредитовании крестьян важную роль играли органы земского самоуправления. Так, 4 октября 1914 г. Слободское уездное земское собрание постановило разрешить управе приобрести крупную партию семян овса и ячменя. Семена эти предназначались для выдачи через кассу мелкого кредита в качестве двухгодичной беспроцентной ссуды семьям призывников на весенний посев 1915 года. На эти цели по смете 1915 г. было ассигновано 5 тыс. руб. с зачетом по доходным сметам 1915 и 1916 годов по 2500 рублей. Осенью 1914 г. сельскохозяйственные общества и кооперативные товарищества Слободского уезда информировали уездную управу о том, что они готовы предоставлять бесплатно семьям мобилизованных имеющиеся у них машины и орудия, но не располагают средствами для оплаты труда рабочих при машинах. В этой связи уездный агроном Зонов высказывался за желательность ассигнования из средств земства 1000 руб. на оплату труда рабочих при машинах, отпускаемых в семьи мобилизованных. Предложение агронома поддержал председатель управы. Было принято решение выделить по смете 1915 г. 1000 руб. в распоряжение управы на выдачу пособий сельскохозяйственным обществам и кооперативным товариществам для уплаты за работы при сельскохозяйственных машинах, отпускаемых бесплатно бедным семьям призывников.

Управа обязывалась выдавать эти деньги из расчета 50 коп. в день за работу молотилки по получению и проверке сведений о подобных работах. Агрономическому персоналу уезда предписывалось наблюдать за тем, чтобы отпущенные суммы расходовались исключительно по назначению. 6 октября 1914 г. Слободское уездное земское собрание разрешило правлению кассы мелкого кредита выдавать кредитным товариществам за счет общих оборотных средств льготные долгосрочные ссуды для выдачи их безлошадным хозяйствам на покупку лошадей и ассигновать на расходы по кассе 6371 рубль ²⁶.

Однако при оказании помощи малоимущим хозяйствам земства не всегда достаточно чутко реагировали на изменившиеся обстоятельства. Так, местным «Обществом помощи семьям запасных» в течение зимы 1914—1915 гг. было проведено анкетирование хозяйств призывников, призванное выявить нужду их в семенном материале и рабочей силе на предстоящий весенний посев. Потребность в помощи (в переводе на деньги) составила свыше 1 млн руб. и в значительной своей доле была покрыта силами местных обществ и родственников нуждавшихся. В оказании помощи семьям мобилизованных участвовали также земства. Губернским земством было выделено 280 тыс. руб. в форме долгосрочной (на 5 лет) беспроцентной ссуды. Казалось бы, начинание было хорошее. Однако, ввиду бюрократических проволочек, не до всех получателей эта ссуда дошла вовремя, что вызвало целый ряд неприятных инцидентов. Так, в Котельничском уезде в самый разгар посевной (середина мая) в Котельнич приходили женщины из Медведевской волости (40—50 верст от уездного центра) просить причитающиеся им и до сих пор не полученные деньги за наем пахарей, хотя деньги эти были посланы в уезд еще 22 апреля. Оказывая помощь семьям мобилизованных по стандартной схеме (путем предоставления денежной ссуды), губернское земство не предвидело того, что в условиях острой нехватки мужской рабочей силы цены на рабочие руки в период посевной резко взмоют вверх (в Яранском уезде простой пахарь получал за свою работу от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.). Выделенные средства оказались поистине смехотворными, что, естественно, вызывало многочисленные нарекания, типа: «Для чего же вы описывали сколько нужно ячменю, гороху, льна, картофеля, когда не выдали нам ни копейки?»

В селе Ныльги-Жикьи Сарапульского уезда весной 1915 г. ощущалась острая нужда в плугах. Хорошие двухколесные плуги, с которыми могли бы работать даже женщины и подростки, выпускал Воткинский завод. Однако местное земство и кредитное товарищество не предприняли необходимых усилий, чтобы своевременно закупить эти плуги для продажи нуждавшимся в кредит или предоставления напрокат. Вместо того, чтобы взять на себя организацию посреднических операций, земство и здесь пошло по привычному пути — выдаче пособий. А вот Яранское уездное земство дискредитировало себя самой банальной спекуляцией: приобретя плуги Воткинского завода по цене 9 руб. 50 коп. с 20%-ной скидкой, то есть за 7 руб. 60 коп., оно затем перепродавало их крестьянам по 10 рублей. Много критических замечаний вызывала также деятельность волостных попечительств как бюрократических учреждений, оторванных от знания реальной ситуации на местах ²⁷.

Учтя не вполне удачный опыт с выдачей денежных ссуд, совещание представителей волостных попечительств при Вятской уездной земской управе, состоявшееся 14 марта 1916 г., высказалось против всякой денежной помощи семьям мобилизованных, но зато постановило расширить операции по снабжению населения (преимущественно семей призывников) через кооперативы сельскохозяйственными машинами и орудиями, для чего ходатайствовало о предоставлении земством 25%-ной скидки с себестоимости закупаемой продукции. Было заготовлено 700 плугов. Предполагался выпуск и предоставление в аренду крестьянскому населению Вятского уезда сеялок, жаток и сенокосилок. Уборочные машины должны были предоставляться с рабочим и лошадьё на средства земства, с оплатой через кооперативы. Совещание также признало необходимым рекомендовать сельским сходам организацию трудовой «мирской помощи»²⁸.

В годы войны получила дальнейшее развитие и молочная кооперация. Первые шаги ее на вятской земле были сделаны еще во второй половине XIX века. В 1867 г. Глазовское уездное земство ходатайствовало перед губернским об отпуске средств для введения артельного сыроварения. В 1870 г. Вятское губернское земское собрание необходимые средства выделило. На них были открыты 3 артельных сыроварни: две — в Глазовском и одна — в Орловском уезде. Однако уже в 1871 г. все они по Высочайшему распоряжению были закрыты. Поначалу царское правительство с большим недоверием относилось к развитию в крестьянской среде кооперативных начинаний, усматривая во всякого рода объединениях, создаваемых снизу, по инициативе самих крестьян и земских деятелей, угрозу основам самодержавного строя.

Зачатки молочной кооперации в Вятском крае начали возрождаться лишь с конца XIX века. В 1895 г. в Вятскую губернию приехал первый мастер-маслодел. В том же году Орловским уездным земством была открыта первая в губернии учебно-показательная маслодельня в с. Истобенском, а губернское земство ассигновало 5 тыс. руб. на создание маслоделен и сыроварен.

Большая роль в развитии маслодельного производства в Вятской губернии принадлежала земству. В 1901 г. в Вятке и Котельниче были оборудованы специальные ледники для хранения молочных продуктов. В 1903 г. Вятское губернское земство разработало проект устройства земских артельных маслоделен. Предполагалось, что земства возьмут на себя постройку и оборудование маслодельных заводов, содержание персонала, а затем заводы должны были передаваться молочным артелям. Однако в Орловском уезде (где маслодельное производство развивалось наиболее активно) местное земство оказывало помощь преимущественно частным маслоделам, практически ничего не предпринимая для поддержки кооперативного (артельного) маслоделия. После неудачной попытки создания артельных сыроварен, предпринятой в начале 70-х гг. XIX в., молочные артели в Вятской губернии начали создаваться лишь незадолго до первой мировой войны. Первая из них появилась в 1911 г. в Глазовском уезде, а в следующем, 1912 г., три таких артели были организованы в Слободском уезде. Для их обслуживания приглашался специальный персонал: в 1911 г. в губернию прибыл один техник по молочному хозяйству, и в

1912 г. — еще двое. При Орловском уездном земстве открылись зоотехническое отделение и касса мелкого кредита, которая оказывала посреднические услуги по сбыту масла, снабжению маслоделов специальным инвентарем и выдавала долгосрочные ссуды (на 3 года в размере до 300 руб.) на закупку оборудования для артельных маслодельных заводов.

Однако чрезмерная зависимость артелей от земства создавала для развития молочной кооперации определенные проблемы. Сбыт масла артелями под руководством губернского земства осуществлялся исключительно на узком вятском рынке через ледник земства по достаточно низким ценам. Это не позволяло артелям окрепнуть материально и приводило их к состоянию упадка. Кроме того, сбыт продукции при посредничестве земства не давал артелям значительных преимуществ перед частными маслоделами, которые к началу XX в. занимали гораздо более сильные позиции в маслодельном производстве губернии, нежели кооператоры. Вятской молочной кооперации на стадии ее становления пришлось выдержать жесткую конкуренцию с частником. В то время как молочных артелей было всего несколько, к 1913 г. в Вятской губернии насчитывалось уже до 200 маслодельных заводов, однако почти все они принадлежали частным владельцам. В одном только Орловском уезде к этому времени было 68 маслодельных заводов, причем все они являлись собственностью частных предпринимателей ²⁹.

Становление молочной кооперации как системы пришлось уже на военное время. Толчок для ее развития дала сама война. Действующая армия предъявляла повышенный спрос на масло. В 1915 г. усилиями зоотехнического персонала Орловского уездного земства была открыта знаменитая молочная артель в селе Истобенском (в 15 верстах от уездного центра, г. Орлова). Артель начала свою работу 2 февраля 1915 года. На момент основания в ней состояло 110 членов со 120-ю коровами. К марту 1916 г. число членов Истобенской артели достигло 500. Артель ежедневно перерабатывала по 300 пуд. молока и сбывала около 13 пуд. масла (при выходе в 21—22 пуда). Из всех молочных артелей Орловского уезда Истобенская была самой крупной. К марту 1916 г. в уезде функционировало в общей сложности 8 артелей со своими маслодельными заводами, а также 2 контрольных союза по скотоводству — в селах Истобенском и Колкове ³⁰. Следует отметить, что молочная продукция Орловского уезда почти не поступала на вятский рынок, находя более выгодный сбыт за пределами губернии (в Москве, Петрограде, Казани и других городах).

Развитие артельного маслоделия сталкивалось с целым рядом проблем. Вследствие мобилизации ресурсов страны на военные нужды не хватало машин и посуды, была затруднена доставка комплектующих и кормов. Как и до войны, серьезную конкуренцию молочным артелям составляли частные маслоделы. В то время как артели выплачивали за пуд молока 1 руб. 50 коп. — 1 руб. 60 коп., частные скупщики, пользуясь неорганизованностью сдатчиков молока, платили им лишь 90 коп. (максимум — 1 руб.). При ежедневной переработке хотя бы 20 пуд. молока частники получали 300—400 руб. в месяц. Не вполне достаточной была и поддержка молочной кооперации со стороны земств. Ощущался недостаток технического персонала, на сво-

бодные вакансии подолгу не находилось желающих ввиду скромного жалованья ³¹.

Однако, преодолевая всевозможные трудности, молочная кооперация в Вятской губернии в годы первой мировой войны все же продолжала развиваться, причем довольно успешно. Если в 1915 г. молочными артелями Вятской губернии было выработано в общей сложности 835 пуд. масла, то в 1916 г. — 4941 пуд, а в 1917 г. — 9333 пуда ³². Вплоть до 1917 г. развитие кооперативного маслоделия имело позитивную динамику. Маслодельное производство стало сокращаться лишь с 1918 года.

Первая мировая война вела не только к ухудшению положения общинного крестьянства, но и к усилению дифференциации в деревне. По данным переписи 1916 г., 4,9% крестьянских хозяйств Вятской губернии не имели посевов, 18% хозяйств были безлошадными, а 11,5% — бескоровными. Причем в южной (зерновой) части губернии (Елабужский, Малмыжский, Сарапульский, Уржумский и Яранский уезды) безлошадные хозяйства составляли 21,2%.

Если исключить заводское население Глазовского, Слободского и Сарапульского уездов, то беспосевные хозяйства составляли 2,5% от общего числа крестьянских хозяйств. Удельный вес безлошадных хозяйств был наиболее высоким в двух южных уездах — Сарапульском (26,5%) и Яранском (25,8%), а наименьшей безлошадностью характеризовались северные — Котельничский (10,7%) и Глазовский (8,9%) уезды. Бескоровных хозяйств больше всего было в Уржумском (19,5%), Сарапульском (17,9%), Елабужском (15,0%) и Малмыжском (13,6%) уездах, а меньше всего — в уездах Орловском (6,5%) и Котельничском (4,3%) ³³. Пресловутый «кризис трехполюя» особенно сильно бил по наименее обеспеченным хозяйствам. Отсутствие кормовой базы не позволяло им обзавестись рабочим и продуктивным скотом.

Расслоение крестьянства в военные годы характеризовалось прежде всего тем, что по существу шел процесс ухудшения положения его более обеспеченных слоев. В вятской деревне в годы первой мировой войны наблюдалось снижение удельного веса средних и высших групп крестьянства и увеличение доли малоимущих слоев (имеющих не более одной лошади), что являлось свидетельством общего упадка крестьянского хозяйства. Доля хозяйств с двумя и более лошадьми сократилась с 26,5% в 1912 г. до 23,3%, а доля безлошадных и однолошадных хозяйств возросла с 73,5% до 76,7%. В то же время крестьянское хозяйство демонстрировало высокую степень устойчивости и сопротивляемости по отношению к всевозможным природным, экономическим и социально-политическим катаклизмам. Вятские крестьяне использовали любую возможность для сохранения (а где-то и увеличения) поголовья крупного рогатого скота. Благодаря выплате пособий семьям мобилизованных (до тех пор, пока эти пособия не обесценила инфляция) и деятельности молочной кооперации (в северных уездах), удельный вес бескоровных хозяйств сократился с 15,1% в 1912 г. до 11,5% в 1916 г., доля всех хозяйств, имеющих не более одной коровы, за этот же период сократилась с 58,6 до 56,0%. Кроме того, появилась относительно многочисленная группа крестьянских хозяйств (17,2%), имеющих по 3 и более коровы (тогда как перед войной многокоровные хозяйства в вятской деревне практически от-

существовали)³⁴. Именно они наиболее активно объединялись в молочные артели и в наибольшей степени выигрывали от развития молочной кооперации.

Высокая степень выживаемости общинного крестьянства в чрезвычайных условиях военного времени проявлялась и в том, что соотношение между посевной площадью и количеством скота в хозяйствах вятских крестьян претерпело мало изменений, и, согласно результатам сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Вятской губернии, «потребный минимум скота для поддержания на известной высоте земледелия крестьянским хозяйством строго сохраняется, несмотря на увеличивающуюся трудность делать это, благодаря сокращению сенокосной площади, которая для скотоводства северного хозяйства имеет весьма большое значение». За период с 80-х гг. XIX в. по 1912 г. количество скота, приходящегося на десятину сенокоса, возросло, и ресурсы питания скота в крестьянском хозяйстве значительно сократились. В 1880-х гг. в среднем по губернии на 1 десятину сенокоса приходилось 0,6 лошади, 0,97 коровы и 1,34 овцы, в 1912 году на той же десятине сенокоса содержалось уже 0,7 лошади, 1,14 коровы и 1,8 овцы. И тем не менее, как отмечалось в итогах переписи 1916 г., «минимум скота для обслуживания единицы посевной площади блюдетя крестьянским хозяйством довольно строго, что свидетельствует об экономической устойчивости крестьянского хозяйства, изыскивающего иные средства питания для скота, но поддерживающего скотоводство на должной высоте». Несмотря на общее сокращение сельскохозяйственного производства в годы войны, количество скота, приходящегося на десятину посевной площади, в крестьянских хозяйствах не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Сокращение (на 22,2%) наблюдалось лишь по свиньям³⁵.

Война принесла с собой такие деструктивные явления, как инфляция, дефицит и спекуляция. Осенью 1915 г. в Уржумском уезде разразился «сахарный голод». В местных лавках и магазинах исчез сахар, что вызвало ажиотажный спрос на кондитерские изделия. Этим немедленно воспользовались спекулянты, которые вдвое взвинтили цены на соответствующие товары, «причем всякая залежавшаяся гниль пошла ходом». А когда в январе 1916 г. сахар, наконец, появился, то торговцы продавали его не по установленной властями таксе, а по 35 коп. за фунт. Чтобы не быть уличенными в спекуляции, они устанавливали особый порядок продажи сахара. Корреспондент газеты «Вятская речь» описывал его так: «Если покупатель спросит почем сахар — то таким торговцы отвечают: “сахара нет”. И покупатель, не солоно хлебавши, уходит без сахара. Нужно покупать молча, молча выкладывать деньги 35 коп., и получить сахар уже заранее навешанный и запакованный в толстый... из соломенной бумаги кошель — весом в $\frac{1}{3}$ фунта. Вешают сахар по “обыкновенно” с кошелем». В целях конспирации практиковалась также продажа сахара торговцами не в лавке, а на дому. В начале 1916 г. по деревням Уржумского уезда прошел слух (возможно, распространяемый не без участия заинтересованных лиц, то есть торговцев), что запасы соли на исходе, и в скором времени цена на нее взлетит до 1 руб. за пуд. Уже наученное «сахарным голодом» население начало в массовом порядке запасаться солью. С пристаней Цепочкинской и Турекской шли целые «соляные обозы».

Хозяйства, в которых ежегодное потребление соли обычно не превышало 2—3 пудов, покупали до 20—30 пуд. соли. Местные торговцы закупали соль в Русском Туреке возами по 30 коп. за пуд, а затем, ввиду повышенного спроса на соль, перепродавали ее по 35 коп. за пуд ³⁶.

В слободе Кукарка весной 1916 г. цены на продукты сельского хозяйства и предметы первой необходимости продолжали расти еженедельно. В один из базарных дней (воскресенье), несмотря на то, что подвоз продуктов был большим, цены на них для данного района запрашивались непомерно высокие. Так, мука ржаная продавалась по 1 руб. 40 коп. за пуд, лук — по 1 руб. 20 коп. — 1 руб. 40 коп., картофель — по 55—60 коп., молоко — по 30 коп. за четверть, масло скоромное — 65—70 коп., яйца (десяток) — 35—40 коп. и т.д. ³⁷

Разгулу спекуляции в вятской деревне, в меру своих скромных сил, пыталась противостоять потребительская кооперация. Так, в селе Черемисский Турек (Уржумский уезд) 6 марта 1916 г. открылась лавка общества потребителей, созданного по инициативе активной части местного крестьянского населения и интеллигенции. В первый же день лавка продала товара почти на 300 рублей. Показательна реакция местных торговцев, которые предприняли демпинг: накануне открытия лавки они понизили цены на все товары, имеющиеся в потребительском обществе, намереваясь «торговать дешевле потребительской лавки, а убытки покрывать за счет прочих товаров». В селе Круглыжах (Котельничский уезд) в начале того же года потребительское общество находилось еще только в стадии организации (шла подписка пайщиков), но местный лавочник Чемоданов, проклиная во всеуслышание инициаторов создания общества и угрожая разорить его, также пробовал снижать цены. Но закончилась вся эта история тем, что незадачливый предприниматель «повесил замок на своей лавке» ³⁸.

Уже к лету 1916 г. в 34 губерниях Российской империи была введена карточная система, а в 11 губерниях велась подготовка к ее введению. Вятская губерния была в числе тех, где уже с середины 1916 г. карточная система перестала быть явлением городской жизни, охватив также и деревню. Проведением в жизнь карточной системы занимались не государственные, а различные общественные организации. В связи с этим значительную роль приобретала кооперация, сосредоточившая в своих руках распределительные функции ³⁹.

Продолжительный характер военного противостояния привел к росту недовольства — первоначальный «ура-патриотический порыв» сменился разочарованием. Этому же способствовало сложное положение русской армии на фронте. Письма вятских участников войны из действующей армии отразили всю степень неподготовленности России к длительной войне, плохое снабжение русских войск, воровство и непрофессионализм командования, иные острые проблемы вооруженных сил. Послания вятских солдат из германского и австрийского плена показали многочисленные сложности нахождения во вражеских лагерях. Все это неблагоприятным образом сказывалось на настроениях населения в тылу.

Война и сопровождавшая ее хозяйственная разруха как в городе, так и в деревне, потеря кормильцев на фронтах способствовали быстрому нарастанию в крестьянской среде стихийных протестных настроений, подталкивавших крестьянство к традиционным формам

борьбы. На фоне сельскохозяйственных реквизиций в большинстве уездов Вятской губернии произошли столкновения крестьян с представителями власти, в ходе которых имелись человеческие жертвы ⁴⁰.

Важно отметить однако, что протестная активность вятского крестьянства в первые военные годы оставалась относительно низкой: до бурных революционных событий 1917 г. по Вятской губернии было зафиксировано в общей сложности всего 14 крестьянских выступлений. Приведем наиболее яркие примеры. 5 апреля 1915 г. произошел захват крестьянами-общинниками деревни Костылево Малмыжского уезда земель, отведенных для проведения дорог к отрубным участкам. Крестьяне-общинники пытались воспрепятствовать проезду отрубников к местам общего пользования. 26 сентября того же года крестьяне села Арзамасцево Сарапульского уезда подожгли две клады хлеба помещицы А.И. Барановой (общая стоимость причиненного ущерба составила 2000 руб.). В обоих примерах экстраординарной активности крестьянства довольно-таки трудно усмотреть влияние обстоятельств, связанных с войной. Здесь недовольство крестьян было направлено против помещичьего землевладения и непопулярных аспектов столыпинских аграрных преобразований. В этом плане социальный протест вятского крестьянства можно считать прямым продолжением довоенного.

Однако со временем тяготы военного времени, а также критическое осмысление ситуации, складывавшейся на фронте и в тылу, начинали давать о себе знать и в вятской деревне. Под влиянием рабочего и солдатского движения крестьянские массы все более активно втягивались в борьбу. В январе 1916 г. жители деревни Боровляны и еще ряда селений Кузнецовской волости Уржумского уезда отказались платить налоги и вносить ссудные деньги земству. В данном случае неповиновение властям произошло под влиянием агитации солдата-отпускника деревни Бор Н.Я. Смоленцева. В начале того же года крестьяне деревни Дурмановской Глазовского уезда оказали сопротивление лесной страже и полиции при конфискации срубленного ими леса. В начале декабря 1916 г. произошли волнения крестьян починка Александровского Сметанинской волости Яранского уезда. Крестьяне отказались сдавать овес и оказали сопротивление земскому начальнику при реквизиции, в связи с чем в селение был введен отряд стражников (заметим, что до февраля 1917 г. по Вятской губернии это был единственный случай, когда очаг крестьянского неповиновения был ликвидирован с применением вооруженной силы). В декабре того же года жители Дождевского сельского общества Вятского уезда, собравшись толпой в 200 человек, оказали сопротивление реквизиции и вывозу хлеба из сельского хлебозапасного магазина. Зимой 1917 г. (незадолго до Февральской революции) некоторые волостные сходы восьми уездов Вятской губернии отказались от поставки хлеба, а три уезда (Вятский, Котельничский и Орловский) — от разверстки. По мере втягивания воюющей России в состояние общенационального кризиса кривая крестьянских выступлений ползла вверх: если в 1914 г. (с начала войны) по Вятской губернии не было отмечено ни одного крестьянского выступления, то в 1915 г. таковых было 2, в 1916 г. — 4, а в 1917 г. только за первые два предреволюционных месяца было зафиксировано целых 8 выступлений ⁴¹. Эти

вспышки крестьянского недовольства были пока немногочисленны и разрозненны. Их вполне уместно сравнить с легкой рябью на внешне спокойной глади моря. Но внутри крестьянского океана уже вскипала волна народного гнева.

Февральская революция 1917 г. породила у крестьян надежды на скорейшее разрешение аграрного вопроса и заключение мира. Однако послереволюционная эйфория спала еще быстрее, чем «ура-патриотический порыв» в начале войны. Реакцией на неоправдавшиеся ожидания стал мощный всплеск протестной активности крестьянства. В Вятской губернии в период пребывания у власти Временного правительства произошло 188 крестьянских выступлений⁴². Участились захваты крестьянами внеобщинных земель, самовольные распашки, покосы и порубки леса, усиливался саботаж продовольственной разверстки и государственной монополии хлебной торговли. Источником беспокойства в вятской глубинке выступали солдаты-отпускники и дезертиры с фронта (по мере углубления процесса разложения армии поток последних возрастал). Чувствуя слабость власти и собственную силу, крестьянство стремилось поскорее избавиться от чересчур обременительных обязательств перед государством, от назойливой опеки сверху и устроить свою жизнь на основе собственных представлений о свободе, демократии и социальной справедливости. Перед страной все более явственно вырисовывалась угроза анархического распада на отдельные «молекулы», коими являлись крестьянские общины, достаточно замкнутые по отношению к внешнему миру и в общем-то самодостаточные⁴³. Проблема заключалась в том, что подобного рода средневековые мировоззренческие установки и соответствующие модели жизнеустройства в условиях ускоренного формирования индустриального общества оказывались явным анахронизмом и не способны были обеспечить ни выживание страны, ни тем более ее прогрессивное развитие. Крестьянская Россия была поставлена перед необходимостью искать выход из исторического тупика.

Примечания

1. КАЗАКОВЦЕВ С.В. Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы первой мировой войны. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Киров. 2007, с. 14—15.
2. Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 1. Киров. 1965, с. 287.
3. МУСИХИН В.Е. Вятские крестьяне в начале XX века. В кн.: Энциклопедия Земли Вятской. Т. 4. Киров. 1995, с. 296—297.
4. КАЗАКОВЦЕВ С.В., ЗАГВОЗДКИН Г.Г. Сельскохозяйственные поставки из Вятской губернии на нужды армии в период первой мировой войны. В кн.: Всероссийская научно-техническая конференция «Наука — производство — технологии — экология»: Сб. материалов. Т. 7. Киров. 2007, с. 44.
5. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии. Население. Скот. Посевы. Вятка. 1916, с. 181.
6. Очерки истории Кировской организации КПСС, с. 286.
7. ЗАГВОЗДКИН Г.Г., КАЗАКОВЦЕВ С.В. К вопросу о поставках по военно-конской обязанности из Вятской губернии в годы Первой мировой войны. В кн.: Всероссийская научно-техническая конференция..., т. 7, с. 66.
8. МУСИХИН В.Е. Ук. соч., с. 296.

9. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. Р-575, оп. 11, д. 3109, л. 155, 301об.; д. 3122, л. 13.
10. КАЗАКОВЦЕВ С.В. Ук. соч., с. 16—19.
11. Вятская речь. 9.VI.1915, № 121, с. 2.
12. КАЗАКОВЦЕВ С.В., ЗАГВОЗДКИН Г.Г. Призывы на воинскую службу во время первой мировой войны в Вятской губернии. В кн.: Всероссийская научно-техническая конференция..., т. 7, с. 51.
13. Очерки истории Кировской организации КПСС, с. 284—285.
14. КАЗАКОВЦЕВ С.В., ЗАГВОЗДКИН Г.Г. Призывы на воинскую службу во время первой мировой войны в Вятской губернии..., с. 53.
15. МУСИХИН В.Е. Ук. соч., с. 296.
16. АНФИМОВ А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.). М. 1962, с. 189.
17. Очерки истории Кировской организации КПСС, с. 286.
18. Там же, с. 288.
19. МУСИХИН В.Е. Ук. соч., с. 297.
20. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии, с. 181, 184, 186.
21. Там же, с. 18, 184, 186.
22. ЛИПИНА С.А. Развитие культуры земледелия в Вятской губернии в конце XIX — начале XX века. В кн.: Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность. Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной году земледельца в Чувашской республике. Ч.1. Чебоксары. 2010, с. 65.
23. Вятская речь. 10.I.1916, № 7, с. 3.
24. Там же. 29.III.1916, № 68, с. 3.
25. ЕСИКОВ С.А. Воздействие Первой мировой войны на сельское хозяйство. В кн.: Гуманитарные науки: проблемы и решения: Вып. VI: сборник научных статей. М.-Тамбов. 2009, с. 144.
26. Вятская речь. 12.X.1914, № 222, с. 3.
27. Там же, 9.VI.1915, № 121, с. 2.
28. Там же, 17.III.1916, № 59, с. 3.
29. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), ф. П-1, оп. 3, д. 183, л. 19—22.
30. Вятская речь. 29.III.1916, № 68, с. 3.
31. Там же.
32. ГАСПИ КО, ф. П-1, оп. 3, д. 183, л. 23, 26.
33. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии, с. 9, 173—183.
34. Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность. Историко-статистический сборник. Киров. 2002, с. 105.
35. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии, с. 20—21.
36. Вятская речь. 13.I.1916, № 9, с. 4; 10.I.1916, № 7, с. 3.
37. Там же. 29.III.1916, № 68, с. 3.
38. Там же. 10.I.1916, № 7, с. 3; 18.III.1916, № 60, с. 3.
39. ЕСИКОВ С.А. Ук. соч., с. 140.
40. КАЗАКОВЦЕВ С.В. Ук. соч., с. 15.
41. Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 — февраль 1917 г. Сб. документов. М.-Л. 1965, с. 166—169, 295—299, 439, 488, 496, 499, 511—513; Очерки истории Кировской области. Киров. 1972, с. 255—256.
42. МАЛЯВСКИЙ А.Д. Крестьянское движение в России в 1917 г. (март-октябрь). М. 1981, с. 374.
43. БАКУЛИН В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917—1918 гг. Киров. 2008, с. 26—81.

Военные комиссии в Государственной думе III и IV созывов

А.А. Чирков

События революции 1905 г. породили новую политическую систему и новые органы власти, одним из которых была Государственная дума. Война на Дальнем Востоке вскрыла множество проблем российских вооруженных сил. Страну «восходящего солнца» парламентарии стали воспринимать как мощную державу, устройство армии и флота, которой необходимо было заимствовать, но сохранились и опасения новой войны с Японией¹. Некоторые депутаты от правых и октябристов считали, что в 1912 г. Япония завершит все мероприятия по перевооружению и по реорганизации армии. Следовательно, к этому году необходимо сделать все возможное для усиления армии и флота так, чтобы Портсмутское перемирие стало бы действительно миром². В это время в Европе зарождался новый конфликт. Боснийский кризис показал, что у Германии есть свои интересы в этом регионе. Постепенно российское общество стало понимать, что, в конечном счете, неизбежно столкновение российских и германских интересов. Депутаты начали больше интересоваться вопросами обороны и международной политики³.

Из войны на Дальнем Востоке Россия вышла ослабленной и значительно отставала от своих конкурентов, что требовало больше времени на подготовку вооруженных сил. Каждый дипломатический конфликт поднимал волну слухов о возможной войне. Депутаты получали различные сведения о военной угрозе из печати, использовали свое положение, чтобы узнавать официальные данные, а также имели собственные источники информации⁴. В 1912 г. правительство открыто заявило депутатам о возможном скором конфликте с Германией и о слабости российских вооруженных сил. Депутаты высказывали опасения по поводу 1915 г., когда, по их данным, немцы должны были завершить подготовку своей армии⁵. Политическая обстановка в Европе, на Дальнем Востоке и мнение общественности вынуждали депутатов более внимательно изучить вопросы, связан-

Чирков Александр Александрович — аспирант Института российской истории РАН.

ные с вооруженными силами, и воздействовать на правительство для ускорения необходимых реформ. Для более детального изучения вопросов обороны в стране в Думе третьего и четвертого созывов были образованы военные комиссии.

В историографии деятельности думских военных комиссий уделяется мало внимания. Частично эта проблема рассматривалась в исследованиях по военной реформе и по истории российского парламентаризма в начале XX века. В 1920—1950-е гг. советская историография, изучавшая военные реформы, в основном была нацелена на их результат, а не на процедуру внедрения преобразований и участие в этом процессе Думы ⁶. В эмигрантской литературе можно выделить исследование Н.Н. Головина ⁷, который частично рассмотрел деятельность военной комиссии Думы в период первой мировой войны ⁸. В 1950—1980 гг. советская историография обратила внимание на участие Государственной думы в реформировании армии и флота, хотя в большей степени изучалось сопротивление Думы правительству ⁹. В 1990—2000-е гг. появилось достаточно много исследований, связанных с преобразованием российского флота и армии в начале XX века ¹⁰. Но эти работы недостаточно освещают деятельность думских комиссий по реформированию вооруженных сил. Современная историография по истории партий и Государственной думы раскрывает идеологические противоречия политических сил и отдельных деятелей, которые, в том числе, повлияли на деятельность комиссий Думы ¹¹. Ряд исследователей в своих трудах частично затронули тему связи офицеров и членов комиссии по обороне ¹².

Зарубежные исследователи военных преобразований последних лет Российской империи рассматривают Думу как второстепенный фактор и в основном уделяют внимание деятельности правительства и военных учреждений ¹³.

Существуют исследования, непосредственно связанные с деятельностью думских комиссий. В.А. Дёмин изучил функционирование Государственной думы, полномочия депутатов и Думы в целом ¹⁴, а также рассмотрел общие сведения думских комиссий по обороне ¹⁵. К.А. Соловьёв в своей монографии посвятил целый параграф работе комиссий в Думе ¹⁶, отдельно автор поднимает вопрос об участии военных комиссий в бюджетном деле. Таким образом, на сегодняшний день, практически отсутствуют исследования, посвященные деятельности военных комиссий в третьем и четвертом созывах Государственной думы. Для понимания множества факторов, влиявших на деятельность военных комиссий, необходимо изучить и проанализировать, как образовывались комиссии, на какой правовой основе они функционировали, а также какое влияние оказывал личный состав комиссии на ее работу.

Первые две Думы не уделяли пристального внимания вопросам обороны и даже не образовали специальные комиссии. Представитель кадетской партии В.А. Маклаков в своих воспоминаниях отмечал, что кадеты, которые стали руководящим центром I Думы, отвергали соглашения с властью, осуждали полученную конституцию, требовали уничтожения второй палаты и расширения собственных полномочий ¹⁷. В такой обстановке нормальная законодательная работа сложиться не могла. Желание масштабного расширения своих пол-

номочий заключалось в создании ответственных министерств и в стремлении взять всю гражданскую власть в свои руки. Кадеты соглашались сохранить царскую прерогативу управлять военными делами, как отметил П.Н. Милюков, «так как это была неприкосновенная и для к. д. территория»¹⁸. Так, ослепленное победой на выборах и возможной перспективой получения исполнительной власти, большинство Думы воспринимало военные вопросы как второстепенные и даже не подвергало сомнению права императора в этой области. Вторая Дума изменила стратегию и попыталась начать работать, но в основном занималась гражданскими вопросами. Создание особой комиссии по военным делам откладывалось, так как сметами и вопросом о контингенте новобранцев занималась бюджетная комиссия. Историк Дёмин заметил, что II Государственная дума постановила создать ряд комиссий, в том числе и по военным делам, но избрать их не успела¹⁹. Стоит отметить, что Дума второго созыва не успела избрать ряд комиссий за 53 заседания, в то же время, III Дума провела избрание большинства комиссий, в том числе и по обороне, за шесть заседаний. Проблемы обороны государства состав II Думы интересовали в гораздо меньшей степени, чем политическая борьба.

В Государственной думе третьего созыва вопросы, связанные с обороной страны, детально рассматривались соответствующей комиссией. Дума не отказалась от идеи расширения своих законодательных полномочий и от стремления получить контроль над исполнительной властью, но в отличие от предшествующих созывов, в III Думе путь достижения этих целей лежал через законотворческую работу. Дума в лице своей военной комиссии получила возможность влиять на реформы армии и флота и использовала финансовый рычаг для достижения своих политических целей. От состава этой комиссии зависели ее решения по законопроектам, а также взаимоотношения с военными и правительством. Комиссия по государственной обороне в III Думе (КГО), а потом и комиссия по военным и морским делам в IV Думе (КВМД) стали не только связующими звеньями между обществом и властью, но и мостом между новой политической элитой и военным руководством.

20 октября 1907 г. Московское бюро Лиги обновления флота направило письмо А.И. Гучкову, считая, что он безусловно будет избран депутатом от Москвы, с просьбой стать покровителем флота. Лига просила лидера октябристов инициировать в Думе образование специальной комиссии по морским делам, которая ведала бы военноморским и комерческо-морским делом²⁰. Данная просьба была связана с тревогой общественности за судьбу российского флота, который находился в плачевном состоянии после русско-японской войны. Также остро стоял вопрос о реформировании армии.

После выборов в III Думу внутри партии октябристов родилась идея создания специальной думской комиссии по обороне. Изначально формирование подобной комиссии не было приоритетным. 1 ноября 1907 г. на заседаниях парламентской фракции «Союза 17 Октября» в срочном порядке ставился вопрос об избрании комиссий «по народному образованию, бюджетной, финансовой, комиссии по запросам». Лишь 3 ноября 1907 г. после 14 наименований различных комиссий,

впервые появилось название комиссии «по государственной обороне»²¹. В результате, 8 ноября 1907 г. 30 членов фракции октябристов внесли в Думу заявление об образовании этой комиссии²². Такое отношение к военной комиссии в начале ее создания не случайно. КГО была уготовлена участь решать вопросы дополнительного финансирования военных ведомств, что фактически дублировало работу бюджетной комиссии.

В военных вопросах вся Дума, а, следовательно, и военные комиссии были ограничены в правах 96. ст. Основных законов, где указывалось, что Военное и Морское ведомства, кроме их дополнительного финансирования и определения величины контингента новобранцев, находятся в юрисдикции только императора²³. Государственная дума третьего созыва в начале своей деятельности использовала проекты Наказов 1906 и 1907 гг. и образовала специальную комиссию для разработки нового Наказа, который был готов в 1909 году. Но и этот вариант Наказа окончательно не был утвержден, и Дума четвертого созыва продолжила разработку регламента. 30 ст. Наказа 1907 г.²⁴ и 31 ст. Наказа 1909 г.²⁵ устанавливали, что комиссии образуются: а) либо путем избрания их в отделах, б) либо посредством избрания в общем собрании Думы закрытой баллотировкой записками. Дума решает в каждом отдельном случае, каким из указанных способов должна быть образована комиссия. Если комиссия имеет политическое значение, то состав комиссии избирает Общее собрание²⁶. Выборы в комиссии предполагалось проводить, по мнению составителей Наказа, на основании принципа пропорционального представительства партий.

Предусматривалось создание подкомиссий из состава комиссий и запрещалось совмещать председательства в двух и более комиссиях. В заседаниях комиссий могли участвовать без права голоса депутаты, которые не были членами этой комиссии, если Общее собрание не приняло иного постановления²⁷. В Наказе 1909 г. уже рассматривался вопрос о допуске на заседания и к документам комиссии депутатов, не являвшихся членами комиссии. Если заседание было объявлено закрытым, то его документы были недоступны для членов Думы, не входивших в состав комиссии. В 41 ст. Наказа 1914 г. устанавливалась практика передачи полномочий объявления заседаний закрытыми самим комиссиям и отделам²⁸. Это правило уже было сформировано 17 декабря 1907 г. в КГО²⁹, после чего его поддержало Общее собрание. По мнению Гучкова, государственные тайны легче хранить в секрете, если они разглашаются 37 членам Думы, а не всему ее составу³⁰.

В Наказе 1907 г. и в варианте 1909 г. есть ряд расхождений. В ранней версии Наказа³¹ депутаты могли приглашать для консультаций специалистов³², но это отрицательно воспринял Совет министров. В 1909 г. в Наказе эта проблема не поднималась. Правительство все же решило обезопасить свои интересы, и сформулировало новые правила об охране порядка в помещениях Государственной думы, ее отделов и комиссий. Стоит отметить, что эти ограничения не распространялись на частные встречи депутатов, следовательно, они могли получить необходимые им сведения, но только неофициально.

Противоречивым был вопрос и об объяснениях, даваемых представителями ведомств в комиссиях. В 1907 г. Наказ предусматривал: «министры или заменяющие их должностные лица, по желанию комиссии, могут представить словесные объяснения в заседаниях комиссии»³³. Но и эта формулировка не удовлетворяла ряд министров. 4 января 1908 г. в Совете министров был поднят вопрос: в каком объеме и в каких пределах ведомства должны представлять в Думу и ее отделам, комиссиям и подкомиссиям справочные сведения и данные технического характера, которые относятся к рассматриваемым ими делам. Было принято решение, что министры и главноуправляющие обязаны доставлять, по требованиям Думы, ее отделов, комиссий и подкомиссий, все запрашиваемые ими сведения и разъяснения, относительно рассматриваемых Думой дел. Вместе с тем, министрам и главноуправляющим предоставлялся выбор — либо сообщить требуемые сведения в письменном изложении, либо представить их устно³⁴. Были попытки разной трактовки 96 ст. Основных законов в Думе и правительстве. На протяжении нескольких лет на различных совещаниях при министерствах и даже в Совете министров обсуждались границы полномочий этой статьи. Из этого следует, что новая система в правовом отношении была не доработана и требовала постоянного уточнения и коррекции.

12 ноября 1907 г. фракция «Союза 17 Октября» приняла решение утвердить свой список кандидатов от фракции в КГО, а также постановила не исключать из комиссии лиц, выставленных левыми партиями, но оставить за собой право критики списка этих кандидатов³⁵. Комиссия по государственной обороне была избрана 15 ноября 1907 г. в составе 33 членов³⁶. По инициативе октябристов, позже комиссия была пополнена еще четырьмя депутатами из казаков. Это объяснялось тем, что у большинства из 33 членов комиссии не было необходимого опыта и знаний. В итоге, в составе комиссии из 37 человек не оказалось ни одного члена левых партий. В ноябре 1907 г. фракция Народной Свободы пыталась принимать косвенное участие в работе этой комиссии, чтобы оставаться в курсе дел³⁷, но когда заседания комиссии стали закрытыми, такое участие стало невозможным.

В 1912 г. в IV Думе в состав комиссии были избраны члены фракции кадетов, но другие представители левых партий в нее не попали. В знак солидарности П.Н. Милюков объявил, что члены фракции кадетов войдут в КГО вместе со всеми остальными демократическими элементами страны или не войдут в нее вовсе. Социал-демократы и трудовики так и не были допущены в комиссию. Вопреки заявлению Милюкова, в комиссии остались два представителя его фракции³⁸, которые активно принимали участие в работе КГО³⁹. Такая позиция фракции Народной свободы не была единогласно принята ее членами. М.В. Челноков обвинял фракцию и лично Милюкова, в том, что позиция кадетов не будет полноценно представлена в военной комиссии. Идеологические противоречия обострились до такой степени, что Челноков собирался покинуть партию⁴⁰. Однако весной 1913 г. он все же решил остаться в партии и не раскалывать ее.

Проблема с пропорциональными выборами в комиссии не была связана только с КГО. Прогрессисты из-за путаницы списков, которую они сами же и устроили, не попали в земельную комиссию. Вину

за этот инцидент прогрессисты возложили на правых и октябристов. В то же время в военной комиссии у прогрессистов было два лишних представителя ⁴¹. В итоге, из-за затянувшегося избрания в КВМД, работа комиссии началась позже ⁴².

Еще в 1907 г. октябристы не возражали, чтобы представители левых партий были членами КГО. Отрицательно относилось к этому правительство, но что особенно важно, представители Морского и Военного министерств считали присутствие левых на заседаниях комиссии опасным. У правительства сохранилось недоверчивое отношение к некоторым депутатам после 17 апреля 1907 г., когда на закрытом заседании II Думы по вопросу обороны страны, депутаты проявили неуважительное отношение к министрам, и разглашали закрытую информацию журналистам. Это было прямое нарушение 44 статьи Учреждения Государственной думы, которая устанавливала, что рассматриваемые дела на закрытых заседаниях не подлежат оглашению ⁴³. В Морское министерство даже была отправлена копия письма министра финансов В.Н. Коковцова — П.А. Столыпину от 24 октября 1907 г., где говорилось, что когда проходили закрытые заседания, «члены Государственной думы преимущественно оппозиционных групп спешили передавать свои впечатления русским и иностранным корреспондентам газет» ⁴⁴.

На одном из первых заседаний комиссии, когда еще не были официально оформлены закрытые заседания и на них присутствовали представители оппозиции, произошел интересный инцидент. Председатель комиссии спросил товарища морского министра, желает ли он, чтобы заседание было закрыто, на что тот ответил, что секретным является всего лишь один пункт, однако и другие пункты нежелательно было бы оглашать на открытом заседании. После этого председатель провел голосование, чтобы вынести на обсуждение Государственной думы вопрос о разрешении комиссии в случае необходимости самой закрывать свои заседания ⁴⁵. 29 января 1908 г. Дума поддержала инициативу КГО. Тогда же депутат О.Я. Пергамент внес предложение о передаче этого заявления в комиссию по Наказу с поручением последней выработать правила и порядок обсуждения в комиссиях вопросов, связанных с государственной тайной, но Общее собрание отклонило это предложение, что привело к бойкоту голосования по данному вопросу левыми партиями.

На заседании КВМД 21 июля 1915 г., когда в комиссию вошли представители всех фракций, был поставлен вопрос о праве членов Думы, не принадлежащих к составу комиссии, присутствовать на ее заседаниях. Комиссия постановила: 1) признать, как общее правило, за указанными депутатами такое право, с предупреждением, что все сообщаемые на таких заседаниях сведения оглашению не подлежат; 2) предоставить на усмотрение председателя комиссии в некоторых, особых случаях, объявлять заседания комиссии закрытыми для доступа всех членов Думы, не являющихся членами комиссии ⁴⁶. Из этого следует, что оппозиция, которая в Думе третьего созыва критиковала за подобные меры октябристов и правых, в итоге оставила без изменений существующие нормы.

Несмотря на попытки сохранить секретные военные данные, которыми располагала КГО, распространялась различная информа-

ция о нарушении военной тайны в комиссии. В 1910 г. помощник военного министра передал Гучкову, что в письме английского военного агента, написанном в Лондон, передается разговор с членом комиссии А.И. Звегинцовым, который сообщил ему много данных, заимствованных из комиссии государственной обороны ⁴⁷. Бывали случаи, когда члены комиссии подозревали работников Думы, имевших доступ к документам секретного шкафа, в шпионаже ⁴⁸. Таким образом, все дополнительные меры безопасности не давали стопроцентной сохранности государственных тайн. Перед первой мировой войной КВМД ради обеспечения сохранности секретных сведений даже приняла решение уничтожить секретные доклады комиссии ⁴⁹.

Изначально в III Думе большинство в КГО было за октябристами — 18 членов, русская национальная фракция имела 11 депутатов, фракция правых — 4, прогрессистов — 3, мусульманская группа — одного депутата. В 1909 г. одного члена комиссии от октябристов заменил представитель польско-литовско-белорусской группы К.А. Завиша. Фактически на протяжении 1907—1912 гг. такое партийное равновесие сил в КГО сохранялось.

По сословному составу члены комиссии распределялись следующим образом: 31 член комиссии относил себя к дворянству, 1 — к потомственным почетным гражданам и 4 депутата были от казаков, депутат М.И. Кирьянов относил себя как к дворянству, так и к казачеству ⁵⁰. Средний возраст членов комиссии на 1908 г. составлял 47 лет. Самым возрастным депутатом был прогрессист П.Л. Шервашидзе, которому в 1908 г. исполнилось 68 лет. Самыми молодыми членами комиссии были тридцатитрехлетние депутаты В.Э. Фальц-Фейн (фракция «Союз 17 Октября») и А.А. Фёдоров 1-й (прогрессист). Пятнадцать членов комиссии получили высшее образование, из которых трое — военное. Среднее образование имели 18 членов комиссии, из них 14 закончили военные училища. И всего четыре депутата в КГО имели начальное образование. В комиссии было 9 бывших предводителей дворянства, 11 крупных землевладельцев, 23 члена комиссии были отставными военными, казаками и участниками боевых действий, 22 депутата являлись бывшими земскими деятелями. Несмотря на то, что многие члены комиссии имели или военное образование, или были отставными военными, как они сами отмечали, им не хватало знаний в области военного дела. Многие депутаты при обсуждении дел, связанных с деятельностью военного и морского ведомств, часто опирались на свой земский опыт ⁵¹.

Еще одним ключевым вопросом в деятельности комиссии было посещение ее членами заседаний. Препятствием постоянного присутствия на заседаниях служила занятость депутатов. Многие члены КГО являлись одновременно членами других комиссий. В среднем в 1909 г. на одного члена КГО приходилось 2,7 комиссий, в 1912 г. этот показатель увеличился до 3,8 комиссий на одного депутата. С.Н. Мезенцев 1-й ⁵² в 1909 г. был членом только КГО, а его коллега Е.А. Шейдеман ⁵³ — членом пяти комиссий. В 1912 г. три депутата числились только в КГО ⁵⁴, в то же время депутат А.А. Лодыженский ⁵⁵ был членом шести комиссий. Несмотря на то, что бюро фракции «Союза

17 Октября» высказалось за участие депутата в двух «главных» комиссиях и в одной «второстепенной»⁵⁶, как мы можем заметить, большинство из них входило в 5—6 комиссий.

Во время деятельности комиссии в III Думе ее состав частично менялся. Во вторую сессию выбыли: С.С. Волконский 2-й, П.А. Неклюдов, Ф.Н. Плевако, их заменили Завиша, А.П. Мезенцов 2-й и Н.В. Лисичкин. К третьей сессии из состава комиссии вышли В.А. Бобринский 2-й, В.В. Волконский 3-й, Звегинцов, Мезенцов 2-й, А.И. Урсул. На их места были избраны: А.П. Вишневский, Лодыженский, Н.Д. Сазонов, А.Д. Протопопов и А.З. Танцов. В пятой сессии в связи со смертью членов комиссии И.А. Гуаданини и Мезенцова 1-го, на их места были избраны Звегинцов и Г.А. Лашкарёв.

В соответствии с § 35 Наказа Думы⁵⁷, на самом первом заседании КГО председательствовал старейший член комиссии Шервашидзе. На этом заседании председателем был избран Гучков, секретарем — Звегинцов, товарищами председателя — П.И. Шаховский и В.В. Хвошинский⁵⁸. Успех и значимость деятельности во многом зависели от личности председателя комиссии. Нравственности Гучкова к вопросам реформирования армии и флота привело к тому, что в среде представителей военных ведомств к нему относились уважительно и считались с его мнением. Гучков обладал большим влиянием на комиссию, по его решению, заседания КГО проводились даже во время Общего собрания. Соловьёв считает, что такая практика была свойственна комиссиям, чья работа «отличалась особой интенсивностью»⁵⁹. На одном из таких заседаний обсуждался вопрос о сообщении в газете «Русское Знамя» в статье «Неужели правда» неверных данных, касающихся деятельности Гучкова, как председателя военной комиссии. По мнению Гучкова, эта статья искажала деятельность комиссии и оскорбляла лично его. Н.Е. Марков 2-й находил назначение заседания КГО одновременно с Общим собранием незаконным и заявил, что не может не признать такое заседание ничем иным, как частной беседой, и, следовательно, все постановления комиссии будут недействительными. Он отказался от голосования и отметил, что настоящее дело выходит за пределы компетенции комиссии и касается лично Гучкова. Большинство членов комиссии поддержали Гучкова, и отметило, что в этом случае нет ничего незаконного. В итоге, комиссия продолжила свое «важное» заседание. Действительно, закон и Наказ не запрещали комиссиям заседать одновременно с Общим собранием. Только в ноябре 1911 г. Государственная дума приняла решение о том, чтобы заседания комиссий не назначались во время Общих собраний. Об этом решении председателю КГО сообщил председатель Думы Родзянко, настоятельно рекомендовавший перенести все запланированные заседания, если они совпадают с Общим собранием⁶⁰.

Подобные недоразумения с прессой были довольно частыми. Однажды представитель министерства отказался выступать в КГО, если комиссия не примет меры против появления в газетах корреспонденций, выставяющих предыдущий его доклад в ложном свете⁶¹. Совещание установило следующий порядок общения с прессой:

— после заседания отдела, комиссий, подкомиссий председателем и секретарем составляется краткая справка о принятых в заседа-

нии решениях. Справка эта предоставляется специально назначенному канцелярией Думы чиновнику, который копией сообщает ее в Телеграфное агентство, Осведомленное бюро и Бюро думской печати;

— секретарь или кто-либо из членов комиссии, по согласованию с ее председателем, словесно сообщает журналистам о ходе этих заседаний комиссии, а также делает необходимые разъяснения относительно появившихся в печати сведений;

— для получения этих сведений в отведенное для Бюро думской печати помещение должны допускаться во все дни заседаний комиссий и отделов журналисты, предусмотренные Высочайше утвержденным дополнением к Правилам 18 октября 1907 году ⁶².

После того как в 1910 г. Гучкова избрали председателем Думы, 9 марта он письменно отказался от председательства в комиссии, но остался ее членом ⁶³. На заседании комиссии 11 марта 1910 г. уже председательствовал товарищ председателя Шаховский. Он доложил КГО, что вследствие поступившего заявления председателя Думы Гучкова об отказе его от звания председателя КГО, комиссии предстоит избрать нового председателя. Согласно § 38 Наказа 1909 г., избрание происходило закрытым голосованием посредством подачи записок. Единогласно кресло председателя перешло к члену фракции националистов, дворянину и отставному капитану 1-го ранга князю Шаховскому. Результаты голосования комиссия встретила аплодисментами. Затем член комиссии Крупенский выразил Гучкову от имени комиссии глубокую благодарность, как за его прошлую деятельность в качестве председателя, так и за участие и интерес, с которым он отнесся к ней теперь, оставляя за собой звание ее члена и после избрания председателем Думы ⁶⁴. § 39 Наказа Думы редакции 1907 г. запрещал председателю и секретарю Думы избираться в комиссии ⁶⁵, но в Наказе 1909 г. такого запрета уже не было. Таким образом, сохранение членства в комиссии Гучкова не противоречило закону и правилам Думы ⁶⁶. Когда в 1911 г. Гучков отказался от поста председателя Думы, он не стал претендовать на руководство в комиссии, и Шаховский остался ее председателем вплоть до роспуска III Думы. Шаховский был выбран председателем не случайно: до избрания, в комиссии он занимал должность товарища председателя, и в случае отсутствия Гучкова, заменял его и вел заседания самостоятельно. На выбор повлияла также его активность в комиссии и военный опыт. Немаловажную роль в выборе Шаховского сыграли и его хорошие отношения с Гучковым.

Основная рутинная канцелярская работа лежала на секретаре комиссии. Первым секретарем был избран Звегинцов, а его товарищами — Савич и Сыртланов. После ухода Гучкова в 1910 г. с поста председателя Звегинцов вышел из состава комиссии, и на заседании 23 марта КГО вместе с председателем избрала нового секретаря. Большинство голосов им стал депутат Танцов. Савич занял пост товарища председателя. Товарищем секретаря остался только Сыртланов, который имел довольно интересную биографию. Он был представителем мусульманской группы, окончил военно-юридическую академию, служил офицером в лейб-гвардии Литовском полку и военно-судебном ведомстве. В 1905 г. Сыртланов был назначен помощником военного прокурора, вышел в запас и вступил в ряды

петербургской адвокатуры, защищал генерала А.М. Стесселя в деле о сдаче Порт-Артура. Сложившееся руководство комиссии сохранилось до 9 июня 1912 года.

КГО рассматривала законопроекты, связанные с Военным и Морским министерствами. Законопроекты могли быть представлены в комиссию как министерствами, так и по депутатской инициативе. Министерства, подготовив законопроект, отправляли его в Думу. Если законопроект не был связан с деятельностью другой комиссии, то канцелярия Думы сразу же направляла его в КГО. Ведомства отправляли в канцелярию Думы список законопроектов, требующих срочного рассмотрения, который впоследствии перенаправлялся комиссии. Изначально подобные контакты проходили через председателя Совета министров, но позже канцелярия, Военное и Морское министерства сотрудничали напрямую. Как правило, сначала КГО обсуждала общую идею законопроекта, и если не было возражений, переходила к постатейному обсуждению. Поправки предлагали члены комиссии, они обсуждались с представителями ведомства, а потом по каждой поправке проходило голосование. В итоге, КГО принимала положительное или отрицательное решение по поводу законопроекта и с соответствующим докладом вносила его на Общее собрание.

Комиссия и министерства предпочитали, чтобы законопроекты вносились ведомствами, а не по законодательной инициативе депутатов. Так, еще в начале своей деятельности, члены КГО вместо того, чтобы проявить законодательную инициативу, просили военного министра поручить министерству разработать проект и внести его в Государственную думу⁶⁷. После русско-японской войны возник вопрос о военно-судовой повинности. Проект очень долго разрабатывался в военном ведомстве, вследствие чего в Думе появился свой проект, но представители правительства уверяли, что хоть он и неплохой, но их будущий законопроект лучше думского⁶⁸. КГО откладывала думский законопроект, в итоге этой проблемой занялась военная комиссия IV Думы, где с поправками был принят правительственный проект.

Большое значение для депутатов имело выступление с докладом на Общем собрании. Стоит отметить, что проект государственной росписи и ряд смет по Военному и Морскому министерствам должны были рассматриваться бюджетной комиссией. В 1909 г. КГО пожелала предварительно обсуждать эти законопроекты при участии докладчика от бюджетной комиссии⁶⁹. Совместный доклад затем выносился на заключение бюджетной комиссии, после чего она направляла проект в Общее собрание. 5 июня 1910 г. порядок изменился. Государственная дума решила передавать на предварительное рассмотрение сметы Военного и Морского министерств, условные кредиты с законодательными предложениями, а также проекты с ассигнованиями из государственного казначейства по этим министерствам соединенной комиссии из членов КГО и четвертой бюджетной подкомиссии⁷⁰. После заключения бюджетной комиссии эти законопроекты выносились на Общее собрание. Данные проекты впоследствии служили серьезным рычагом давления на министерства и правительство в целом, так как под угрозой отказа в ассигнованиях, представители ведомств шли на уступки депутатам. Доклады по законопроектам, которые непосредственно относились к КГО, не требовали дополни-

тельных обсуждений в других комиссиях и напрямую направлялись на Общее собрание. С докладами в III Думе по законопроектам от КГО выступило 28 членов комиссии ⁷¹, лидером по этому показателю был Савич, который сделал 53 доклада. В основном докладчиками избирались депутаты, которые имели какое-либо отношение к законопроекту, они готовили доклад для комиссии, после утверждения которого, этот же докладчик избирался комиссией для выступления на Общем собрании. Были случаи, когда депутаты, сделав доклад в комиссии, отказывались быть докладчиками на Общем собрании, вследствие этого комиссия избирала докладчиком другого депутата ⁷².

В Государственной думе четвертого созыва КГО была переименована в комиссию по военным и морским делам. Дёмин предположил, что переименование комиссии было произведено по желанию Николая II ⁷³. Это предположение автор делает на основании отчета кадетской фракции ⁷⁴, но в документе нет прямого указания на то, что инициатором был лично император. Существуют свидетельства, которые указывают на недовольство Николая II названием КГО, но они относятся к 1907—1908 годам. В своем интервью Гучков напрямую указал, что к переименованию имел отношение император, но все повествование идет в контексте 1907—1908 годов ⁷⁵. По этому вопросу есть наиболее точное описание разговора Родзянко и государя. В дневнике сотрудника канцелярии Думы Глинки, автор подробно пересказал разговор и указал его дату — 17 ноября 1912 года. Глинка ⁷⁶ писал: «Государь говорил также о комиссии обороны, он находил желательным изменить ее название, чтобы не спутывали с бывшим Комитетом государственной обороны». В комментариях к этому дневнику Б.М. Витенберг сделал вывод, что названный комитет — это Совет государственной обороны ⁷⁷. В то же время В.И. Гурко отмечал, что этот весьма незначительный инцидент, который как-то сразу отразился на характере деятельности комиссии, произошел по настоянию военного министра ⁷⁸. Историк Соловьёв в своей статье упоминает встречу 17 ноября 1912 г., на которой Николай II попросил Родзянко переименовать КГО ⁷⁹. Соловьёв ссылается на письмо от 18 ноября 1912 г. Г.А. Алексева ⁸⁰ — А.С. Алексеву ⁸¹. В нем указывается причина переименования — схожесть названия КГО с Советом государственной обороны.

На это письмо ⁸² в 1981 г. ссылался А.Я. Аврех ⁸³, но он не писал о переименовании комиссии. Тот факт, что письмо написано через день после встречи Родзянко и царя, и то, что Г.А. Алексеев в это время занимал пост секретаря председателя Думы и вполне мог иметь доступ к данной информации, делает этот источник наиболее достоверным. Можно сделать вывод, что инициатором переименования комиссии действительно был Николай II. При этом не стоит забывать, что Совет государственной обороны был ликвидирован в 1909 г., а переименование произошло только через три года после данного события, то есть указанная причина, как в письме, так и в интервью Гучкова, была лишь надуманным поводом.

Выборы в IV Думу изменили равновесие сил в правую сторону, по сравнению с третьим созывом. В новый созыв Думы не был избран Гучков, что, конечно же, повлияло на авторитет и работу октябристов. Но, несмотря на это, Гучков продолжал следить за деятельно-

стью КВМД ⁸⁴. 30 ноября 1912 г. фракция «Союза 17 Октября» постановила поддержать выставленных группой центра и националистов кандидатов в председатели ряда комиссий, в том числе и комиссии по военным и морским делам, о чем было решено доложить П.Н. Балашёву — лидеру фракции националистов ⁸⁵. Было увеличено число членов комиссии до 44 человек ⁸⁶. В итоге, в 1913 г. в КВМД у октябристов было 10 кресел, у коалиции национал-центристов — 17, у правых — 7, у конституционных-демократов — 2, у прогрессистов — 6, один представитель был у польско-литовско-белорусской группы, и одно место получила мусульманская группа. В середине 1913 г. во фракции «Союза 17 Октября» произошел раскол, который к 1914 г. изменил фракционный состав КВМД, который стал следующим: по одному представителю от польско-литовско-белорусской и мусульманской групп, 18 мест у национал-центристской коалицией, у фракции земцев-октябристов — 7 представителей, два члена Думской группы «Союза 17 Октября», 7 депутатов от фракции правых, 3 прогрессиста, один член фракции кадетов, и четыре члена независимой группы. Депутат А.П. Савватеев, который в 1912 г. относился к фракции Народной свободы в 1914 г. перешел к независимой группе, что объясняет сокращение представителей кадетской партии. Сословный состав по сравнению с Думой прошлого созыва изменился следующим образом: 39 депутатов из дворян, 1 казак, 1 потомственный почетный гражданин, 1 крестьянин, 1 мещанин и М.А. Караулов, относивший себя к дворянству и казачеству.

11 декабря 1912 г. на заседании присутствовало всего 27 членов комиссии из 44. Согласно § 37 Наказа 1909 г., старейший по возрасту член комиссии — Н.Л. Марков 1-й — открыл заседание. Председателем, путем закрытой подачи голосов, был избран Балашёв (23 записки). Затем избрали двух товарищей председателя, ими стали Савич и Ф.Н. Безак. Так как Безак отказался быть старшим товарищем, то без баллотировки Савич был избран на эту должность. Выборы секретаря затянулись. Изначально был выбран А.П. Вишневецкий 1-й, но он отказался и высказался за кандидатуру Э.Л. Беннигсена, который был избран только с третьей попытки ⁸⁷. 1 августа 1913 г. Безак отказался от звания члена Государственной думы, и его место в руководстве комиссии занял его коллега по фракции А.А. Потоцкий. Такое положение сохранилось до 1915 года. В.И. Гурко, отрицательно оценивавший состав IV Думы, вспоминал, что избранный председатель КВМД националист Балашёв — «человек, для этой роли совершенно непригодный. Правда, товарищем председателя был избран Савич, вложивший всю свою душу в дело комиссии и весьма скоро превратившийся в ее рабочую ось, но исполнять роль председателя он все же не мог» ⁸⁸. Конечно, мнение Гурко имеет частный характер, но с самого начала деятельности КВМД посещаемость, по сравнению с КГО, когда председателем был Гучков, очень сильно упала ⁸⁹. Частой стала практика, когда из-за отсутствия Балашёва на заседании председательствовали его заместители.

В среднем каждый член КВМД входил в 3 комиссии, семь депутатов входили только в военную комиссию, шестеро в 5 ⁹⁰, только П.Н. Крупенский 1-й входил в 8 комиссий. Таким образом, большинство депутатов могли посещать заседания КВМД. Средний воз-

раст членов КВМД на 1912 г. составлял 45 лет, самым возрастным депутатом был Марков 1-й, которому в 1912 г. исполнился 71 год. Самыми молодыми были 32-летние Б.А. Голицын и В.И. Самчук. Самчук в комиссии был единственным крестьянином и одним из двух членов комиссии с начальным образованием. Двадцать один депутат имел среднее образование, большинство из них окончило военные учебные заведения. Двадцать один член комиссии получил высшее образование, из них военные учебные заведения закончили только двое — Б.А. Энгельгардт и С.Т. Неежмаков⁹¹. Из 44 членов комиссии военное прошлое имели 28 депутатов. Восемь членов до избрания были уездными и губернскими предводителями дворянства, 25 депутатов были земскими деятелями⁹². Стоит отметить, что в КВМД были избраны 15 депутатов, которые уже принимали участие в работе КГО в III Думе.

В июле 1915 г. Государственная дума решила увеличить число членов КВМД с 44 до 67⁹³. Из довоенного состава комиссий сохранили свои места 27 депутатов. Средний возраст членов комиссии на 1915 г. составлял 46 лет, самым возрастным был Марков 1-й, которому исполнилось 74 года. В.И. Хаустову (социал-демократическая фракция) и Н.О. Янушкевичу (трудовая группа) в 1915 г. было всего по тридцать лет. Партийный состав комиссии сильно изменился, что было связано с политической обстановкой в стране и с влиянием первой мировой войны. Теперь в КВМД входило восемь представителей конституционно-демократической фракции, 11 земцев-октябристов⁹⁴, три депутата от «Союза 17 Октября», 8 от правых, 7 прогрессистов, двое членов трудовой группы, 6 представителей группы центра, два члена социал-демократической фракции, 9 представителей от русской национальной фракции, 2 члена независимой группы, 6 националистов-прогрессистов и по одному депутату от польского коло, мусульманской группы и польско-литовско-белорусской группы. Теперь в комиссию входили пять крестьян и один священник, 4 потомственных почетных гражданина, 4 мещанина, один купец и 50 дворян. Два члена комиссии относили себя к нескольким группам: это — Караулов и А.И. Коновалов, который позиционировал себя не только как потомственный почетный гражданин, но и как мануфактурщик. Из всех членов КВМД высшее образование было у 40 человек, но из них только двое закончили военные учебные заведения. Двадцать три члена комиссии имели среднее образование, двое — начальное и один депутат имел домашнее образование. Менее половины комиссии в прошлом были связаны с военными ведомствами.

21 июля 1915 г. на заседании комиссии присутствовало 65 человек. Открыл заседание старейший из присутствовавших членов комиссии Марков 1-й, который объявил о выборах президиума комиссии согласно ст. 37 Наказа Государственной думы. Глинка вспоминал, что после политических изменений и примирения в Думе «несмотря на то, что в III и начале IV Думы двери комиссии обороны считались закрытыми для каждого кадета, в настоящее время они сочли возможным провести А.И. Шингарева председателем комиссии обороны»⁹⁵. Эти два утверждения не верны, так как в 1912 г. в комиссии присутствовали представители фракции кадетов, а избрание председателя в 1915 г. проходило с осложнениями и не по договоренности. Изна-

чально председателем комиссии был избран В.В. Шульгин (38 голосов — за, 19 — против, 4 — воздержались), но Шульгин заявил, что не считает себя достаточно осведомленным, для руководства комиссией в переживаемое время, и отказался от должности. Комиссия снова приступила к голосованию, при первой подаче голосов ни у одного из кандидатов не оказалось требуемого Наказом абсолютного большинства. Второй подачей голосов председателем был избран А.И. Шингарёв — за его кандидатуру проголосовали всего 33 члена комиссии, 30 голосов были против. Шингарёв был врачом, до избрания в Думу получил известность как активный земский деятель, относился к кадетской фракции. Избранный на этом заседании товарищем председателя Савич вспоминал, что до этого избрания отношение Шингарёва к военным и морским делам «заключалось в том, что он всегда и неизменно отвергал все, что просили военные и морской министры»⁹⁶. Стоит отметить, что биография самого Савича не связана с военными и морскими делами, он окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, где потом продолжил учебу на кафедре агрономии, после чего занимался делами своего имения, являясь уездным и губернским гласным. Военный министр А.А. Поливанов воспринял избрание Шингарёва положительно и отметил, что тот был хорошо знаком с деятельностью Военного министерства по работе в бюджетной комиссии в Думе третьего и четвертого созывов⁹⁷. Вторым товарищем председателя КВМД был избран националист Шульгин⁹⁸, отношение которого к армии заключалось в том, что он отбывал воинскую повинность в саперной бригаде в Киеве, а в первый год мировой войны находился в действующей армии. Секретарями стали Беннигсен, И.Т. Евсеев и Потоцкий⁹⁹. Наказ позволял комиссии избирать нескольких секретарей или товарищей секретаря. Если в начале деятельности у КГО был один секретарь и несколько его товарищей, то в 1915 г. были избраны три секретаря.

По ст. 34 Наказа КВМД должна была избираться ежегодно в начале сессии, что и произошло 12 февраля 1916 года¹⁰⁰. В результате выборов в составе комиссии не произошло серьезных изменений. В 1916 г. КВМД избрала двух секретарей — Потоцкого и Д.Н. Сверчкова. Потоцкий, в отличие от своего коллеги, имел большой опыт работы в КГО III Думы. 6 декабря 1916 г. прошли перевыборы президиума КВМД. Присутствовавшие 47 членов комиссии избрали председателем комиссии Шингарёва. За него было подано 27 записок. Далее комиссия приступила к избранию товарищей председателя. Голоса распределились следующим образом: 34 — за Шульгина, 29 — за Савича, 11 — за Коновалова, 7 — за Шаховского, 1 — за Балашёва и 2 пустые записки. Избранными оказались Шульгин и Савич. Секретарями были избраны Беннигсен и Сверчков¹⁰¹. К декабрю 1916 г. из состава 1915 г. в комиссии сохранили членство 50 депутатов. КВМД покинул председатель Думы Родзянко и депутаты Н.А. Хомяков, Евсеев, Марков 2-й, Протопопов и другие. Их заменили другие депутаты, одним из которых был А.Ф. Керенский, который до этого посещал заседания КВМД, но не был ее членом.

В партийном составе комиссии соответственно произошли изменения: у фракция кадетов — 8 мест, у правых — 9, у русской наци-

ональной фракции — 9, 5 — у националистов-прогрессистов, 7 — у депутатов от центра, 9 — у членов фракции земцев-октябристов, 7 — у прогрессистов, 4 — у депутатов от Думской группы «Союза 17 Октября», 2 — от трудовой группы, 2 — от социал-демократической фракции и по одному депутату — от польского коло, мусульманской группы, польско-литовско-белорусской группы и от независимой группы. Высшее образование имели 40 членов комиссии, 22 члена комиссии — среднее, трое — начальное и один депутат имел домашнее образование. Средний возраст члена КВМД на 1916 г. составлял 46 лет, самым молодым членом комиссии был 31-летний социал-демократ Хаустов, а самым возрастным — К.М.Б. Тевкелёв, которому в 1916 г. исполнилось 66 лет. Большинство членов комиссии относилось к дворянству — 49 депутатов. Оставшиеся распределялись следующим образом: 4 крестьянина, 5 потомственных почетных гражданина, 5 мещан, 1 священник и 2 казака.

По данным I, II и IV сессий ¹⁰² с законопроектами от КВМД выступил 31 докладчик ¹⁰³, больше всего докладов сделал Беннигсен. В КВМД, как и в КГО, были случаи отказа от доклада, к примеру, Савич отказался быть докладчиком на Общем собрании по вопросу о привлечении представителей рабочих к постоянному составу Особого совещания при военном министерстве, ввиду того, что принятое большинством комиссии решение не совпадало с его личным мнением. Вследствие чего по указанному вопросу содокладчиком был избран кадет В.А. Степанов ¹⁰⁴.

Созданная по инициативе октябристов военная комиссия Думы постепенно получила большой авторитет, как в самой Думе, так и в обществе. Если в мирное время комиссия была рычагом давления на правительство, то в военное время она стала первоначальным показателем объединения политических сил для совместной помощи армии. Члены комиссии на заседаниях получали точные сведения о положении дел на фронте, пытались организовать необходимые поставки для армии, сами посещали места боевых действий.

В основном членами комиссии были молодые образованные мужчины, имевшие военный опыт. Подавляющее число членов комиссии принадлежало к дворянству и придерживалось правых взглядов. Члены комиссии всегда пытались объективно рассмотреть все вопросы и даже самые проправительственные депутаты часто выступали с конструктивной критикой правительственных законопроектов. Несмотря на большие изменения, в том числе и в названии, в работе комиссии наблюдалась преемственность. Часть депутатов, которая в III Государственной думе была избрана в КГО, потом принимала участие в деятельности КВМД.

С самого начала деятельности III Думы международная обстановка и общественные настроения внутри страны совпали с амбициями и новой политической стратегией парламентариев. Результатом этого стало создание военной комиссии Государственной думы. Сильный состав комиссий позволил Думе расширить область своих полномочий и установить связь с представителями Военного и Морского министерств. Впоследствии, многие члены комиссий вошли в состав Особого совещания по обороне ¹⁰⁵, а в феврале 1917 г. — во Временный комитет Государственной думы.

1. MENNING B.W. Bayonets before bullets: the Imperial Russian Army, 1861—1914. Bloomington. 2000, p. 224.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1278, оп. 2, д. 3327, л. 279, 294—295.
3. Если до Боснийского кризиса депутаты могли критиковать министра иностранных дел А.П. Извольского лишь по поводу сметы министерства, то после, несмотря на то, что 12 статья Основных законов указывала, что внешняя политика является прерогативой императора, даже некоторые консерваторы считали, что Дума имеет право высказаться о внешней политике. КИРЕЕВ А.А. Дневник. 1905—1910. М. 2010, с. 287.
4. В марте 1908 г. в Военном министерстве обсуждались приготовления к войне с Османской империей, о чем знали и депутаты. ПОЛИВАНОВ А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907—1916 г. Т. 1. М. 1924, с. 44.
5. РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 3329, л. 144—147об.
6. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Подготовка России к Мировой войне. М. 1926.; ЕГО ЖЕ. Мировая война 1914—1918 гг. Т. 1—2. М. 1938; ПЕТРОВ М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М.—Л. 1926.
7. ГОЛОВИН Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. 1—2. Париж. 1939.
8. Н.Н. Головин консультировал члена военной комиссии IV Думы Б.А. Энгельгардта по некоторым законопроектам. В основном он и ссылается на доклады и работы Энгельгардта.
9. АВРЕХ А.Я. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе. — Вопросы истории. 1956, № 11, с. 17—33; ЕГО ЖЕ. Столыпин и III Дума. М. 1968; ЕГО ЖЕ. Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. М. 1981; ЕГО ЖЕ. Распад третьеиюньской системы. М. 1985; ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны, 1906—1914 гг. М. 1968; ЧЕРМЕНСКИЙ Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М. 1976.
10. ШЕВЫРЁВ А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы: Дисс. канд. ист. наук. М. 1990; АФНАСЬЕВ Г.Ю. Воссоздание императорского российского флота в дебатах III Государственной думы и общественных дискуссиях 1906—1912 гг.: Дисс. канд. ист. наук. СПб. 2010; КОРОЛЁВ М.А. Преобразование армии и флота Российской империи в контексте военных реформ: вторая половина XIX — начало XX вв. Дисс. канд. ист. наук. М. 2009; КЕПЕЛЬ О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Российской армии: 1874—1914 гг. Дисс. канд. ист. наук. М. 2007.
11. ШЕЛОХАЕВ В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907—1914. М. 1991; ЕГО ЖЕ. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; КИРЬЯНОВ Ю.И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. М. 2001; СМЕРНОВ А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906—1917 гг.: Историко-правовой очерк. М. 1998; ГАЙДА Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 — весна 1917 г. М. 2003; МОГИЛЕВСКИЙ К.И. Государственная дума России как историографическая проблема. — Вопросы истории. 2007, № 11, с. 3—17; ТЮТЮКИН С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905—1917 гг.). М. 2012.; СОЛОВЬЁВ К.А. Председатель Государственной думы в политической системе Российской империи. В кн.: Сергей Андреевич Муромцев — председатель Первой Государственной думы: политик, ученый, педагог. Орел. 2010, с. 58—69; ЕГО ЖЕ. А.И. Гучков. В кн.: Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. М. 2011, с. 156—158; ЕГО ЖЕ. Шингарёв Андрей Иванович. В кн.: Российский либерализм середины XVIII — начала XX вв.: Энциклопедия. М. 2010, с. 1036—1038.
12. ЗЫРЯНОВ П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М. 2006; АЙРАПЕТОВ О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907—1917). М. 2003.; PINCHUK B. The octobrists in the third дума, 1907—

1912. L. 1974; MENNING B.W. Bayonets before bullets : the Imperial Russian Army, 1861—1914. Bloomington. 1992.
13. WILDMAN A.K. The end of the Russian imperial army. Princeton. 1980; MAYZEL M. Generals and revolutionaries. The Russian General Staff During the Revolution a study in the transformation of military elite. Osnabruck. 1979; REESE R.R. The Russian Imperial Army 1796—1917. Vermont. 2006; STEINBERG J.W. All the tsar's men: Russia's General Staff and the fate of the empire, 1898—1914. Baltimore. 2010.
 14. ДЁМИН В.А. Государственная дума России (1906—1917): механизм функционирования. М. 1996.
 15. ЕГО ЖЕ. Комиссия по государственной обороне. В кн.: Государственная дума Российской Империи: 1906—1917: Энциклопедия. М. 2008, с. 274.; ЕГО ЖЕ. Комиссия по военным и морским делам. Там же, с. 273.
 16. СОЛОВЬЁВ К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906—1914). М. 2011.
 17. МАКЛАКОВ В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880—1917. М. 2006, с. 309—310.
 18. МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. М. 1991, с. 253.
 19. ДЁМИН В.А. Ук. соч., с. 117.
 20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 555, оп. 1, д. 117, л. 1.
 21. Там же, ф. 115, оп. 1, д. 19, л. 44об. — 45.
 22. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч.1. СПб. 1912, с. 108.
 23. Свод законов Российской империи. Т.1. Ч. I—II. СПб. 1906, с. 21—22.
 24. МАКЛАКОВ В.А., ПЕРГАМЕНТ О.Я. Наказ Государственной думы (по работам 2-й Государственной думы) с объяснениями. СПб. 1907, с. 18.
 25. Наказ Государственной думы. СПб. 1909, с. 6.
 26. Отделам этот вопрос не доверялся, так как отделы формировались жеребьевкой, и их состав был случайным, что могло повлиять на выбор состава комиссий.
 27. МАКЛАКОВ В.А., ПЕРГАМЕНТ О.Я. Ук. соч., с. 23.
 28. Наказ Государственной Думы. СПб. 1914, с. 10.
 29. РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 3327, л. 2.
 30. Стенографические отчеты. Государственная дума. 1907—1908 гг. Созыв III. Сессия I. СПб. 1908, стб. 1414—1417.
 31. МАКЛАКОВ В.А., ПЕРГАМЕНТ О.Я. Ук. соч., с. 10.
 32. Сенат не нашел нарушений в этой статье.
 33. МАКЛАКОВ В.А., ПЕРГАМЕНТ О.Я. Ук. соч., с. 23.
 34. РГИА, ф. 1276, оп. 20, д. 19, л. 36—37; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 1, оп. 1, д. 71760, л. 5—10.
 35. ГАРФ, ф. 115, оп. 1, д. 19, л. 49.
 36. Комиссии и Отделы Государственной думы. Личный состав их на 21 февраля 1911 г. СПб. 1911, с. 25—26.
 37. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 1, л. 137.
 38. А.П. Савватеев (депутат от Области войска донского) и К.Л. Бардиж (депутат от Кубанского казачьего войска).
 39. РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 445, л. 87об.
 40. Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М. 2014, с. 342, 357.
 41. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906—1916 года. Документы и материалы. М. 2002, с. 225.
 42. Стенографические отчеты Государственной думы. Созыв 4-й. Сессия 1-я. СПб. 1913, стб. 534.
 43. Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 1—3. СПб. 1912, с. 45.
 44. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 420, оп. 1, д. 90, л. 58.
 45. РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 3327, л. 1.
 46. Там же, оп. 5, д. 477, л. 1, 4.
 47. ПОЛИВАНОВ А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907—1916 гг. Т. 1. М. 1924, с. 104.
 48. ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 737, л. 24.

49. РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 451, л. 272—273, 275.
50. Обзор деятельности Государственной думы Третьего Созыва. Ч.1. СПб. 1912, приложение №1, с. 25.
51. РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 3327, л. 33, 167, 201.
52. Кроме него только в КГО входили: П.И. Шаховской (правый), А.П. Урусов (националист), И.В. Барятинский (правый) и В.В. Хвощинский («Союз 17 Октября»).
53. В 1912 г. состоял в шести комиссиях Е.А. Шейдеман (октябрист).
54. Г.А. Лашкарёв (националист), А.-О.-Ш.А. Сыртланов (мусульманская группа), П.И. Шаховской (правый).
55. Член фракции «Союза 17 Октября».
56. СОЛОВЬЁВ К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: Механизм взаимодействия (1906—1914). М. 2011, с. 372.
57. МАКЛАКОВ В.А., ПЕРГАМЕНТ О.Я. Ук. соч., с. 21.
58. РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 3328, л. 2.
59. СОЛОВЬЁВ К.А. Ук. соч., с. 373.
60. РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 3338, л. 12—13; д. 3345, л. 20—21.
61. Там же, д. 3330, л. 13—13об.
62. Там же, оп. 3, д. 174, л. 2об.—3.
63. Там же, оп. 2, д. 3337, л. 324.
64. Там же, д. 3336, л. 184об., 202об.—203.
65. МАКЛАКОВ В.А., ПЕРГАМЕНТ О.Я. Ук. соч., с. 22.
66. Это было впервые, когда председатель Думы был членом одной из комиссий.
67. ПОЛИВАНОВ А.А. Ук. соч., с. 35.
68. РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 3335, л. 22.
69. В некоторых случаях КГО рассматривала законопроекты без представителей бюджетной комиссии, что приводило к ряду затруднений, когда проект попадал на заключение в бюджетную комиссию.
70. Четвертая бюджетная подкомиссия состояла из семи депутатов.
71. Савич Н.В. — 53, Беннигсен Э.П. — 48, Хвощинский В.В. — 35, Доппельмайер П.Г. — 19, Потоцкий А.А. — 18, Вишневский А.П. — 15, Безак Ф.Н. — 13, Урсул А.И. — 13, Лашкарёв Г.А. — 10, Звегинцов А.И. — 9, Барятинский И.В. — 8, Лисичкин Н.В. — 8, Гучков А.И. — 8, Сыртланов А.-О.-Ш.А. — 6, Протопопов А.Д. — 5, Кирьянов М.И. — 5, Шеметов С.И. — 5, Лукашевич С.В. — 4, Бобринский 2-й В.А. — 3, Завиша К.А. — 2, Крупенский П.Н. — 2, Паскин А.С. — 1, Марков 2-й Н.Е. — 1, Лодыженский А.А. — 1, Урусов А.П. — 1, Шаховский П.И. — 1, Созонов Н.Д. — 1, Танцов А.З. — 1.
72. РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 3336, л. 39об.
73. Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М. 2008, с. 273.
74. Четвертая Государственная дума. Фракция народной свободы в период 15 ноября 1912 г. — 25 июня 1913 г. СПб. 1913, ч. 1, с. 68.
75. ГУЧКОВ А.И. Александр Иванович Гучков рассказывает... М. 1993, с. 51.
76. В начале деятельности IV Думы занимал должность начальника отдела Общего собрания.
77. ГЛИНКА Я.В. Ук. соч., с. 99, 258.
78. ГУРКО В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. 2000, с. 632.
79. СОЛОВЬЁВ К.А. Председатель Государственной думы в политической системе Российской империи, с. 64.
80. Секретарь председателя Государственной думы IV Созыва.
81. Отец А.Г. Алексева.
82. ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 583, л. 2732.
83. АВРЕХ А.Я. Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. М. 1981. с. 34—35.
84. ГАРФ, ф. 555, оп. 1, д. 106, л. 4.; д. 108, л. 22—46.
85. Там же, ф. 115, оп. 2, д. 4, л. 48.
86. Во время второй сессии из комиссии выбыли: Ф.Н. Безак, П.Н. Крупенский 1-й, Г.А. Лашкарёв, М.К. Сафонов, К.М. Шаховской. На их места были избраны: В.Н. Белевцев, А.П. Горсткин, А.Д. Зарин, А.Г. Ратьков-Рожнов, И.Ф. Половцов.

87. РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 444, л. 1—1об.
88. ГУРКО В.И. Ук. соч., с. 631.
89. Иногда на заседаниях присутствовало всего 14 членов из 44. См.: РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 444, л. 157.
90. Двое представителей фракции «Союза 17 Октября», двое представителей фракции националистов, и по одному представителю фракций центра и прогрессистов.
91. С.Т. Неежмаков — участник русско-японской войны в составе отряда для обороны устья р. Амур.
92. Справочник. Государственная дума. Четвертый Созыв. Первая Сессия. 1913 год. СПб. 1913, с. 6—119.
93. Стенографические отчеты. Государственная дума. Четвертый Созыв. Сессия Четвертая. Пг. 1915, стб. 196.
94. Б.А. Энгельгардт был избран в Особое совещание по обороне от октябристов и вступил в их фракцию, таким образом он вышел из группы центра. См.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 218, к. 306, д. 2, л. 112.
95. ГЛИНКА Я.В. Ук. соч., с. 142—143.
96. САВИЧ Н.В. Воспоминания. СПб.-Дюссельдорф. 1993. с. 163.
97. ПОЛИВАНОВ А.А. Ук. соч., с. 91.
98. После раскола фракции относился к думской группе националистов-прогрессистов.
99. РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 447, л. 1—1об.
100. Стенографические отчеты. Государственная дума. Четвертый Созыв. Сессия Четвертая. Пг. 1916, стб. 1578.
101. РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 446, л. 484.
102. Расчеты произведены на основании следующих материалов: Государственная дума: Указатели к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. 1912—1914. Сессия I—II. СПб. 1913—1914; Государственная дума: Стенографические отчеты. Четвертый созыв, Сессия IV. С приложением указателя к стенографическим отчетам. Пг. 1915, стб. 1213—1399; Государственная дума: Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия IV. СПб. 1916.
103. Беннигсен Э.П. — 34, Савич Н.В. — 31, Потоцкий А.А. — 21, Энгельгардт Б.А. — 21, Лашкарёв Г.А. — 14, Караулов М.А. — 15, Барач П.А. — 12, Качиони И.П. — 9, Вишневецкий 1-й А.П. — 8, Половцов И.Ф. — 8, Шаховский К.М. — 8, Протопопов А.Д. — 6, Марков 3-й Н.Г. — 5, Можайский 1-й А.А. — 5, Неежмаков С.Т. — 5, Тимирёв К.Н. — 5, Штейгер С.Э. — 4, Сверчков Д.Н. — 4, Сафонов П.А. — 3, Савватеев А.П. — 3, Милютин В.В. — 3, Кильдешев П.А. — 3, Лихачёв А.Н. — 2, Савенко А.И. — 2, Степанов В.А. — 1, Шингарёв А.И. — 1, Виноградов В.А. — 1, Чихачёв 1-й Д.Н. — 1, Дмитриев М.П. — 1, Крупенский 1-й П.Н. — 1, Марков 2-й Н.Е. — 1.
104. РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 447, л. 192об.
105. Все представители Думы в Особом совещании по обороне, кроме депутата Н.Н. Опочинина, в свое время входили в военную комиссию.

Классификация кораблей Российско-американской компании (1799—1867 гг.)

А.В. Гринёв

Освоение русскими людьми Нового Света, формирование российских колоний на Алеутских островах, Аляске и Калифорнии в XVIII в. — 1867 г. является одной из интереснейших страниц отечественной истории. Вполне естественно, что колонизация так называемой «Русской Америки» в то время была невозможна без использования парусных судов. С сожалением приходится констатировать, что их классификация в отечественной историографии производится далеко не всегда корректным образом, что вряд ли может способствовать адекватному восприятию прошлого. Один из свежих примеров можно обнаружить в статье ведущего научного сотрудника ИВИ РАН, доктора исторических наук А.Ю. Петрова, написавшего, что известный мореплаватель В.М. Головнин прибыл в столицу Русской Америки Ново-Архангельск в 1810 г. на шлюпке «Диана»¹. Видимо, здесь имеет место опечатка, не замеченная автором и редактором журнала, опубликовавшего статью Петрова. Иначе сложно представить, чтобы в начале XIX в. кто-либо, пусть даже очень опытный моряк, рискнул бы путешествовать на шлюпке через три океана из Кронштадта до Аляски. На самом деле Головнин отправился в плавание в 1807 г., командуя 18-пушечным трехмачтовым шлюпом «Диана», который очень мало походил на маленькую гребную шлюпку².

Следует отметить, что для правильной классификации парусного судна решающее значение имеют следующие параметры: размеры, водоизмещение (тоннаж), количество мачт, характер парусного вооружения. В качестве дополнительных данных могут привлекаться и такие показатели, как количество пушек и фальконетов (легких орудий на вертлюгах) на борту корабля. Тем не менее, правильное определение типа судна может значительно затруднить ряд факторов, в частности, использование двусмысленных классификационных понятий. Например, под термином «шлюп» может скрываться как ма-

Гринёв Андрей Вальтерович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

ленький одномачтовый корабль со смешанным парусным вооружением (набором прямых и косых парусов), так и небольшой трехмачтовый военный корабль с прямым парусным вооружением, водоизмещением от 300 до 900 т и батареей из 16—28 орудий на открытой верхней палубе³. Для обозначения судна подобного типа служил также термин «корвет». «Шлюпом» могли называть военный транспорт, а в Русской Америке — транспортный трехмачтовый корабль, не имевший ни малейшего отношения к военной службе и российским ВМФ. Учитывая сказанное, было бы нелишним указывать каждый раз при использовании термина «шлюп» его конкретную разновидность.

Начало исследованию и освоению далеких берегов Нового Света со стороны России было положено в ходе 2-й Камчатской экспедиции В.И. Беринга — А.И. Чирикова, которые, отправившись с Камчатки в 1741 г., обнаружили берега и острова юго-восточной и южной Аляски, а затем цепь Алеутских и Командорских островов. Свои открытия отважные моряки сделали на двух пакетботах — небольших 14-пушечных двухмачтовых судах с прямым парусным вооружением бригов⁴.

Однако пакетботы экспедиции Беринга не были первыми мореходными кораблями под русским флагом на Тихом океане. Российское кораблестроение на Дальнем Востоке началось еще в 1714 г., когда в Охотске было заложено, а в 1716 г. спущено на воду небольшое судно «Лодия». Первым кораблем с достаточно сложным парусным вооружением галиота (очевидно, гукер-яхта) стал казенный шитик «Фортуна», построенный в Охотске в 1727 году⁵. Судя по всему, это был переходный тип судна, когда европейское парусное вооружение сочеталось с корпусом, сделанным в сибирских традициях (исторически шитики восходят к временам древнего Новгорода). Классический шитик представлял собой малое парусно-гребное одномачтовое судно, доски обшивки которого скреплялись («шились», отсюда и название) китовым усом, ремнями или таловыми прутьями. Причина использования подобных материалов в конструкции кораблей крылась в их относительной дешевизне и доступности. Металл и изделия из него (прежде всего, корабельные гвозди) стоили дорого, а их доставка на Тихий океан по сибирскому бездорожью обходилась еще дороже. Поэтому логичным выходом стало строительство шитиков, которые широко использовались на сибирских пушных промыслах для перемещения по рекам и вдоль морского побережья⁶.

Впоследствии одномачтовые шитики с прямым парусным вооружением широко применялись при освоении русскими промышленниками и купцами Западных и Центральных Алеутских островов, располагавшихся ближе всего к Камчатке. Вновь открытые земли привлекали, в первую очередь, обилием ценной пушнины. Особенно высоко ценился мех калана («морского бобра»), который охотно приобретали китайцы в обмен на чай, поставлявшийся в Россию.

По мере продвижения промышленников вслед за истребляемым пушным зверем все дальше на восток вдоль цепи Алеутских островов им потребовались более основательные суда, чем шитики. Главным типом промысловых кораблей становились крупные палубные одномачтовые боты или двухмачтовые галиоты с оснасткой гукер-яхтов (реже гукоров) «на голландский манер». Первые подобные суда для

купеческих компаний стали строиться с 1753 г., когда на воду был спущен гукор «Св. Петр»⁷. В отличие от шитиков, вышедших из употребления в 1760-х гг., обшивка ботов и галиотов скреплялась медными гвоздями (отсюда пошло их неофициальное название «гвозденики»). Эти корабли обычно имели небольшую осадку и плоское днище, чтобы промышленники во время зимовки на островах могли затаскивать их на берег, подпирая балками для лучшей сохранности от гниения и морских бурь. Русский морской офицер и историк В.Н. Берх, изучив судовые журналы плаваний купеческих кораблей, пришел к выводу, что все они имели очень малую скорость — в среднем $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{3}{4}$ узла (около 3 км в час). Это объяснялось их тяжеловесной конструкцией, короткими и очень толстыми мачтами (чтобы их не обломало во время частых штормов) и узкими парусами, которые выкраивались такими в целях экономии материи. Стремясь все же увеличить скорость судов, промышленники снабжали свои галиоты и боты огромными рулевыми лопастями, наивно полагая, как писал Берх, что это способно ускорить ход кораблей⁸. На самом деле, они просто следовали голландской традиции, согласно которой купеческие и рыболовные суда (флейты, куфы, фишхукеры и др.) оснащались особо крупным рулевым пером.

Описание одного из судов русских промышленников содержится в дневнике спутника знаменитого английского капитана Джеймса Кука — штурмана Томаса Эдгара, побывавшего на алеутском острове Уналашка осенью 1778 года. Он дал следующую характеристику боту «Св. Павел»: «Он построен на образец лихтера (грузового судна. — *А.Г.*), с виду неуклюж, но очень крепок и под грузом имеет осадку 7 футов (2,1 м); его водоизмещение — 60 тонн, днище плоское, мачта короткая и расположена ближе к корме, чем к носу, бак (передняя часть палубы от оконечности судна до фок-мачты. — *А.Г.*) и квартердек (приподнятая кормовая часть верхней палубы. — *А.Г.*) длиной около 7 футов. Каюта маленькая с двумя койками. Лаг и линь (приспособления для измерения скорости судна и пройденного расстояния. — *А.Г.*) на квартердеке такие, как у нас. Нактоуз (деревянный шкафчик, на который устанавливается компас. — *А.Г.*) расположен на средней палубе; оба корабельных компаса очень хорошие. На левом борту, на вертлюге длиной $1\frac{1}{2}$ фута, установлена полуфунтовая пушка (ball)»⁹. Ценность этого свидетельства заключается в том, что до нас дошло крайне мало описаний и изображений русских кораблей, ходивших на Тихоокеанском Севере в XVIII веке.

Помимо палубных одномачтовых ботов в Охотске для нужд купеческих компаний сооружались также двухмачтовые суда преимущественно с оснасткой гукер-яхтов. Они обычно обозначались как «галиоты», реже как «бриги» или «бригантины». Сохранился японский рисунок конца XVIII в. судна «Св. Екатерина», которое в 1792 г. доставило посольство А.Э. Лаксмана в Японию. И если в первом русском издании корабль был охарактеризован как «бриг»¹⁰, то при последующей перепечатке рисунка «Св. Екатерина» в пояснительном тексте стала именоваться «бригантиной»¹¹. Таким же образом ее обозначал и морской офицер А.С. Сгибнев¹². На самом деле, судя по рисунку, это был типичный гукер-яхт, с оснасткой, состоявшей из двух больших прямоугольных парусов на высокой передней мачте

и гафеля, а также еще одного небольшого гафеля на маленькой задней мачте. Нам не удалось обнаружить ни одного изображения или описания классических купеческих бригантин с прямыми парусами на фок-мачте и косыми (гафельный грот и топсель) на грот-мачте при поисках сведений о российских кораблях на Тихоокеанском Севере в XVIII веке. Не было там и фрегатов, как о том сообщают некоторые отечественные и зарубежные авторы. Так, например, В.А. Дивин отмечал, что «в 1786 г. английский двухмачтовый фрегат под командой капитана Меэрз» заходил в Капитанскую бухту на остров Уналашка ¹³, а американский исследователь Крис Аллен писал, что в 1788 г. русские отправили с острова Кадьяк в залив Якутат фрегат «Три Святителя» ¹⁴. На самом деле двухмачтовых фрегатов никогда не существовало, это были всегда достаточно крупные трехмачтовые корабли. Судно же британского шкипера Джона Мирса представляло собой небольшую, построенную в Индии разновидность брига («сноу») водоизмещением всего в 200 тонн ¹⁵. Что касается купеческого галиота «Три Святителя», то он также никак не мог считаться «фрегатом».

Впрочем, с «фрегатоманией» в историографии приходится особенно часто сталкиваться при упоминании первенца российского судостроения в Америке — трехмачтового корабля «Феникс», спущенного на воду в Воскресенской бухте на Аляске в 1794 году. Это было самое большое судно купеческой компании Г.И. Шелихова — И.Л. Голикова, обосновавшейся с 1784 г. на крупном острове Кадьяк и прилегающих районах Южной Аляски. По сведениям капитана 2-го ранга П.А. Тихменёва, трехмачтовый двухпалубный «Феникс» имел длину 73 фута, ширину — 23 и глубину трюма — до 13¹/₂ футов (то есть 24, 7,6 и 4,5 м) и мог поднять груз в 180 тонн ¹⁶.

Однако согласно одному архивному документу, его грузоподъемность была существенно выше — 240 тонн ¹⁷. При этом некоторые бывшие морские офицеры-историки писали о нем, как о «бриге» ¹⁸ (что абсолютно неправильно), а в архивных и опубликованных источниках, а также в научной литературе «Феникс» обычно именуют «фрегатом». И хотя нам уже приходилось специально указывать, что он не являлся кораблем столь крупного класса как фрегат по своему водоизмещению, вооружению и предназначению ¹⁹, тем не менее, исследователи с удивительным упорством продолжают называть его подобным образом ²⁰. Поэтому придется еще раз подчеркнуть, что к фрегатам в конце XVIII в. — первой половине XIX в. причисляли военные трехмачтовые парусные корабли с прямым парусным вооружением, водоизмещением от 900 т и выше с двумя орудийными палубами (закрытой и открытой) ²¹.

Еще Морским уставом 1720 г. было введено разделение военных кораблей на ранги согласно количеству орудий (14, 16, 32, 50, 66, 76, 80, 90), а Адмиралтейским регламентом 1722 г. было определено, что фрегат должен иметь не менее 32 орудий ²². Это были довольно крупные (вторые по величине после линейных кораблей), быстроходные трехмачтовые корабли, предназначенные для поддержки линкоров в бою, разведки и крейсерских операций. Естественно, что «Феникс» ни по каким параметрам не мог считаться фрегатом, тем более, что он не был зачислен в состав императорского ВМФ ²³.

Ссылки на исторические документы, в которых «Феникс» именуется «фрегатом», неоправданны, поскольку их составляли не военные моряки, а купцы и чиновники, стремившиеся зачастую просто подчеркнуть (прямо или косвенно) успехи отечественного кораблестроения в Новом Свете. Так, мичман Г.И. Давыдов, побывавший в самом начале XIX в. в Русской Америке писал о «Фениксе» следующее: «На судно поставили три мачты (хотя оно было в 100 или 110 тон), дабы сказать только, что компания имеет трехмачтовое судно, каковыя здесь вообще величаются фрегатами»²⁴. В свое время подобным образом поступил Петр I, который в пропагандистских целях назвал «фрегатом» захваченный в ходе Гангутского сражения (1714 г.) трехмачтовый плоскодонный парусно-гребной шведский прам²⁵ «Элеант», стараясь подчеркнуть значимость победы русского флота²⁶. Добавим, что многим современным авторам, видимо, очень нравится сам термин «фрегат», и они готовы использовать его, невзирая на исторические реалии и технические характеристики конкретных кораблей. В результате в научной историографии «фрегатомания» распространилась и в отношении целого ряда торгово-транспортных трехмачтовых судов XIX в., ходивших на Тихоокеанском Севере.

В 1799 г. под эгидой государства возникла Российско-американская компания (РАК) на базе слияния нескольких купеческих объединений, ведущих пушной промысел и торговлю на Тихом океане. Царское правительство передало РАК в монопольное управление американские владения империи, и компания руководила ими вплоть до продажи Аляски США в 1867 году. Уже с момента своего учреждения РАК располагала небольшим флотом парусных судов, которые она унаследовала от компании Г.И. Шелихова — И.И. Голикова. Эти суда были необходимы для поддержки коммуникаций между Охотском, Камчаткой и отдаленными русскими колониями в Америке, снабжения их людьми, европейскими и китайскими товарами, а также для вывоза ценной аляскинской пушнины в Россию. В состав колониальной флотилии РАК помимо уже упомянутого «Феникса», входили двухмачтовые гукоры, гукер-яхты, палубные боты охотской постройки, а также одномачтовые малые суда. Краткое описание всех этих кораблей было обнаружено нами в одном архивном документе (публикуется впервые):

«1. Фрегат Феникс построен в Америке из листовичного дерева: длиною по килю семидесяти четырех футов (24,6 м), трехмачтовый, двупалубный и двадцатидвухпушечный, грузу поднимает до 15000 пудов (240 т).

2. Род бригантины (гукер-яхт) Екатерина: длиною по килю пятидесяти одного фута (17 м) двухмачтовое, однопалубное, грузу поднимает до 7000 пуд (112 т).

3. Северный Орел, конструкцией сходен с английскими галиотами; длиною по килю сорока семи футов (15,6 м), двухмачтовое, однопалубное, грузу вмещает до 4000 пуд (64 т).

4. Пегас.

5. Дельфин, малые одномачтовые суда.

6. Михаил, бот ластовый (т.е. предназначенный для снабжения) по килю сорока семи футов, одномачтовый и однопалубный, грузу поднимает до 3000 пуд (48 т).

7. Симеон, бот же, по киллю сорока шести футов, одномачтовый, однопалубный, грузу поднимает до 3000 пуд.

8. Судно Дмитрий недавно построенное в Уратской верфи (на реке Урак близь Охотска).

9. Предприятие Святой Александры, конструкцией под англинского галиота, по киллю пятидесяти шести футов (18,6 м), двухмачтовое, однопалубное, грузу вмещает до 7000 пуд.

Сверх сих судов компания имела еще два судна конструкции голландских галиотов: Трех Святителей по киллю шестидесяти трех футов (21 м), двухмачтовое и двупалубное, грузу поднимало до 12000 пуд (192 т); и Николая, по киллю пятидесяти четырех футов (18 м), двухмачтовое и однопалубное, грузу поднимало до 6000 пуд (96 т).

Но первое разбилось в Чугачах (на побережье залива Кука), последнее же близь Камчатских берегов»²⁷.

Из этого перечня наибольшую проблему для идентификации представляют построенные на Аляске одномачтовые суда «Дельфин» и «Пегас», причем последнее в источниках и литературе обычно именуется «Ольгой». К.Т. Хлебников и Тихменёв сообщали, что это были маленькие корабли длиной от 35 до 40 футов (13 м)²⁸. Особые затруднения связаны с классификацией судна «Ольга», которое на протяжении почти 10 лет служило флагманским кораблем для правителя компании Г.И. Шелихова — И.Л. Голикова на Аляске А.А. Баранова, с 1802 г. официально ставшего главным правителем Русской Америки. В источниках и литературе «Ольга» нередко именуется «галерой»²⁹, а иногда — галиотом³⁰. Сам Баранов в письме от 11 января 1795 г. называл «Ольгу» «шебекой» или «полугалерой»³¹. Однако вряд ли хоть одно из перечисленных определений полностью подходит к этому судну. Так, галера, согласно «Морскому энциклопедическому справочнику», представляла собой довольно крупное (длиной 40—60 м) военное судно с 16—32 парами весел, 2—3 мачтами с косыми треугольными (латинскими) парусами и экипажем до 450 человек³². Ясно, что маленькая одномачтовая и однопалубная «Ольга»³³ совершенно не подходила под определение «галера». Тем более, она не могла быть охарактеризована как «галиот», который имел как минимум две мачты. К ней не подходит и определение «шебека», то есть парусно-гребное трехмачтовое судно, с косыми парусами, имевшее до 40 весел и до 50 пушек³⁴. Правда, в русском военном флоте служили так называемые «полушебеки» (с двумя мачтами) и «полугалеры» или малые галеры (скампаваи), которые отличались более скромными размерами и могли иметь одну-две мачты, длину до 22 м и до 18 пар весел, с командой из 100—150 чел., включая абордажную партию³⁵. Однако «Ольга» имела еще меньшие размеры и экипаж, вряд ли превышавший 30 человек. Это было не военное судно, а, скорее всего, парусно-гребной бот с косым парусным вооружением на единственной мачте и 5—6 парами весел.

Возможно, что схожий тип имели выстроенные в 1803 г. при русском поселении у залива Якутат на Аляске небольшие парусные боты³⁶ «Ермак» и «Ростислав». В одном из писем к своему помощнику И.А. Кускову Баранов приводит их параметры: длина — 45 футов, ширина — 11 футов, то есть 15 и 4 м соответственно³⁷. Советский историк А.И. Алексеев в своей книге «Судьба Русской Америки» по-

чему-то именовал их «шхунами», но затем все же указал, что «Ростислав» являлся парусным ботом³⁸. Оба эти судна участвовали в карательном походе Баранова в 1804 г. против индейцев-тлинкитов, захвативших и уничтоживших русскую крепость на острове Ситха (совр. Баранова) в 1802 году. Существенную поддержку флотилии Баранова оказал тогда шлюп «Нева» под командой капитан-лейтенанта Ю.Ф. Лисянского, который до этого времени принимал участие в составе первой русской кругосветной экспедиции (1803—1806)³⁹. Естественно, что некоторые историки не упустили возможности превратить небольшой трехмачтовый шлюп Лисянского в военный «фрегат»⁴⁰. Так, сначала А.И. Алексеев совершенно правильно назвал «Неву» шлюпом и привел его основные характеристики: 373 т водоизмещения, 14 пушек⁴¹. Затем, через несколько страниц «Нева» стала «фрегатом», причем, по словам автора, принадлежащим Военно-морскому флоту⁴², что неправильно, так как собственником шлюпа была РАК. Вообще удивительно, что доктор исторических наук Алексеев, в прошлом морской офицер (капитан 1-го ранга), допускает досадную путаницу в классификации кораблей. Например, сначала он пишет, что трехмачтовое судно РАК «Открытие» (300 т) было построено в Ново-Архангельске в 1809 г., однако затем сообщает, что это была «бригантина» (двухмачтовое судно)⁴³. Выстроенный в 1815 г. в Финляндии бриг «Рюрик», дважды ходивший на Тихоокеанский Север и оставшийся на службе в колониях, Алексеев сначала совершенно правильно определяет как бриг, но затем почему-то пишет о нем как о «шлюпе», а потом опять как о бриге⁴⁴. И далее: «бот» «Чичагов» превращается в бриг⁴⁵ (каковым он и являлся), а шлюп (тендер) «Константин» становится «бригом»⁴⁶. Внимательному читателю остается только гадать, что же реально представляли собой упомянутые Алексеевым суда. Надо сказать, что подобные трансформации встречаются и у других авторов. Так, Б.Н. Болгурцев и В.И. Корякин упоминают «бриг» «Константин», а потом как минимум дважды называют его «куттером»⁴⁷; трехмачтовый корабль РАК «Ситха» у них становится «шлюпом», потом «бригом», потом опять шлюпом⁴⁸ (и подобные примеры можно продолжить). Современный сибирский историк, доктор исторических наук А.Н. Ермолаев пишет в своей весьма добротной монографии: «Шесть раз вывозил в Охотск пушнину бриг “Уналашка”», хотя до этого он же сообщает, что этот бот был заложен в 1825 году⁴⁹.

Справедливости ради надо отметить, что и в самих исторических источниках не всегда верно указывается тип тех или иных кораблей. Например, в архивном перечне судов РАК с 1799 по 1819 г., который был составлен в Главном Правлении (ГП) РАК, помимо «фрегата» «Феникс», упомянуты «Брик (бриг) Ростислав», «Брик Тендер Авось», «Фрегат Юнона», «Брик Ермак»⁵⁰ и т.д. Естественно, что ни «Феникс», ни «Юнона» не являлись военными фрегатами, а одномачтовые боты «Ермак» и «Ростислав» не могли быть двухмачтовыми бригами, как, равным образом, и одномачтовый тендер «Авось». Поэтому к архивным документам, вышедшим из-под пера чиновников Главного правления РАК надо относиться с достаточной осторожностью. Правда, от чиновников порой не отставали и некоторые профессиональные моряки. Так, в донесении главного правителя Русской

Америки капитан-лейтенанта М.И. Муравьева в Петербург от 18 января 1821 за № 27 встречается упоминание «шхуны» «Баранов»⁵¹, тогда как на самом деле это был одномачтовый шлюп (бот). Позднее, в конце 1820-х — первой половине 1830-х гг., как «шлюпы» классифицировали корабли РАК «Байкал», «Уруп» и «Ситха» главные правители Русской Америки капитан 2-го ранга П.Е. Чистяков и капитан 1-го ранга барон Ф.П. фон Врангель⁵². Однако все перечисленные корабли не были военными судами, их пушечное вооружение было слишком слабо, экипаж малочисленен, они не состояли в российских ВМФ и не несли Андреевский флаг.

Как видим, традиция именовать «фрегатами» трехмачтовые корабли РАК в этот период заменяется новой — обозначать их более скромно как «шлюпы». Правда, в оправдание упомянутых морских офицеров можно сказать, что некоторые военные шлюпы изначально строились как транспорты (например, упомянутый шлюп В.М. Головнина «Диана»), и только затем их переоборудовали в военные суда⁵³. В то же время необходимо уточнить, что купленный у американцев в 1824 г. «Байкал» вообще не мог считаться «шлюпом» (ни одномачтовым, ни трехмачтовым), так как был двухмачтовым бригом (225 т), который РАК купила в 1824 г. у американского шкипера Томаса Мика⁵⁴.

Проблемы с правильной классификацией возникают в отношении не только отечественных судов, но и иностранных кораблей, которые РАК приобретала для своих нужд. Так, еще в 1805 г. неофициальный глава компании камергер Н.П. Резанов купил в Ново-Архангельске за 68 тыс. испанских пиастров у зашедшего туда для торговли американского шкипера Джона Д'Вулфа его небольшой трехмачтовый корабль «Джуноу» (Juno) вместе со всем грузом и переименовал его на русский манер в «Юнону»⁵⁵. В научной и учебной литературе «Юнону» нередко именуют «бригом»⁵⁶, то есть двухмачтовым судном, что совершенно не соответствовало действительности. С другой стороны, в документах и научной литературе «Юнону» иногда называют «фрегатом»⁵⁷, что тоже неправильно, поскольку это было небольшое транспортное судно (водоизмещением около 250 т, с 8 пушками и 4 фальконетами⁵⁸), а не крупный военный корабль. Правда, командир «Юноны», лейтенант Н.А. Хвостов сам именовал свое судно «фрегатом», видимо, отдавая дань традиции, сложившейся в Русской Америке, и для придания большей значимости себе, как капитану большого военного корабля⁵⁹.

Заканчивая сюжет, связанный с «фрегатоманией», укажем, что единственным действительно полноценным фрегатом, побывавшим в Русской Америке, был 44-пушечный «Крейсер», совершивший кругосветное плавание под командой капитана 2-го ранга М.П. Лазарева в 1822—1825 годах⁶⁰. Кроме того, фактически легким 32-пушечным фрегатом являлся шлюп «Камчатка», на котором капитан 2-го ранга В.М. Головнин совершил в 1817—1819 гг. свое второе кругосветное путешествие с заходом в Русскую Америку. Однако в научной литературе «Камчатку» называют «шлюпом», поскольку корабль нес всего 28 орудий — остальные пушки были сняты, как писал Головнин, «по случаю всеобщего мира»⁶¹.

Добавим также, что некоторые историки по каким-то неясным мотивам стремились превратить транспортные корабли РАК в суда военного флота. Например, трехмачтовый корабль РАК «Суворов» (300—335 т, 8 пушек), купленный у американцев для кругосветных экспедиций в 1812 г., не был военным судном, как утверждала американская исследовательница Л.С. Блэк⁶². Равным образом не был военным крейсером и другой кругосветный корабль РАК — «Кутузов», о чем ошибочно писал Алексеев⁶³. Так же обстояло дело с еще одним кругосветным кораблем РАК — трехмачтовым парусником «Елена», который некоторые исследователи называли «корветом»⁶⁴, то есть военным трехмачтовым шлюпом. Во флоте РАК в колониях вообще не было настоящих военных судов, если не считать 14-пушечного шлюпа «Нева» (который ходил под флагом РАК), хотя почти все корабли и пароходы компании имели несколько пушек (обычно 6—8). В свое время лишь «Феникс» располагал 22—24 легкими орудиями, да шлюп РАК «Надежда» имел 16 пушек, но последний никогда не бывал в Русской Америке.

В основном флот РАК состоял из небольших судов колониальной флотилии и одного-трех более крупных трехмачтовых кораблей иностранной постройки для кругосветных вояжей из Кронштадта в Ново-Архангельск и обратно. Классификация большинства из них обычно не представляет серьезной проблемы, так как в известных нам архивных и опубликованных источниках, начиная с 1820-х гг., имеется достаточно информации на этот счет. Тем не менее, иногда бывает непросто определить тип отдельных кораблей колониальной флотилии. Так, Тихменёв сначала пишет о том, что РАК в течение 1817—1819 гг. выстроила две шхуны — «Платов» и «Баранов»⁶⁵, а потом называет их «шлюпами». Однако, судя по запискам очевидца — приказчика РАК И.А. Суханова, побывавшего в Русской Америке в 1817—1821 гг., «Платов» представлял собой маленькую двухмачтовую шхуну⁶⁶. «Баранов» же, судя по его «Паспорту» от 4 мая 1821 г., являлся одномачтовым куттером (одномачтовым шлюпом), с 6 медными 6-фунтовыми пушками и экипажем из 12 человек⁶⁷.

О том, как могут расходиться данные различных источников, свидетельствуют две перечня. Первый из них составлен Тихменёвым, очевидно, на базе документов Главного правления РАК и характеризует состав колониальной флотилии за 1821 год.

К 1821 г. колониальная флотилия состояла из следующих судов⁶⁸:

«Открытие» (бригантин, 306 т); «Финляндия» (бриг, 250 т); «Ильмень» (бриг, 200 т); «Булдаков» (бриг, 200 т); «Румянцов» (гозелет, 120 т); «Чириков» (шкуна, 120 т); «Фортуна» (шкуна, 60 т); «Константин» (шлюп, 60 т); «Баранов» (шлюп, 30 т); «Платов» (шлюп, 30 т).

Следующие данные взяты из депеши главного правителя Русской Америки М.И. Муравьёва от 14 апреля 1822 г. за № 89⁶⁹: корабль «Открытие» (построен в Ново-Архангельске в 1808 г., 325 т); бриг «Головин» (куплен в 1819 г., 180 т); бриг «Булдаков» (построен в сел. Росс в 1820 г., 220 т); шкуна «Чириков» (построена в Ново-Архангельске в 1809 г., 130 т); шкуна «Фортуна» (перешла от иностранцев в 1819 г., около 50 т); галет «Румянцев» (построен в сел. Росс в 1818 г., 120 т); шлюп «Константин» (перешел из Охотской Конторы в Кадыяке в 1814 г.); шлюп «Златоуст» (построен в Ново-Архангельске в 1819 г.); катер «Баранов» (37 т).

Второй перечень взят из депеши главного правителя Русской Америки Муравьева от 14 апреля 1822 г. за № 89 ⁶⁹ (публикуется впервые).

При сопоставлении этих данных бросаются в глаза три момента: расхождение в составе колониальной флотилии, типе судов и тоннаже кораблей. В частности, трехмачтовый корабль «Открытие» у Тихменёва почему-то стал «бригантином»; упоминаемый им бриг «Ильмень» не мог состоять во флоте РАК в 1821 г., так как разбился у берегов в Калифорнии еще 19 июня 1820 г. (люди и груз были спасены) ⁷⁰. С другой стороны, непонятно, почему Тихменёв забыл упомянуть одномачтовый шлюп (бот) «Иоанн Златоуст» и бриг «Головин», который исправно служил РАК до 1831 года ⁷¹. Что касается данных Муравьева, то у него почему-то пропущен бриг «Финляндия», который был построен еще в 1809 г. и вплоть до 1826 г. ходил из Ново-Архангельска в Охотск ⁷². Все это говорит в пользу необходимости комплексного использования источников и тщательной перекрестной проверки их данных.

Дополнительные проблемы могут создать одинаковые названия судов РАК. Например, во второй половине 1850-х и в начале 1860-х гг. в колониях одновременно служили бриг «Великий князь Константин» и винтовой пароход с таким же названием ⁷³. В результате может возникнуть путаница, как это получилось у нас при ошибочной идентификации как «брига» трехмачтового судна РАК «Шелихов», затонувшего в 1851 г. у берегов Приамурья ⁷⁴. Эта неточность затем была повторена в монографии А.Е. Ермолаева ⁷⁵. На самом же деле это был трехмачтовый барк немецкой постройки, купленный в 1849 г. в Калифорнии ⁷⁶. Вместе с тем, у РАК действительно был бриг «Шелихов» (270 т, 2 пушки, построен в Гамбурге по заказу РАК в 1848 г.) ⁷⁷, который много лет состоял в колониальной флотилии, о чем писал Тихменёв еще в 1863 году ⁷⁸.

Еще один пример подобный путаницы судов РАК, связанной с дублированием их названий, можно встретить в статье дальневосточного историка В.О. Шубина. Он писал в своей работе, что пароход РАК «Николай I» потерпел крушение у берегов курильского острова Онекотан в 1865 году ⁷⁹. На самом деле пароход «Николай I» налетел на камни и затонул еще 8 ноября 1861 г. в проливах архипелага Александра на Аляске ⁸⁰, а в 1865 г. погиб не пароход, а трехмачтовый парусник РАК с тем же названием, шедший с грузом пушнины из Ново-Архангельска в Аян в ночь с 18 на 19 июня. К счастью, весь экипаж и пассажиры были спасены ⁸¹.

Подводя общие итоги, следует сказать следующее. Проблема правильной идентификацией судов РАК осложняется целым комплексом факторов. Во-первых, сохранилось очень немного описаний и еще меньше изображений (тем более — чертежей) кораблей компании, особенно раннего периода ее существования. В результате точная идентификация ряда судов пока представляется практически невозможной. Во-вторых, не только в литературе, но и в самих источниках порой встречаются довольно серьезные расхождения в определении типа конкретного судна. В-третьих, большие затруднения вызывает отсутствие четкой классификации в собственно морской терминологии (бригантина — галиот, два типа шлюпов и т.д.) и небрежное, а порой безот-

ветственное использование классификационных терминов некоторыми историками. В-четвертых, дополнительную путаницу создают идентичные названия судов РАК. Общий вывод достаточно очевиден: необходимо предельно внимательно и осторожно подходить к типологической характеристике судов РАК. Вместе с тем, давно уже назрела необходимость в написании специальной монографии, посвященной флоту Российско-американской компании, где все эти и другие вопросы данной темы получили бы всестороннее освещение.

Примечания

1. ПЕТРОВ А.Ю. Взаимодействие России и США на Северо-западе Америки в начале XIX века. — Новая и Новейшая история. 2013, № 5, с. 174.
2. ГОЛОВНИН В.М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах. М. 1961.
3. Морской энциклопедический справочник. Т. 2. 1986, с. 428.
4. Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск. 1979, с. 182—188, 194—196; FEDOROVA T.S. The Building of the St. Peter & St. Pavel. In: Bering and Chirikov: The American Voyages and Their Impact. Anchorage, Alaska. 1992, p. 158—161.
5. СГИБНЕВ А.С. Охотский порт с 1649 по 1852 г. — Морской сборник. 1869, т. CV(105), № 12, с. 55—56.
6. АЛЕКСАНДРОВ В.А. Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. — Исторические записки. 1962, т. 71, с. 160.
7. Архив Русского Географического общества (АРГО), ф. 60, оп. 1, д. 2, л. 36, 44. Сгибнев неточно указывает 1757 г. как начало строительства ботов и гукаров для купеческих компаний. См.: СГИБНЕВ А.С. Ук. соч., с. 56.
8. БЕРХ В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги русского купечества. СПб. 1823, с. 124—125.
9. КУК ДЖ. Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом Океане в 1776—1780 гг. М. 1971, с. 563.
10. КАЦУРАГАВА ХОСЮ. Краткие вести о скитаниях в северных водах. М. 1978, илл. с. 14.
11. Русская Тихоокеанская эпопея, с. 444; АЛЕКСЕЕВ А.И. Судьба Русской Америки. Магадан. 1975, с. 119.
12. СГИБНЕВ А.С. Ук. соч., с. 61.
13. ДИВИН В.А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М. 1971, с. 328.
14. ALLAN C. Symbolic Acts and the Claiming of Alaska. — Alaska History. 2006, vol. 21, № 1, p. 6.
15. MEARES J. Voyages Made in the Years 1788 and 1789 from China to the North West Coast of America. N.Y. 1967; HOWEY F.W. A List of Trading Vessels in the Maritime Fur Trade, 1785—1825. Kingston-Ontario. 1973, p. 4.
16. ТИХМЕНЁВ П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ея до настоящего времени. СПб. 1861, ч. I, с. 40.
17. Описание первоначального основания находящейся под Высочайшим покровительством ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Российско-Американской компании, настоящего оной положения и средств к усовершенствованию оной. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1374, оп. 3, д. 2404, л. 9.
18. АЛЕКСЕЕВ А.И. Ук. соч., с. 114, 139 (правда, на с. 129 Алексеев пишет, что «Феникс» был «фрегатом»); БОЛГУРЦЕВ Б.Н., КОРЯКИН В.И. Русская Америка:

- Гидрографические исследования (к 200-летию основания Российско-Американской компании и 300-летию Санкт-Петербурга). СПб. 2002, с. 184—185.
19. История Русской Америки (1732—1767) Т. 1. М. 1997, с. 168.
 20. АЛЬПЕРОВИЧ М.С. Образование Российско-Американской компании в свете противостояния России и Испании. В кн.: Русская Америка: 1799—1867. Материалы международной конференции «К 200-летию образования Российско-американской компании». Москва. 6—10 сентября 1999. М. 1999, с. 181; СОЛОВЬЁВА К.Г., ВОВНЯНКО А.А. Джеймс Шильц на службе в Русской Америке, конец XVIII века. — Американский ежегодник. 2000. М. 2002, с. 219—220; ПЕТРОВ А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежных рынках (1799—1867). М. 2006, с. 67; ЕГО ЖЕ. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М. 2012, с. 158, 210.
 21. Морской энциклопедический справочник, т. 2, с. 392.
 22. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. VI. СПб. 1830, № 3.485, с. 4, 42; ДАНИЛОВ А.М. Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота. Минск. 1996, с. 299.
 23. Следует уточнить, что в составе российского ВМФ изредка встречались парусные фрегаты с меньшим числом орудий, чем предписывал Адмиралтейский регламент, но значительная часть из них представляла собой купленные за границей корабли.
 24. ДАВЫДОВ Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб. 1810, ч. 1, с. 231—232.
 25. Прам — плоскодонный корабль с крупнокалиберной артиллерией, применявшаяся при осаде или обороне прибрежных крепостей.
 26. ШИРОКОРАД А.Б. 200 лет парусного флота России. 1696—1891 гг. М. 2007, с. 68.
 27. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1374, оп. 3, д. 2404, л. 9—9об.
 28. ХЛЕБНИКОВ К.Т. Ук. соч., с. 25; ТИХМЕНЁВ П.А. Ук. соч., с. 40.
 29. КАШЕВАРОВ Ф.А. «Ответы» Филиппа Кашеварова. В кн.: СИТНИКОВ Л.А. Материалы для истории Русской Америки. Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск. 1986, с. 99; ХЛЕБНИКОВ К.Т. Ук. соч., с. 68; ЕГО ЖЕ. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. Л. 1979, с. 106; ФЁДОРОВА С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М. 1971, с. 123; БОЛГУРЦЕВ Б.Н., КОРЯКИН В.И. Ук. соч., с. 186—187.
 30. АЛЕКСЕЕВ А.И. Ук. соч., с. 142.
 31. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. РАК, оп. 888, д. 855, л. 3.
 32. Морской энциклопедический справочник, т.1, с. 157.
 33. ТИХМЕНЁВ П.А. Ук. соч., с. 94.
 34. Морской энциклопедический справочник, т. 2, с. 421. Ранее вслед за А.А. Барановым мы использовали термин «шебека» для обозначения судна «Ольга».
 35. Морской энциклопедический справочник, т. 2, с. 234.
 36. ХЛЕБНИКОВ К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, с. 78, 97.
 37. Американской компании правителя Баранова г-ну акционеру Ивану А. Кускову. 23 сентября 1803 г. в Новороссийской крепости Якутатского залива. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 204, к. 32., ед. хр. № 4, л. 150б.
 38. АЛЕКСЕЕВ А.И. Ук. соч., с. 150, 154, 159.
 39. ЛИСЯНСКИЙ Ю.Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 годах. М. 1947.
 40. ОКУНЬ С.Б. Российско-Американская компания. М.-Л. 1939, с. 52; АЛЕКСЕЕВ А.И. Ук. соч., с. 158; BLACK L.T. Russians in Alaska 1732—1867. Alaska. 2004, p. 161.
 41. АЛЕКСЕЕВ А.И. Ук. соч., с. 148.
 42. Там же, с. 159, 164.
 43. Там же, с. 160, 175.
 44. Там же, с. 193, 214.
 45. Там же, с. 195, сравн.: там же, с. 234.

46. Там же, с. 176, сравн.: там же, с. 218.
47. БОЛГУРЦЕВ Б.Н., КОРЯКИН В.И. Ук. соч., с. 88, 90, 363, сравн.: там же, с. 187, 199.
48. Там же, с. 213, 216. 219, 227, 239, 334.
49. ЕРМОЛАЕВ А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке, 1799—1871 гг. Кемерово. 2013, с. 136, 406.
50. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. РАК, оп. 888, л. 125, л. 232—233.
51. National Archives and Record Service (Washington) (NARS), Records of the Russian-American Company (RRAC). Record Group 261, roll. 27, p. 169.
52. Ibid., roll. 32, p. 161об. — 162об., 164—171; roll. 34, p. 151, 232об., 336об., etc.
53. ШИРОКОРАД А.Б. Ук. соч., с. 172—174.
54. HOWEY F.W. Op. cit., p. 188.
55. Контракт, заключенный между Н.П. Резановым и американским торговцем Дж. д'Вульфом о приобретении РАК судна «Юнона». 24 сентября (6 октября) 1805 г. В кн.: Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799—1815. Сб. документов. М. 1994, с. 136—137.
56. ШУБИН В.О. Поселения Российско-Американской компании на Курильских островах. В кн.: Русская Америка: 1799—1867, с. 229; БОЛГУРЦЕВ Б.Н., КОРЯКИН В.И. Ук. соч., с. 267; ЕЛИЗАРЬЕВ В.Н. Подлинная история Курильских островов и Сахалина XVII—XX вв. М. 2007, с. 528; История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия. Южно-Сахалинск. 2008, с. 330—331; PIERCE R.A. Russian America: A Biographical Dictionary. Fairbanks-Alaska-Kingston-Ontario. 1990, p. 50.
57. РГИА, ф.13, оп.1, д. 287, л. 54; Донесение Главного правления РАК Александру I о гибели фрегата «Юнона». 27 августа 1812 г. В кн.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, с. 223; МЕЗЕНЦЕВ Е.В. Военный флот играл важную роль. Морские силы России на Дальнем Востоке и Русской Америке в начале XIX века. — Военно-исторический журнал, 1998, № 5, с. 62; ЧЕРЕВКО К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII—XIX века. М. 1999, с. 161—162, 164.
58. D'WOLF J. A Voyage to the North Pacific by John D'Wolf. Fairfield-Washington. 1968, p. 1—2.
59. Грамота Н.А. Хвостова старшинам селений в заливе Анива на Сахалине. 12 октября 1806 г. В кн.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, с. 157.
60. ЗАВАЛИШИН Д.И. Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» в 1822—1825 гг. под командою Михаила Петровича Лазарева. — Древняя и новая Россия. 1877, т. 1, № 4, с. 421—424; т. 2, № 5, с. 54—67; № 6, с. 115—125; № 7, с. 199—214; т. 3, № 9, с. 39—52; № 10, с. 143—158; № 11, с. 210—224.
61. ГОЛОВНИН В.М. Сочинения. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное в 1807, 1808 и 1809 гг. В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг. С приложением описания примечательнейших кораблекрушений, в разные времена претерпенных русскими мореплавателями. М.-Л. 1949, с. 273.
62. BLACK L.T. Op. cit., p. 192.
63. АЛЕКСЕЕВ А.И. Ук. соч., с. 159.
64. ЗАГОСКИН Л.А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М. 1956, с. 22; АЛЕКСЕЕВ А.И. Ук. соч., с. 247.
65. ТИХМЕНЁВ П.А. Ук. соч., с. 233.
66. АРГО, ф. 99, оп. 1, д. 10, л. 35, 38об.
67. NARS. RRAC, roll. 27, p. 216об. — 217.
68. ТИХМЕНЁВ П.А. Ук. соч., с. 234—235.
69. NARS. RRAC, roll. 28, p. 15.
70. Из «Дневных записок» правителя Ново-Архангельской конторы К.Т. Хлебникова о крушении брига «Ильмена» у мыса Барро-де-Арена ... В кн.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815—1841. М. 2005, с. 83—87.

71. Донесение Ф.П. Врангеля в Главное правление РАК о состоянии построек, крепости и судов в Ново-Архангельске. 30 апреля 1831 г. Там же, с. 246.
72. Из «Дневниковых записок» Ф.П. Врангеля... [21] сентября — 12 октября 1826 г. Там же, с. 208.
73. ТИХМЕНЁВ П.А. Ук. соч. СПб. 1863, ч. II, с. 222.
74. История Русской Америки (1732—1767). Т. III. М. 1999, с. 321.
75. ЕРМОЛАЕВ А.Н. Ук. соч., с. 511.
76. Депеши М.Д. Тебенькова в ГП РАК от 15 октября 1849 г. за № 453, 455. NARS, roll. 55, p. 277, 278—279.
77. По другим данным, бриг «Шелихов» был построен в Альтоне (Германия) в 1852 году. См.: Движение судов Российско-Американской компании с 1 января 1844 г. по 1 января 1854 года. — Морской сборник. 1855, т. XIX(19), № 12, с. 109.
78. ТИХМЕНЁВ П.А. Ук. соч. СПб. 1863, ч. II, с. 77, 223.
79. ШУБИН В.О. Ук. соч., с. 238.
80. Отчет Российско-Американской компании Главного правления за 1861 год. СПб. 1862, с. 25, 27—31.
81. РГИА, ф. 40, оп. 1, д. 17, л. 113—113об., 121—121об.

Взаимоотношения Азербайджанского государства Сефевидов с Россией в XVI—XVII вв.

Т. Наджафли

Начальный период дипломатических отношений Азербайджанского государства Сефевидов с Россией приходится на последние годы правления шаха Исмаила I. В 1521 г. сефевидское представительство прибыло в Москву и, как свидетельствует сохранившееся донесение крымского хана османскому султану Сулейману, приобрело здесь «много пушек, мастеров и военное снаряжение»¹.

По мнению известного медиевиста О.А. Эфендиева, это было первое свидетельство наличия отношений между государствами, зафиксированное в русских архивах. Данные сведения примечательны еще и тем, что демонстрируют стремление приобрести для армии шаха Исмаила I огнестрельное оружие, нехватка которого остро ощущалась во время Чалдыранского сражения².

Налаживанию дипломатических отношений между Московским государством и Сефевидами препятствовали, прежде всего, тяготевшие к Османской империи ханства Поволжья, а также разорительные набеги крымских татар. К середине XVI в. Московское государство стремилось выйти к северному побережью Каспия для овладения здесь морским путем, а также продвигалось к югу вдоль Волги. Примерно в это же время в Москву прибыло сефевидское посольство, возглавляемое Сейидом Хусейном. Несмотря на то, что сведения о предмете переговоров практически отсутствуют, все же можно предположить, что были, в частности, затронуты вопросы, связанные с созданием военного союза против Османов. В это же время в Азербайджан в четвертый раз вторглись войска султана Сулеймана, и шах Тахмасиб вынужден был вести тяжелую и неравную борьбу с вражеским нашествием. Поэтому естественно предположить, что сефевидский шах искал союзников против набегов крымско-татарских орд на Дагестан и Дербент³.

Наджафли Тофиг — кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории им. А.А. Бакиханова НАНА.

Во второй половине XVI в. между Азербайджанским государством Сефевидов и Московским княжеством существовали стабильные торговые отношения. После аннексии русским царем Иваном IV территорий Казанского и Астраханского ханств и присоединения их к Московскому княжеству, эти отношения оживились. Шелк-сырец и изделия из шелка, производимые в Шамахе, Ареше, Тебризе, были основной продукцией, поставляемой из Азербайджана в Москву. Торговые связи Азербайджана с Московским княжеством осуществлялись, в основном, через Шамаху и Барду. Русские купцы покупали шелк и нефть в Азербайджане по возможно низким ценам и, перепродавая их западноевропейским купцам, зарабатывали на этом значительные средства. Кроме того, в Сефевидском государстве производилось в большом количестве холодное оружие, военное обмундирование, и их большая часть также экспортировалась в Москву ⁴.

Однако, в целом, в первой половине XVI в., отношения Сефевидов и Московского княжества не имели для обеих сторон столь важного значения. Если так можно выразиться, в условиях «взаимного безразличия» происходили спорадические обмены дипломатическими миссиями, осуществлялись мелкие торговые операции. «Хотя между Тахмасибом I и его современником Иваном Грозным (1547—1584) не было прямых отношений, именно в это время происходили события, способные повлиять на последующий ход событий во времена правления последнего. Первым из них было завоевание Астрахани Московским княжеством, на что в Иране (Сефевидском государстве. — Т.Н.) не последовало надлежащей реакции. Этот важный стратегический пункт давал России право надзора над Волгой, создавал благоприятные условия ведения торговли в Каспийском море в качестве владельца портового города. Именно обладание Астраханью открыло путь дальнейшим завоеваниям России, последовавшим примерно через полвека» ⁵.

Иван IV, захватив во второй половине XVI в. Казанское и Астраханское княжества и овладев волго-хазарским водным путем, надеялся укрепить связи с прикаспийскими регионами Кавказа и другими частями Сефевидского государства и в дальнейшем распространить здесь свое влияние. В свою очередь, Османское государство старалось предотвратить попытки Москвы проникнуть на Северный Кавказ. Османский султан намеревался восстановить Казанское и Астраханское княжества, укрепиться в Поволжье и даже, прорыв канал от Дона до Волги, открыть водный путь между Черным морем и Каспием. Присоединение Казанского и Астраханского княжеств к Москве стало причиной серьезного беспокойства при дворе султана Сулеймана, так как Османское государство само стремилось к захвату бассейна Волги и Северного Кавказа. Однако занятый войнами с юго-восточной Европой и Азербайджанским государством Сефевидов, султан Сулейман не смог воспрепятствовать завоеваниям Московского княжества. В 1569 г. султан Селим II вместе с крымским ханом Довлат Гиреем предпринял поход с целью вытеснить русских из Астрахани. Чтобы использовать в войне свой флот, османы даже сделали попытку прорвать канал между Доном и Волгой. Однако единственным результатом этого похода стало разрушение только что отстроенной русской крепости на месте соединения реки Сунджа с Терекон ⁶.

Заключение мира между государством Сефевидов и Османской империей в середине XVI в., а также вовлечение Московского государства в Ливонскую войну осложнило для них возможность открытой конфронтации с Османским государством. Однако Иван IV считал начало войны Сефевидов с османами более целесообразным и отправил ко двору шаха Тахмасиба представительство во главе со своим приближенным Алексеем Хозниковым. Хозников привез Сефевидам в Казвин значительное количество военной техники — 100 пушек и 500 ружей. Как отмечает П.П. Бушев, шах Тахмасиб, заключивший в 1555 г. мирный договор с османами, хоть и не смирился с захватом Астрахани русскими, но, не желая противостояния с султаном Селимом II, остерегался активной борьбы с османской Турцией ⁷.

В последней четверти XVI в. османский султан Мурад III, нарушив условия Амасийского мира, начал войну с Сефевидами, чем крайне обострил соперничество за Кавказ. Османский султан в своих посланиях и указах дагестанским правителям подстрекал их к борьбе против Сефевидского государства и Великого Княжества Московского ⁸. Переход же в 1557 г. Кабарды под вассальную зависимость России дал возможность Ивану IV продвигаться на Северный Кавказ.

Жалобы царя Кахетии и князей Дагестана на шамхала Тарку стали еще одним поводом для укрепления в регионе московского князя. В 1576 г. русский царь проявил очередную инициативу по строительству крепости на берегу реки Терек. Сын Великого Ногайского хана Гази Мирза в 1577 г. пытался помешать этому и по настоянию крымского хана Довлат Гирея напал на Кабарду. Однако в происшедшем между сторонами бою Гази Мирза был убит ⁹. Используя внутренние разногласия между феодальными правителями Северного Кавказа, Иван IV стремился еще больше укрепить свои позиции в регионе и остановить османскую экспансию в направлении Южного Кавказа ¹⁰.

В 1578 г. русские, приняв во внимание сделанное годом ранее предложение хана Малой Кабарды Канбулат хана, построили крепость на берегу реки Сунджа и разместили там вооруженный гарнизон. Наряду с этим, русские, воспользовавшись вторжением османской армии на Кавказ, восстановили в 1580 г. Турекскую крепость, которую были вынуждены разрушить в 1574 году. Согласно указаниям царей Ивана IV и Фёдора, казаки, жившие вокруг крепости Терек, а также вокруг рек Терек, Сунджа и Гёйсу, были привлечены к борьбе против османов. Таким образом, осmano-сефевидо-русское соперничество за Кавказ вновь резко обострилось.

Захват османской армией большей части азербайджанских земель и прикаспийских территорий Дагестана во время осmano-сефевидской войны 1578—1590 гг. привел к закрытию волго-каспийского торгового пути и нанес серьезный урон экономическим отношениям между двумя государствами. По мнению Бушева, переход в руки османов Баку и Дербента снизил значение Астрахани как центра торговли. При этом Московское государство оказалось окруженным с юга и юго-востока ¹¹. Общий интерес Азербайджанского государства Сефевидов и Московского княжества в деле освобождения волжско-каспийского торгового пути от османского надзора создал основу для их политического сближения.

Стремление Османского государства укрепить свои позиции на Северном Кавказе в ходе сефевидо-османской войны оказало свое влияние и на отношения с Московским княжеством. Четырехтысячная османская армия, отправившаяся 21 октября 1583 г. из Дербента в Керчь под руководством Оздемироглы Османа паши, 28 октября, переходя реку Сунджа, была атакована русскими. После трехдневных боев русские вынуждены были отступить. Крепости Терек и Сунджа были захвачены османами и разрушены. Садик Билге отмечает, что беи Кабарды для удобного прохождения армии Османа паши, следовавшего в Тамань, построили мост через реку Терек. В 1584 г. османский султан принял решение основать крепость на берегу Терека. Определение места крепости и его строительство было поручено беям Кабарды и правителю Дербента Джафар паше ¹².

В этот период русский царь также расширял свою деятельность на Кавказе с целью укрепления позиций Московского государства. В 1586 г. царь Фёдор через своего посланника Русина Данилова отправил письмо царю Кахетии Александру II с предложениями дружбы и покровительства. Александр II в ответ послал к царю с Русином греческого священника Кирила Ксантопулуса и черкесского бея Хуршида. 11 апреля 1587 г. послы Кахетии вместе с Родионом Биркиным и Петром Пивовым покинули Москву и направились обратно в Кахетию. 26 августа прибывшее через Астрахань в Кахетию русское посольство было принято Александром II. После проведенных обсуждений, 28 сентября Кахетинское царство согласилось на покровительство русского царя, а Александр II обязался отсылать ежегодно в Москву 50 тюков иранского шелка и 10 ковров, сотканых из золотых и серебряных нитей ¹³.

Поступок бывшего вассала — царя Кахетии — не мог не обеспокоить сефевидских правителей. Шах Аббас I, стремясь прояснить ситуацию, отправил своего посланника к Александру II. 25 апреля сефевидский посол Джамшид хан встретился в Зайеме с русским посланником Биркиным. В июне 1588 г. Родион Биркин, Петр Пивов, посол Александра II Кирил Ксантопулус, черкес Хуршид бей вместе с грузинским князем Капланом Вашнадзе покинули Кахетию. Они прибыли в Москву 16 октября ¹⁴. Предпринятые русским царем шаги по вовлечению Кахетии, являвшейся территорией османского влияния, в сферу своих интересов еще более осложнили отношения между двумя государствами.

По этой причине, русский царь Фёдор направил своего представителя ко двору Сефевидов в целях урегулирования отношений. К концу 1588 г. русский посол Григорий Васильчиков прибыл в Казвин. Основной целью Васильчикова было налаживание дружеских отношений между двумя государствами и обсуждение возможности создания военного союза против Османской Турции. 9 апреля 1589 г. шах Аббас I принял у себя во дворце русского посла. Васильчиков передал шаху привезенные подарки и письмо, в котором русский царь проявлял заинтересованность, в первую очередь, в изгнании османов с прикаспийских областей, а также напоминал об обещании шаха Мухаммеда Худабенди передать русским Баку и Дербент ¹⁵.

Шах Аббас I заявил о согласии «уступить» русскому царю Баку, Дербент и Шамаху лишь в том случае, если эти города будут осво-

бождены русскими от османов. Русскому посланнику было разрешено вернуться назад и вручено ответное письмо шаха ¹⁶. Бушев, касаясь переговоров шаха Аббаса I с Васильчиковым, пишет, что шах Аббас I при разговоре о заключении военного союза против Турции не ответил напрямую на вопрос о передаче Москве двух неконтролируемых им городов. Он открыто заявил, что русские должны своими силами отобрать их у османов. Если же Дербент и Баку будут освобождены шахскими войсками, о передаче этих городов не может быть и речи. Также шах Аббас прямо не ответил на вопрос о создании военного союза против Турции ¹⁷.

Таким образом, миссия Васильчикова хоть и не достигла конкретных результатов, но все же заложила основу официальных дипломатических отношений между Московским государством и Сефевидами.

В 1587 г. Османское государство, приняв во внимание жалобы Великого ногайского бека Урус хана на русские нападения и требования узбекского хана Абдуллы, а также строительство русскими новой крепости на берегах Терека, 22 сентября приняло решение начать военный поход с целью захватить Астрахань. Крымскому хану и ногайским бекам были отправлены приказы помогать османской армии во время похода, который должен был начаться весной 1588 года. Однако непрерывные войны с Сефевидами, вынуждали Османское государство направлять все силы против кызылбашей. Астраханский поход не состоялся. В то же время царское правительство пыталось урегулировать отношения с Османским государством дипломатическим путем. Несмотря на то, что османские султаны долгое время держали вопрос о Казани и Астрахани открытым и продолжали угрожать русским, против них до 1678 г. не был предпринят ни один военный поход.

В 1587 г., по требованию султана Мурада III, армия крымского хана начала военные действия против союзника русского царя на Кавказе бея Малой Кабарды и одержала победу. Это событие, а также решение Османского государства об астраханском походе, вынудили русского царя весной 1588 г. построить вблизи соединения рек Терек и Тумен поселок Терски и одноименную крепость. Крепость Терски, где расположились посланные из Астрахани военные силы и пушки, превратилась в основную базу для нападений на куманов и авар, а также стала экономическим и военным центром Северного Кавказа, одновременно являясь важным местом остановки дипломатических миссий, прибывавших из Грузии. На ярмарки, организуемые каждую неделю в Терски под попечительством русских, стали прибывать чеченцы и ингуши. В 1588 г. некоторые кабардинские беи, с учетом того, что царь Фёдор оказывал им помощь, приняли покровительство Москвы, при условии защиты от всех врагов. Казикумукское бекство, расположенное в долине нижнего Терека и на берегу реки Тумен и бывшее Туменским княжеством, со строительством Теркской крепости также перешло под управление России ¹⁸.

Азербайджанское государство Сефевидов в своей борьбе с османскими захватами на Южном Кавказе и в Азербайджане искало пути для заключения союза с Московским государством. Русский посол Васильчиков, посетивший шаха Аббаса I в 1588 г., сообщил ему о строительстве крепости на берегу реки Терек, а также о приказе астраханского

воеводы не пропускать османов через Терек. Будучи очень доволен этой новостью, шах проявил особую милость к русскому посланнику¹⁹.

Специальные представители шаха Аббаса I Хади бей и Будаг бей вместе с русским послом были направлены в Москву. В мае 1590 г. русский царь принял их в Кремле. Шах Аббас I, в адресованном царю письме, сообщал о желании восстановления связей, разрушенных Османским государством, необходимости налаживания дружественных отношений, о возможной передаче Дербента и Баку царю. Отправив русскому правителю разноцветные шелковые ковры, луки, изготовленные в Хорасане, шах Аббас I просил царя послать ему белок, соболиные меха и охотничьих птиц. С учетом тяжелых последствий изнурительной Ливонской войны, русский царь в сложившихся условиях не смог дать положительного ответа на предложение о создании военного союза против Османского государства, надеясь решить проблему дипломатическими усилиями²⁰.

Османское государство, в свою очередь, также стремилось получить Северный Кавказ и Дагестан. Дагестанские правители, направив в Москву своих представителей, попросили у русского царя оказать им помощь в строительстве укреплений на берегах Терека с тем, чтобы предотвратить походы османской армии и сил крымского хана на Кавказ. В 1588 г. на реке Терек была построена одноименная крепость²¹. Сефевидскому шаху была предоставлена нужная информация и о строительстве города Терек. Ему было сообщено, что город был сооружен с целью недопустить набегов на Дербент и кызылбашские территории сил османского султана и крымского хана²². Таким образом Москва продемонстрировала стремление укрепить свои позиции на Северном Кавказе. Инициативы русского царя, в особенности строительство городка Терск и перекрытие таким образом важной стратегической магистрали для вторжения османских и крымских войск в зону военных действий, беспокоили турецкого султана. И хотя османы требовали уничтожения городка Терек, добиться этого им не удалось. В 1589 г. к сефевидскому двору было отправлено новое представительство под руководством Семена Звенигородского и Торха Антонова. Проходя через Кахетию, посольство пыталось поднять царя Александра против шамхала Тарку²³.

Проникновение османов на Кавказ наряду с Сефевидским государством беспокоило и Московские власти. Учитывая данное обстоятельство, шах Аббас I, еще до подписания Стамбульского договора в 1590 г., отправил своего посла Хади бея в Москву. Сефевидский шах хотел получить гарантии русской помощи в своей борьбе против османов на Северном Кавказе, а взамен, обещал подарить Баку и Дербент русскому царю²⁴. Однако тот факт, что по Стамбульскому миру прикаспийские области Азербайджана и Дагестана остались у османов, заставил стороны приступить к новым переговорам.

Так как Сефевиды и Московское княжество имели общую цель — освобождение волжско-каспийского торгового пути от османского надзора, у них появились основания для сближения, не принесшие, однако, ожидаемых результатов. Ослабевшее после длительной Ливонской войны Московское государство переживало внутренний кризис. Царь Фёдор Иванович, а также ведавший внутренней и внешней политикой Борис Годунов, не могли решить вопрос войны с Османс-

ким государством. Московское княжество ограничилось привлечением на свою сторону горских княжеств и этим старалось ослабить позиции османского государства на Северном Кавказе ²⁵.

Несмотря на дипломатическую неопределенность, сефевидский правитель продолжал уделять особое внимание налаживанию политических и экономических отношений с северным соседом. С этой целью в 1592 г. он послал в Москву торговое представительство из 50 человек под руководством известного купца хаджи Хосрова. Шах Аббас I надеялся, что через организованный торговый коридор сможет получать из России оружие и военное снаряжение. Кроме того, сефевидский шах, при содействии посланной делегации, потребовал у русского царя освобождения четырех сефевидских кораблей, задержанных в астраханском порту местными чиновниками. Одновременно он, с целью вручить русскому царю украшенный бирюзой трон, отправил новое посольство в Москву. 6 октября 1593 г. принятый царем Фёдором сефевидский посол передал ему письмо и подарки от шаха Аббаса. После царя делегация встретилась с Борисом Годуновым, державшим все бразды правления в своих руках. Годунов, считавший налаживание торговых отношений между странами вполне приемлемым, передал послу письмо как от имени царя, так и от себя лично, а также подарки для шаха Аббаса.

Через месяц после возвращения из Москвы сефевидской миссии туда отправился посланник шаха Аббаса I Хаджи Искендер. Передав царю очередное письмо, а также привезенные щит, железное зеркало, бархатные ткани, он взамен попросил у русских белок, лисьи меха, кольчуги, слоновую кость и нутряной жир для изготовления воска.

В письме сефевидскому шаху русский царь писал: «Мы узнали о мире, заключенном вами с османами. Это новость удивила нас. В такой ситуации, как вы можете с одной стороны предлагать нам создать союз, а с другой заключать мир с врагом». Шах Аббас I попросил русского посла убедить царя Фёдора Ивановича срочно отправить армию в Ширван и добавил, что если русская армия освободит Баку и Дербент от османов, он не будет возражать против передачи этих городов Московскому государству ²⁶. Подтверждая приезд русского посла ко двору Сефевидов, Искендер бек Мунши отмечал: «Прибыв от русского царя к шаху, они привезли подобающие дары и подношения. Послом был надежный русский военачальник. Русское государство написало письмо с особой симпатией, затронув многие вопросы. Его величество шах приветствовал приезд посла, проявил к нему почтение, несмотря на то, что он гяур...» ²⁷. 19 февраля 1595 г. делегация из семидесяти пяти человек во главе с Василием Тюфякиным была направлена к сефевидскому двору для заключения договора о дружбе и взаимной помощи между странами. Следуя по Каспию, члены делегации заразились чумой, и князь Василий, а также Семён Емельянов умерли. В ноябре 1595 г. тридцать семь человек из делегации достигли Казвина. Шах Аббас I сразу же разрешил больным отбыть обратно. Лишь трое из них сумели вернуться в Москву. По этой причине союз между двумя странами не был заключен ²⁸.

Избранный царем Борис Годунов (1598—1605) старался развивать отношения с Сефевидской империей. В 1600 г. князь Алексей Засекин был послан к шаху Аббасу с заверением, что смена власти не

нанесет урон отношениям двух государств. Русский посол, заявив о важности создания союза между Австро-Венгрией, Россией и Ираном против Османов, гарантировал, что Россия всегда будет оказывать Сефевидам военную помощь. Русский царь прислал также сефевидскому шаху двух охотничьих псов, медведя и двух соболей²⁹. С князем Алексеем в Москву для поздравления Бориса Годунова с восхождением на престол отправился сефевидский посланник Пиргули бей Текели³⁰. Шах Аббас I попросил русского царя внести некоторую ясность в вопрос о планах австро-венгерского императора Рудольфа II, который находился в состоянии войны с Османским государством. Русский царь с помощью своего посла хотел столкнуть армию шаха Аббаса I с османами и, в случае незаключения мира между ними, обещал шаху свою помощь. Шах Аббас I, в свою очередь, предложил русскому царю совместное наступление на Ширван и Грузию, находившиеся под османским правлением, и даже использование в этих целях донских казаков³¹. Однако османо-сефевидская война, активность крымских татар, начало внутренних неурядиц в России затруднили не только обмен посольствами, но и препятствовали заключению между государствами договоров в политической и экономической сферах. Посылаемые представительства не продвигались дальше обновленных обещаний дружбы и взаимопомощи, провозглашений взаимных желаний и требований.

К началу XVII в., воспользовавшись ослаблением Османской империи вследствие внутренних беспорядков и восстаний, сефевидский шах решил начать против нее новую войну. Чтобы заручиться помощью русского царя, он в августе 1603 г. отправил своего посла Лачын бея в Москву. Царь Борис Годунов принял посланные шахом подарки, но на этот раз не поверил в искренность его намерений³².

По заключению турецких историков, в это время Россия, воспользовавшись войной Османского государства с Германией и Сефевидами, вновь попыталась укрепиться на Кавказе. В 1603 г. Борис Годунов, направив своего посла Ярославского в Исфахан, оповестил шаха Аббаса I о своей поддержке в случае отправки сефевидской армии против турок и отказа от заключения с ними мира³³.

Шах Аббас I, не дожидаясь возвращения посла из Москвы, с учетом сложившейся благоприятной ситуации, начал войну против Османского государства. В самый разгар войны Борис Годунов отправил русскую армию под предводительством воеводы Бутурлина и генерала Плещеева в Дагестан. Десятитысячная русская армия, возглавляемая Иваном Бутурлиным, в апреле вошла в Дагестан и захватила крепости Гёйсу и Тарку. Весной 1605 г. османская армия окружила Тарку. Оставившая город семитысячная русская армия потерпела поражение в сражении, происшедшем между Тарку и Казиюртом. Много русских, в том числе Иван Бутурлин и генерал Плещеев, были убиты. Все крепости на реках Сунджа, Сулак и Терек перешли в руки османов и дагестанских сил и были разрушены. Вынужденные отступить к Астрахани, русские, вплоть до похода Петра I в прикаспийские области, не предпринимали больше набегов на Северный Кавказ³⁴. За это время сефевидская армия полностью освободила территории Азербайджана от османского завоевания.

После избрания нового царя — Василия (1606—1610) — посол Иван Ромоданский привез послание к сефевидскому двору. Несмот-

ря на выраженное через посла шаху Аббасу I недовольство походом на христианскую Грузию, сефевидский правитель принял посла с почтением, подготовил на присланное письмо два ответа, в которых шах Аббас I сообщил об успехах в войне с османами и вновь предложил русскому царю присоединиться к войне против турок.

После заключения в 1612 г. Стамбульского мира между Сефевидским и Османским государствами, шах Аббас I приступил к активной политике в отношении Дагестана и Грузии. Он усмирил восстание в Кахетии в 1615 г., направил делегации к правителям Дагестана и Северного Кавказа с призывом к подчинению. Международная ситуация того времени складывалась не в пользу России. Она находилась в состоянии войны с Польшей и Швецией на западе, с Крымским ханством — на юге. По этой причине Москва не хотела осложнения отношений и с Сефевидами. Для восстановления разрушенного войнами хозяйства требовались большие средства. Поэтому правящие круги России возлагали большие надежды на торговлю с Сефевидским государством.

Принимая во внимание тот факт, что после освобождения шахом Аббасом I от османов территорий Азербайджана и Грузии его государство стало соседом России, царь Михаил I (1613—1645) придавал особое значение налаживанию дружеских отношений с Сефевидами. 30 января 1614 г. он направил С. Тихонова к сефевидскому двору с извещением о своем приходе к власти и намерении наладить политические отношения между двумя странами. 14 декабря 1614 г. шах Аббас I принял русского посла в своем лагере в Гызылагадже. Радушно встретив посланника, сефевидский шах подтвердил, что сообщил послу о готовности предоставить России деньги и военную силу. 28 января 1615 г. Тихонов в сопровождении посла шаха Полад бея отбыл в Россию. Через восемь месяцев Полад бей был принят русским царем. Шах Аббас I через своего посла сообщал об освобождении территорий Азербайджана от османского завоевания и, по причине устранения серьезных препятствий для ведения торговых отношений между странами, просил прислать русских купцов для налаживания торговли.

С началом новой войны Османского государства против Сефевидов в 1616 г., проблема безопасности северных городов вновь стала актуальной. Сефевидские правители намеревались обеспечить защиту северных границ за счет укрепления оборонных русских крепостей на реках Гейсу и Сундж. Однако внешнеполитическое положение Москвы не дало возможности претворить в жизнь этот план. Русскому царю, ведущему войну с Польшей, требовались большие материальные средства для покупки оружия и снаряжения. Отправленные к Сефевидам русские послы Леонтьев и Барянский хотели получить от шаха материальную помощь. К концу 1617 г. русскому послу Леонтьеву удалось добиться от шаха выдачи 7 тысяч серебром, но эта сумма не удовлетворила русского царя³⁵.

Дж. Айдогмушоглу пишет, что в период войны шаха Аббаса I против Османов на Кавказе, сефевидские купцы попали в Астрахани в руки русских разбойников. Узнав об этом, русский царь направил посла Ивана Брихова с письмом, написанном на тюркском языке, к шаху Аббасу I. Принявший русского посла в октябре 1615 г. близ Тифлиса шах гарантировал, что не будет иметь никаких отношений с

врагами русского царя. Однако через несколько лет после этих событий один из грузинских царевичей попросил покровительства и помощи у русского царя против Аббаса I, чем разгневал шаха, и он издал указ о прекращении отношений между странами. Русский царь не согласился на предложение царевича и, чтобы снять напряжение в отношениях, а также с целью получить материальную помощь для окончания войны с Польшей, послал князя Михаил Воротинского (должно быть Барятинского) ко двору Сефевидов. 14 ноября 1618 г. на городской площади Казвина принятый шахом посол вручил ему привезенные подарки. От имени русского царя посол просил шаха о предоставлении материальной помощи, гарантируя взамен неприкосновенность сефевидским купцам в Астрахани. В ответной речи шах Аббас I заявил о том, что обе страны являются близкими соседями и нет необходимости третьей стране (имелась в виду Грузия) вносить распри в это соседство. Поняв сомнения шаха в вопросе материальной поддержки, русские послы покинули присутствие. В сентябре 1619 г. они по гиланскому пути вернулись назад. Русским подданным было разрешено вести торговлю на сефевидской территории ³⁶.

Дипломатические отношения шаха Аббаса I и русского царя продолжали расширяться. Рост авторитета Московского государства проявился и в возрастании количества посольств, направляемых к сефевидскому двору. Так, между 1614—1618 гг. к шаху Аббасу были отправлены московские послы Брехов, Афанасьев, Шахматов, Леонтьев, Тимофеев и Барятинский ³⁷.

Во время очередного набега османской армии на Азербайджан в 1617 г. вопрос закрытия северокавказской дороги встал перед Сефевидским государством со всей остротой. И хотя разрешение этого вопроса еще более ухудшило бы отношения России и Турции, московские власти, заинтересованные в укреплении связей с Сефевидами, решили удовлетворить просьбу шаха. К тому же, стремление Османского государства укрепиться на каспийских берегах и Северном Кавказе шло вразрез с интересами Москвы. Seriously могла пострадать также торговля русских купцов с Азербайджаном. Усиление Османского государства в регионе не отвечало интересам не только Сефевидской империи, но и русского царя, который старался укрепить здесь свои экономические и политические позиции. Вскоре Московское государство, построив на реках Сундж и Гейсу укрепленные оборонительные системы, взяло под контроль северокавказскую дорогу, протянувшуюся до Азербайджана и, таким образом, преградило путь нападением Османской империи и крымских татар с севера на Сефевидское государство.

После освобождения азербайджанских земель от османского господства и восстановления границ Сефевидской империи сефевидский шах не стал возражать против восстановления русских крепостей на Северном Кавказе. По сведениям Мухаммеда Тахира Вахида, во времена шаха Аббаса I отношения между государством Сефевидов и Московским княжеством были хорошие, происходил постоянный обмен посольствами ³⁸. Дипломатические отношения имели, прежде всего, антиосманскую направленность. Поэтому Москва поручала своим послам изучать осmano-сефевидские отношения. Кроме того, московские послы должны были сформировать

в Сефевидском государстве представление о мощи и силе Московского государства ³⁹.

Такое положение просуществовало до середины XVII века. Мухаммед Тахир Вахид пишет, что во времена шаха Аббаса II между Сефевидами и русским царем существовали дружеские отношения. По сведению источника данного времени, при правлении шаха Аббаса II (1642—1666) русские построили новые крепости на реке Терек. Учитывая дружеские отношения между странами, сефевидский двор не отреагировал на это событие ⁴⁰.

Во второй половине XVII в. русские правительственные круги более активно стали проводить политику расширения своих южных границ. Московское государство ревниво относилось к действиям Англии, направленным на установление своего влияния в Сефевидском государстве. Строительство русскими на Северном Кавказе стратегически важных крепостей стало причиной недовольства Сефевидов. Шах Аббас II в 1653 г. уничтожил постройки вокруг Дербента, но чтобы не нарушить перемирие между странами, он не дал согласия на разрушение крепостей на Тереке ⁴¹. Конфликт между сторонами продолжался вплоть до 1662 года. По мнению Ю. Зевакина, в первые годы правления шах Аббас II, учитывая ослабление Сефевидской империи, не препятствовал русскому царю при строительстве городов-крепостей в Дагестане, но, по мере усиления своего государства, не мог смириться с укреплением русских позиций в Дагестане ⁴².

Усиление Московского княжества на Северном Кавказе, расширение отношений грузинских правителей с Москвой стали усугублять противоречия между сефевидским шахом и русским царем. Попытки русского посла Лобанова-Ростовского убедить шаха Аббаса II, в первую очередь, в том, что строительство русской крепости на реке Сундж никоим образом не повредит отношениям с Сефевидским государством, не удалось. Одновременно Лобанов-Ростовский должен был добиться от шаха возвращения Теймураза в Кахетию и прекращения антирусских выступлений на Северном Кавказе и в Дагестане. Но сефевидская дипломатия поставила перед русским послом свои требования — положить конец разорительным набегам донских казаков на прикаспийские области, разрушить все крепости на Северном Кавказе, построенные без разрешения шаха, а также выдать шаху царевича Ираклия. Требования относительно прекращения столкновений на границе, мешающих торговым отношениям, были встречены шахом положительно, однако остальные были отвергнуты. Неудачная миссия Лобанова-Ростовского крайне обеспокоила царское правительство ⁴³.

3 июля 1658 г. сефевидский посол Дакул Султан прибыл в сопровождении пяти купцов в Москву с намерением урегулировать межгосударственные отношения. И хотя ни одна из сторон не хотела идти на уступки, визит сефевидского посланника продемонстрировал обоюдное стремление возобновить отношения. На переговорах вновь был поднят вопрос о сожжении крепости на реке Сундж и грабежах местного населения. В свою очередь Дакул Султан довел до сведения царя, что во время этих событий в русских городах также были задержаны подданные шаха. Затронули и грузинский вопрос. Русский царь попросил сефевидского шаха положить конец вражде с Грузией, но сефевидский посол напомнил, что по просьбе царя Алексея Михай-

ловича шах Аббас II согласился покровительствовать Теймуразу и принять царевича Давида в качестве заложника в Исфахане, однако отказ Теймураза стал причиной отправки войск в Грузию. Просьба Теймураза к Москве о помощи в 1857 г. обеспокоила шаха, так как русский царь пообещал, что как только представится возможность, он отошлет письмо шаху о том, чтобы тот прекратил антигрузинские действия ⁴⁴.

В 1662 г. для подтверждения мира и дружбы между государствами и урегулирования общих вопросов, в Исфахан была направлена русская миссия во главе с Милославским. Ей было поручено для ознакомления с ситуацией побывать в Шамахе. Во время своего пребывания в этом городе посольские представители сумели собрать необходимый материал, связанный с экономическим и политическим положением, а также природными ресурсами Ширвана, и отправить его в посольский приказ. Посол был встречен радушно и все требования, кроме связанных с Грузией, были приняты. Категорически отказавшись обсуждать вопрос о Грузии, шах заявил, что ввиду вхождения грузинских земель в шахские владения, в случае неподчинения грузин шаху, они будут наказаны, как во времена его предшественников. Однако, в связи со смертью посла Милославского, миссия не была доведена до конца.

Л. Локхарт, подчеркивая не очень благосклонное отношение Сефевидов к русским послам во время правления шаха Аббаса II, отмечает, что «несмотря на наличие верительных грамот у прибывших в Исфахан в 1664 г. двух послов, которых сопровождали восемьсот человек, с дарами и подношениями от царя Алексея Михайловича, в Сефевидской империи довольно быстро поняли, что основная цель миссии, прибывшей в страну, является, используя дипломатический статус, реализовать привезенные в большом количестве товары, минувшая пошлины» ⁴⁵. Р. Дадашева пишет, что после того, как раскрылась истинная цель визита, к русским сложилось предвзятое, достаточно негостеприимное отношение и, в результате, гости покинули страну крайне обиженные. «Разгневанный таким отношением, царь, далекий от мысли объявить войну Сефевидам, решил отомстить за это другим образом. По его воле, известный как глава разбойников Степан Разин, со своими пятьюстами донскими казаками, стал нападать на передвигающихся по Волге купцов и путешественников, совершать грабительские набеги на Мазендаран и основал своему отряду лагерь в Ашуре, на северо-востоке Каспия» ⁴⁶.

П.П. Мелгулов сообщает о связях Сефевидского государства в период шаха Аббаса II следующее: «Если обрadowанный русский царь даровал в XVI веке английским купцам, привозившим в Россию западные товары, грамоты и привилегии, то в XVII веке подобные уступки сефевидский шах Аббас II даровал русским купцам; разрешал им беспошлинную торговлю в прибрежных городах Сефевидского государства. Отношения между Ираном (Сефевидами. — Т.Н.) и Россией были настолько дружескими, что после смутного времени (начало XVII века), когда нуждающиеся в деньгах русские обратились за долгом к соседним государствам, откликнулись лишь Сефевиды и отослали в Россию известное количество золота и серебра» ⁴⁷.

Отметим, что дружественные отношения между Азербайджанским государством Сефевидов и Россией не переросли в создание силь-

ного союза. Если в начале XVII в. Московское княжество опасалось выступать в качестве союзника сефевидского шаха против Османского государства, то к концу XVII в. на предложение русского царя о совместной борьбе против Турции, исфаханский двор не дал положительного ответа. Накануне начала войны с Османским государством в 1675 г., прибывший ко двору Сефевидов в сопровождении одиннадцати человек русский посол напомнил о ранее достигнутом соглашении между двумя государствами — в случае нападения османов на одну из сторон, другая с двадцатитысячной силой должна помочь союзнику. По указанию шаха Сулеймана, вопрос был вынесен на обсуждение Государственного совета. Несмотря на угрозы русского посла о прекращении отношений с Сефевидским государством в случае отказа, 6 августа 1675 г. члены Совета вынесли решение о нейтралитете ⁴⁸.

Ближе к концу XVII в. сефевидский правитель открыто выражал негативное отношение к предложению московского князя о совместных действиях против Османской империи. Однако наличие общего интереса в экономических и политических связях заставляли стороны продолжать существовавшие отношения. Московский князь относился к Каспийскому морю как к важному средству для проникновения в страны Востока. Как пишет Л. Локхарт, Петр I, посвятивший большую часть своего пребывания во власти тому, чтобы превратить Россию в морскую державу, естественно, не мог обойти своим вниманием Каспий ⁴⁹. Крайне осложнил отношения Сефевидов и Московского княжества вопрос о том, какому государству принадлежит территория Дагестана ⁵⁰. Прибывший в 1697 г. в Исфаган русский посол вручил шаху ноту протеста от имени царского правительства, недовольного тем, что в момент осады Азова русскими войсками, лезгинские и другие кавказские племена оказывали помощь туркам. Русские пытались привлечь султана Хусейна к войне против турок, но в то же время требовали выплаты долга в триста тысяч туменов, оставшихся со времен шаха Сефи. Однако на этот раз желание русского посла, как это делалось обычно, лично вручить верительные грамоты и ноту шаху при содействии главного везира, Сефевиды расценили как очень смелый шаг, предположив, что он провоцирует разрыв отношений между государствами. Поэтому было принято решение арестовать посла и не выпускать до тех пор, пока Москва не даст соответствующих объяснений. До июля 1699 г. посол пребывал в плену и только после вмешательства архиепископа Анкора был отпущен на свободу ⁵¹.

Надо отметить, что к концу XVII в. Петр I осознавал роль Сефевидского государства в своей борьбе против Османской империи. Для получения обстоятельной, достоверной информации о происходящем, царь в 1697—1698 гг. старался учредить пост резидента при сефевидском дворе. С этой целью туда был отправлен Василий Кучуков. Однако «не являвшийся тонким дипломатом и, видимо, не достаточно умным человеком В. Кучуков потребовал личного принятия от него шахом Султан Хусейном царской грамоты и, не сумев выполнить возложенной на него миссии, был выдворен из страны Сефевидов» ⁵².

В конце XVII в. царь Петр I принял решение об отправке кораблей в порты, расположенные на южных берегах Каспия и создании нового опорного пункта для расширения торговли. В 1700 г. командир русской эскадры капитан Э. Мейер потребовал у Сефевидского

государства права свободного прохода в бакинскую бухту для русских кораблей. Сефевидское правительство отвергло это требование и, учитывая незащищенность Баку, начало укреплять город⁵³.

Политические и экономические отношения между Сефевидами и Московским государством в XVI—XVII вв. были непосредственно связаны с проводимой в регионе политикой Османской империи. Враждебное отношение русского царя к османам и заинтересованность в их выдворении с Южного Кавказа позволили сефевидского шаха привлечь Московское государство к конфликту в этом регионе. Шах Аббас I, взамен предоставления русским царем военной помощи, даже обещал подарить ему имеющие важное стратегическое значение прикаспийские города Дербент и Баку. Однако Московское государство не хотело вступать в военное противостояние с сильной в тот период Османской империей и одновременно, не желая упустить свой шанс в сложившейся ситуации, всеми силами старалось вовлечь Сефевидов в войну против Османской империи, не скупясь на обещания военной помощи. Так как длительные и изнурительные переговоры между сторонами не дали никаких результатов, а шах Аббас I одержал победу над османами и сумел освободить захваченные азербайджанские территории, вопрос о передаче русским вышеуказанных городов не становился более объектом обсуждения.

Хотя с середины XVII в. между государствами и создалась определенная напряженность, инициативы, проявленные сторонами, сумели ее нейтрализовать и дали возможность сохранить стабильные отношения.

Примечания

1. БУШЕВ П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. М. 1976, с. 36.
2. ЭФЕНДИЕВ О.А. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Баку. 1981, с. 113.
3. Там же, с. 114.
4. История Азербайджана. Т. 3. Баку. 1999, с. 230—232.
5. LOCKHART L. The fall of the Safavi dynasty and the Afghan occupation of Persia. Cambridge. 1958, p. 55; ДАДАШЕВА Р. Последний период Сефевидов. Баку-Нурлан. 2003, с. 260—261.
6. АЛИЕВ Г. История Кавказа. Баку. 2009, с. 308.
7. БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 44—45; ЭФЕНДИЕВ О.А. Ук. соч., с. 114; АЛИЕВ Ф.М. Азербайджано-русские отношения. Баку. 1985, с. 30.
8. МАГОМЕДОВ Р.М. История Дагестана. Махачкала. 1968, с. 137.
9. SADIK BILGE M. Osmanlı devleti ve Kavkasya. İstanbul. 2005, s. 82.
10. МАГОМЕДОВ Р.М. Ук. соч., с. 136.
11. БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 46; СЕИДОВА Г. Азербайджан во взаимоотношениях Сефевидской империи и Русского государства. Баку. 2007, с. 39.
12. SADIK BILGE M. Op. cit., s. 83.
13. ALLEN W.E.D. Russian Embassies to the Georgian Kings 1589—1605. Vol. I. Cambridge. 1970, p. 60—61.
14. Ibid., p. 62.
15. БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 110.
16. MİHRİBAN M.N.E. I Şah Abbas-ı Kebir. Şirket-i Mütalaat və neşr-i kitab-ı Parsa. Tehran. 1387, s. 163; БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 113.
17. АЛИЕВ Ф.М. Ук. соч., с. 33.

18. SADIK BILGE M. Op. cit., s. 84.
19. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб. 1890, с. 128, 290; РАХМАНИ А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке. Баку. 1981, с. 103.
20. МАГАРАМОВ Ш.А. Восточный Кавказ в политике России, Турции и Ирана в конце XVI в. — Вопросы истории. 2009, № 4, с. 151.
21. СМИРНОВ А.Н. Политика России на Кавказе XVI—XVII вв. М. 1958, с. 36.
22. ЕГО ЖЕ. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. М. 1948, с. 22.
23. БЕЛАКУРОВ С.А. Сношения России с Кавказом (1578—1613 гг.). М. 1889, с. 113—114; МАГАРАМОВ Ш.А. Ук. соч., с. 152.
24. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, с. 128—129; БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 113; РАХМАНИ А.А. Ук. соч., с. 64.
25. ПЕТРУШЕВСКИЙ П.П. Азербайджан в XVI—XVII веках. В кн.: Сборник статей по истории Азербайджана. Баку. 1949, с. 276.
26. БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 258; СЕЙДОВА Г. Ук. соч., с. 42—43.
27. ИСКЕНДЕР БЕК МУНШИ. Украшающая мир история Аббаса. Баку. 2010, с. 935.
28. ГУСЕЙН Ф.А. К вопросу об обещании шаха Аббаса уступить Московскому государству Дербент, Баку и Шемаху. — Вопросы истории. 2010, № 9, с. 120—121.
29. Там же, с. 121—122.
30. Книга Орудж-бека Байата. Дон-Жуана Персидского. Баку. 1988, с. 155.
31. SÜMER F. Abbas I. DİA, с. 1. İstanbul. 1988, s. 18; KURAT A.N. Rusiya tarihi. Başlangıçdan 1917-ye kadar. Ankara. 1993, s. 181—182.
32. KURAT A.N. Op. cit., p. 43—44.
33. KÜTÜKOĞLU B. Osmanlı-İran siyasi münasebetleri (1578—1612). İstanbul. 1993, s. 253.
34. SADIK BILGE M. Op. cit., s. 86.
35. MİHRİBAN M.N.E. Op. cit., s. 166.
36. ЛЕБЕДЕВ Д.М. География в России XVII в. М-Л. 1949, с. 175—176; РАХМАНИ А.А. Ук. соч., с. 99.
37. МУХАММЕД ТАХИР ВАХИД. Сергузеште Шах Аббас деввом. Бе кушеше Сеттар Авди. Тегеран. X. 1334, с. 55; ГАСАНАЛИЕВ З., БАЙРАМЛЫ З. Внутренняя и внешняя политика азербайджанского государстве Сефевидов в году правления шаха Аббаса II. Баку. 2011, с. 41.
38. ШПАКОВСКИЙ А.Я. Торговля Московской Руси с Персией в XVI и в XVII вв. Киев. 1915, с. 20—21.
39. РАХМАНИ А.А. Ук. соч., с. 103—104.
40. Там же, с. 100—101.
41. SÜMER F. Safevi tarihi incelemeleri: I. ve II. Abbas devirleri. Türk Dünyası Araştırmaları, sayı 69. Ankara. 1990, s. 104.
42. ЗЕВАКИН Е. Азербайджан в начале XVII века. Баку. 1929, с. 31; РАХМАНИ А.А. Ук. соч., с. 105.
43. СЕЙИДОВА Г. Ук. соч., с. 66—68.
44. Там же, с. 68—69.
45. LOCKHART L. Op. cit., p. 57—58.
46. ДАДАШЕВА Р. Ук. соч., с. 261.
47. МЕЛЬГУНОВ П.П. Очерки по истории русской торговли XVI—XVII вв. М. 1905, с. 224.
48. РАХМАНИ А.А. Ук. соч., с. 99—100.
49. LOCKHART L. Op. cit., p. 59; ДАДАШЕВА Р. Ук. соч., с. 262.
50. История Азербайджана, т. 3, с. 268.
51. LOCKHART L. Op. cit., p. 61—62; ДАДАШЕВА Р. Ук. соч., с. 262.
52. БУШЕВ П.П. Посольство Артеми Волынского в Иран 1715—1718 гг. (По русским архивам). М. 1978, с. 8; ДАДАШЕВА Р. Ук. соч., с. 267—268.
53. LOCKHART L. Op. cit., p. 59, 62; ДАДАШЕВА Р. Ук. соч., с. 262, 264.

К вопросу об оценке Ламброса Кацониса в историографии

Г.Л. Арш

Ламброс Кацонис — грек, полковник русской службы — в 1788—1791 гг. вел морскую войну против Порты на Эгейском море, а в 1792 г. предпринял попытку национального освобождения Греции. В историю России он вошел как отважный моряк, несколько лет воевавший на морских коммуникациях Османской империи. Однако такую трактовку личности Кацониса, сложившуюся в историографии, попыталась опровергнуть доктор исторических наук Г.А. Гребенщикова. В своей монографии «Черноморский флот в период правления Екатерины II» (СПб. 2012) она представила Кацониса как «пирата, бандита, преступника, лгуна»¹. К сожалению, статья с подобной же концепцией опубликована в № 11 «Вопросов истории» за 2013 год.

Разумеется, Гребенщикова, как и любой другой автор, имеет полное право поставить под сомнение любое устоявшееся мнение. Но в случае с Кацонисом его репутация неразрывно связана с операциями российского флота на Средиземном море, русско-греческими связями и греческим освободительным движением. Все это побуждает весьма внимательно отнестись к источниковой базе и формам аргументации, использованным Гребенщиконой.

Автор ссылается на «комплексное исследование», которое она провела в Российском государственном архиве военно-морского флота и в Архиве внешней политики Российской империи и которое «позволило назвать имена реальных героев, одерживавших победы над турецкими морскими силами в Эгейском море» (с. 113). Речь идет о нанятых на русскую службу корсиканце Самуэле де Шаплет и мальтийце Г. Лоренци.

Авторы «неких книг» упрекаются автором в том, что они, «не ознакомившись в полном объеме с архивными материалами, поторопились сделать однозначные выводы и тем самым ввели в заблуждение не только российских историков, но и греческую общественность» (с. 113). Упрек этот относится к профессору Ю.Д. Пряхину, и он, на наш взгляд, совершенно несправедлив. Над материалами о Кацонисе, хранящимися в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГАВМФ) он работает уже более двадцати лет. Результатом этой работы стали две книги²; к последней из них приложено 165 документов.

Арш Григорий Львович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Что же касается упрека во «введении в заблуждение греческой общественности», то по справедливости этот упрек нужно переадресовать греческим исследователям, которые уже полтора века изучают жизнь и деятельность своего знаменитого земляка³. Следует заметить, что авторы этих книг, помимо греческих материалов, использовали венецианские, французские, голландские, российские архивные документы.

Среди тех архивохранилищ, которые, как утверждает Гребенщикова, смогли ей прийти к выводам о Кацонисе, противоположным тем, которые сложились в традиционной историографии, назван Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Действительно, в этом архиве хранится огромное количество малоизученного материала о русско-греческом моряке. Однако, к сожалению, они не были использованы автором.

Прежде всего, речь идет об общей характеристике политики России в отношении Греции в период русско-турецкой войны 1787—1791 годов. Политика эта в 80-е гг. XVIII в. проходила под знаком известного Греческого проекта Екатерины II. Хотя осуществление этого проекта было практически снято с повестки дня, он накладывал большой отпечаток на взаимоотношения России и греков. В частности, влияние этого внешнеполитического проекта весьма заметно в том манифесте, с которым Екатерина II обратилась 17 (28) февраля 1788 г. к грекам. Императрица советовала грекам-современникам почитать примером свободолюбие их древних предков: «Примите от безсмертного их духа добродетель разтерзать узы постыдного рабства, низринуть власть тиранов...»⁴. Однако ссылок на это обращение Екатерины II к грекам в статье нет.

Патетические призывы Екатерины II к грекам совпали с операциями Кацониса в Архипелаге. Возникает вопрос: были ли противники командира добровольческой флотилии в греческом обществе? Да, были. В греческом обществе имелись тогда и протурецкие силы. Некоторые действия Кацониса задевали и материальные интересы тех греческих купцов, которые продолжали и во время войны торговать с турками и снабжать их различными припасами. Как пишет Гребенщикова, некоторые греки жаловались на храброго моряка русским должностным лицам, среди которых имелись и недоброжелатели Кацониса; ездили с жалобами на него и в С.-Петербург, утверждая, что его действия позорят российский флаг и «весь греческий народ» (с. 129). Нападки на Кацониса со стороны его соотечественников действительно имели место. В то же время есть основания утверждать, что его действия поддерживались значительной частью греков. Сказанное относится, в частности, к греческой общине Триеста. Об этом говорит эпизод, происшедший в начале 1789 г. в этом Адриатическом порту и зафиксированный в донесении российского дипломата П.А. Ферьери.

У Кацониса тогда произошел конфликт с бригадиром В.Н. Мещерским, пытавшимся навязать ему неприемлемый план действий. Бригадиру удалось добиться заключения Кацониса «за неповиновение» в крепость Триеста. Арест главы греческих добровольцев вызвал большое волнение у греческой общины Триеста. Когда через месяц Кацониса освободили, местные греки приветствовали его возгласами: «Да здравствует Екатерина II! Да здравствует Иосиф II (австрийский император. — Г.А.)! Да здравствует Ламброс!»⁵. Но Гребенщикова, к сожалению, проигнорировала как этот, так и другие документы, противоречащие ее концепции.

Весьма основательный критический разбор методов работы Гребенщико-вой над источниками дан в коллективном труде русских и греческих историков «Ради установления истины». В нем отмечается, что при изложении своей темы «автор, в основном, ссылается на архивные источники». К этому следует добавить, что Гребенщикова ссылается не на все архивные источники, а только на те, которые способствуют достижению ее основной цели — дискредитации Кацониса. Вот два примера.

Султан Селим III, обеспокоенный тем ущербом, который флотилия Кацониса наносила турецкому судоходству, обратился к нему с необычным предложением. В случае, если командир флотилии оставит российский службу, простить его и предоставить ему навечно «какое место из Архипелагских островов желаете себе иметь»⁶. Положительной реакции на столь «заманчивое» предложение со стороны Кацониса не последовало, однако Гребенщикова «домыслила» такую реакцию: если русские после войны уйдут из Эгейского моря, то Кацонис «бросится в ноги султану» и попросит предложенное «место жительства» на каком-нибудь острове (с. 131).

Впрочем, вскоре Кацонис дал вполне определенный ответ на предложение Селима III. Этот ответ выразился в беспримерном по неравенству сил и мужеству греческих моряков сражении, которое командир легкой флотилии дал 6—7 мая (17—18 мая) 1790 г. турецкому флоту в проливе между островами Андрос и Эвбея. Подробности этого сражения привели офицеры флотилии Кацониса в петиции Екатерине II, хранящейся в АВПРИ. В этом сражении девяти кораблям Кацониса противостоял турецкий флот из 19 больших кораблей, на помощь которым вскоре подошли еще 13 алжирских кораблей. В этом неравном бою флотилия Кацониса потерпела поражение. Греческие моряки сами взорвали четыре своих больших корабля, чтобы они не попали в руки турок, и у них осталось лишь пять небольших кораблей. «И с ними, — писали греческие офицеры, участники сражения, — заставив очень дорого заплатить за кровь наших ран и жизнь большого числа наших храбрых товарищей, которые с оружием в руках пали с доблестью и славой в этой знаменательной битве, мы отступили с нашим храбрым командиром Ламбро, опасно раненным, к острову Цериги [Китиро]»⁷. И в связи с этим Гребенщикова упомянула «молву» о «позорном бегстве» Кацониса или со ссылкой на неких безымянных консулов утверждала, что сражение у Андроса «стало предосудительным для чести Российского флага в здешних местах» (с. 130).

Здесь следует отметить, что в руководящих кругах России было другое мнение относительно влияния сражения при Андросе «на честь Российского флага». Как писал Г.А. Потёмкин 20 (31) июля 1790 г. Екатерине II, хотя Кацонис и проиграл битву при Андросе, но он был полон решимости продолжить борьбу: «Ламбро-Кацони потерпел поражение в сражении с турками, но сам и почти со всеми спасся; исправясь пойдет опять»⁸. По настоянию Потёмкина императрица произвела Кацониса в полковники. Как говорится об этом в ее указе от 29 июля (9 августа) 1790 г., чин этот дается ему «в награждение усердной службы, отличной его храбрости и мужества, неоднократно оказанных в сражениях с турецким морским вооружением»⁹. Тогда же он получил орден Св. Георгия 4-й степени «в награждение и подвигов и в ободрение его к дальнейшим действиям против неприятеля»¹⁰. К концу 1790 г. Потёмкин произвел важные перемены в командовании русских военно-морских сил на Средиземном море. Контр-адмирал С.С. Гибс, недоброжелатель Кацониса, был смещен и отозван, а на его место был назначен генерал-майор В.С. Томара. В данном ему ордере от 24 декабря 1790 г. (4 января 1791 г.) давалась весьма положительная оценка Кацонису: «Известная храбрость и предприимчивость полковника Ламбро Качони и доверенность его у греков обнадеживают меня, что с добрыми наставлениями он способнее других к произведению важных на неприятеля поисков, к чему вы его и учредите»¹¹.

Ясский мир, в котором Греция даже не упоминалась, вызвал глубокое разочарование в греческом обществе. И Кацонис решил продолжить войну для освобождения Греции или ее части. Базой своей освободительной борьбы он сделал горную область Мани на юге Пелопоннеса, в гавани Порто-Кайо. 17 (28) июня 1792 г. большая турецкая эскадра подошла к Порто-Кайо. В течение трех дней моряки Кацониса и присоединившиеся к ним клефты Андруцоса отбивали атаки турок, но затем вынуждены были оставить свою крепость¹².

Об этой знаменательной странице в истории греческого освободительного движения в статье Гребенщиковой говорится достаточно путанно. Автор утверждает, что все эти события происходили возле «одного из островов», где турецкая эскадра «обнаружила стоявшую на якоре флотилию Кацониса и атаковала ее» (с. 135). На деле же события эти происходили на суше, на полуострове Морея (Пелопоннес).

Об этих событиях имеется ценная и достоверная информация в документах АВПРИ. Она касается мотивов действий Кацониса и его приверженцев. О реакции сподвижников Кацониса и его самого на Ясский мир писал 17 (28) мая 1792 г. французский дипломат Ж. Лазаль в записке, представленной российскому поверенному в делах в Константинополе А.С. Хвостову¹³. «Хотя лично для него, — писал дипломат, — счастливая будущность и была обеспечена, он разделял опасения многих своих товарищей, которым грозили турецкие репрессии после их возвращения домой». Еще большую ценность представляет манифест руководителя восставших греков, опубликованный им после начала своей освободительной акции. В нем Кацонис подчеркивал, что его флотилия отвлекла на себя часть турецкого флота с черноморского театра войны и тем самым способствовала успеху России. От имени «греческой нации» он упрекал Россию за то, что она не оправдала надежд греков на то, «что при заключении мира будет им доставлено какое-нибудь малое вольное место в награждение ими понесенных трудов».

Несмотря на свое разочарование политикой России, Кацонис выражал уверенность, что греки на восстановление принадлежащих им прав «надеются от милости и правосудия Ея Императорскаго Величества, общей матери». Следует заметить, что отделение взглядов и намерений Екатерины II от российской политики и ее исполнителей характерно и для некоторых других греческих документов того периода. Разумеется, после войны 1787—1791 гг. императрица не могла освободить греков, если бы даже и хотела; но в некоторых отношениях греки, сторонники независимости своей страны, ощутили ее благожелательность. По ее указанию российские дипломаты добивались освобождения участников восстания Кацониса из турецких тюрем, а сам Кацонис был прощен в 1794 г., получив возможность вернуться в Россию и возобновить свою военную службу.

Манифест Ламброса Кацониса — важный документ греческого национально-освободительного движения. Он публикуется или цитируется во всех основных работах по истории Новой Греции. Однако в статье Гребенщиковой он даже не упоминается, хотя текст манифеста известен в России уже более ста лет¹⁴.

В заключение вернемся к утверждению автора о том, что в ходе архивных изысканий (в частности, в АВПРИ) ей удалось прийти к выводам, противоположным тем, которые уже сложились в историографии. Однако изучение использованных автором архивных материалов позволяет утверждать, что необходимая объективность в работе отсутствует, а все изыскания были направлены на дискредитацию Кацониса. При этом автор нередко искажает факты или замалчивает их.

Гребенщикова допускает систематические грубые нападки на Кацониса. Чтобы не быть голословным, привожу примеры. Кацонис «начал совершать незаконные действия»; «шокирующие и леденящие душу злодеяния Ламбро Кацони»; он «отсылал донесения..., рассчитывая, что проверить это невозможно»; «майор начал совершать преступления уже против своих соотечественников»; он «ослушался высочайшего повеления»; «подвиги этих людей Кацони выдавал за свои»; «самоуверенности этого человека не было предела»; «одной из причин провокационного поведения Кацони...». Эти высказывания взяты со стр. 116—122 ее статьи; подобные же определения содержатся и на других страницах этого материала. Совокупность этих высказываний напоминает ско-

рее досье на уголовного преступника, чем историю российского офицера, четыре года сражавшегося против общего врага России и Греции и предпринявшего попытку освободить Грецию от османского ига.

Ламброс Кацонис равным образом принадлежит истории России и Греции. Он входит в плеяду тех греков, которые, переселившись в Россию и добросовестно служа своей новой родине, старались облегчить бедствия и страдания своих соотечественников. К этой плеяде принадлежал Александр Ипсианти — генерал-майор русской армии и глава тайного греческого освободительного общества Филики Этерия, Иоанн Каподистрия — статс-секретарь Министерства иностранных дел России и первый президент революционной Греции. Историческая же миссия Ламброса Кацониса состояла в том, что его освободительная акция, несмотря на ее неудачу, стала вдохновляющим стимулом для греков в их борьбе за освобождение. Недаром Э. Ксантос, один из основателей Филики Этерии, назвал имя Кацониса среди имен тех людей, подвиги которых вдохновили на борьбу за свободу новое поколение греческих патриотов¹⁵.

В 1821 г., после начала освободительного восстания в Греции, в России также вспомнили о Кацонисе, причем имя его в русских периодических изданиях упоминалось в одном ряду с именем другого героя борьбы за освобождение — Ригаса Велестинлиса. Так, в примечании к русскому переводу повести Байрона «Абидосская невеста» говорилось: «Ламбро Кацонис известен подвигами своими 1789 и 1790 года, равно как и предприятиями, клонившимися к восстановлению Греции. Архипелаг был театром морских его поисков. Ламбро и Рига почитались отважнейшими из людей, мечтавших о независимости Еллады»¹⁶.

Примечания

1. Убедительное опровержение этих обвинений было дано в совместной брошюре российских и греческих историков. См.: ГЕРТСИОС А., НИКОЛОПУЛОС И., ПРЯХИН Ю.Д. Ради установления истины. СПб. 2014.
2. ПРЯХИН Ю.Д. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб. 2004; ЕГО ЖЕ. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность. Документы архивов. СПб. 2011.
3. Назову несколько греческих работ о Л. Кацонисе из числа мне известных: LAKONOS D. O Lampros Katsonis. Athinai. 1855; MAGIAKOU P. O Lampros Katsonis (1752—1804). Athinai. 1932; GEORGIU J. O thalasanamos Lampros Katsonis. Athinai. 1971; VAGIAKAKOU D. O Lampros Katsonis kai I Mani. Athinai. 1994; STAMOU P. Lampros Katsonis. Livadeia. 2012.
4. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Канцелярия, оп. 468. 1821, д. 11342, л. 73.
5. Там же, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/8. 1789, д. 1624, л. 27.
6. ПРЯХИН Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность..., с. 301—302.
7. АВПРИ, ф. Сношения России с Грецией, оп. 52/2. 1790, д. 738, л. 5.
8. ПРЯХИН Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность..., с. 303.
9. Там же, с. 305.
10. Там же, с. 89.
11. Там же, с. 314.
12. Подробнее см.: VAGIAKAKOU D. O Lampros Katsonis kai I Mani. Athinai. 1994, S. 41—56.
13. АВПРИ, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1. 1792, д. 1080, л. 4.
14. Архив князя Воронцова. М. 1883, кн. 29, с. 334—339.
15. KSANTHOU E. Apomnimoneumata peri tis Filikis Etaireias. Apomnimoneumata agonieton tou 21. T. 9. Athinai. 1956, S. 141.
16. Вестник Европы. 1821. 4. 120, № 20, с. 256.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А.И. Бутаков и Аральская флотилия в конце 1840-х — начале 1860-х гг.

Р.Ю. Почекаев

Активизация так называемой «Большой игры» — соперничества Российской и Британской империй за контроль над Центральной Азией привела к тому, что в течение 1850—1880-х гг. Россия присоединила к своим владениям значительные среднеазиатские территории. Для успешного достижения своих целей в противостоянии с Британией Российской империи пришлось задействовать значительные ресурсы, причем даже такие, которые, казалось бы, не могли быть эффективными для решения задач среднеазиатской политики. Так, весьма странным, на первый взгляд, выглядит участие российского военно-морского флота в завоевании «сухопутных» среднеазиатских владений. А между тем, военные моряки сыграли существенную роль в боевых действиях 1870-х годов. Речь идет, в частности, об участии отрядов и артиллерии военно-морских сил под командованием С.О. Макарова (впоследствии знаменитого российского адмирала) в Ахалтекинской экспедиции 1880—1881 гг., которое уже привлекало внимание исследователей¹. Однако это далеко не единственный случай эффективного использования возможностей военно-морского флота в реализации среднеазиатской политики Российской империи.

Активным участником политических и военных действий России в Средней Азии в середине XIX в. являлся А.И. Бутаков (1816—1869), опытный морской офицер и выдающийся ученый, контр-адмирал и представитель целой «адмиральской династии». Его биография привлекала внимание преимущественно географов, учитывая его огромный вклад в изучение Аральского моря и прилегающих территорий. В советское время исследователей привлекали и «передовые», «прогрессивные» взгляды Бутакова, выразившиеся, в частности, в его покровительстве ссыльному поэту и художнику — рядовому Т.Г. Шевченко, включенному в состав Аральской экспедиции. Гораздо меньше интересовали специалистов его действия именно как воен-

Почекаев Роман Юлианович — кандидат юридических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Санкт-Петербург.

но-морского офицера, начальника Аральской флотилии, чьей задачей были не только научные изыскания в Приаралье, но также защита и продвижение российских интересов в этом регионе. Нельзя сказать, что эта сторона деятельности Бутакова была неизвестна исследователям², однако, на наш взгляд, его роль в укреплении позиций России в Средней Азии остается недооцененной.

В данной работе предпринимается попытка оценить роль Бутакова как непосредственного участника политических событий, автора сведений о ситуации в Средней Азии, а также как командующего Аральской флотилией. Деятельность флотилии и ее начальника была достаточно разносторонней: они участвовали в боевых действиях, а также поддерживали постоянные контакты с местным населением, по сути, обеспечивая его лояльность к российским властям, а также были задействованы в осуществлении дипломатических миссий. Более того, даже упоминая об участии Бутакова в дипломатических или боевых действиях, некоторые исследователи стараются подчеркнуть, что даже в это время сам он больше внимания уделял исследованию Аральского моря и Сырдарьи с научной точки зрения³. Главными источниками сведений служат, в первую очередь, записки, официальные письма, научные статьи самого Бутакова, данные о его деятельности, взятые из воспоминаний других участников политических и военных событий в Средней Азии. Кроме того, автор опирался и на работы исследователей, посвященные как личности Бутакова, так и событиям, в которых он принимал участие.

Начало 15-летнего «аральского» этапа жизни и деятельности Бутакова датируется 1848 г., когда сравнительно молодой, но уже успевший зарекомендовать себя как опытный морской офицер и исследователь-географ, капитан-лейтенант был назначен начальником экспедиции по съемке Аральского моря. Уже к начальному этапу его пребывания на Арале относятся и первые интересующие нас сведения, касающиеся политической ситуации в среднеазиатском регионе, изложенные самим Бутаковым в его официальных отчетах, личных письмах и «Дневных записках плавания по Аральскому морю в 1848—1849 гг.». Имея опыт регулярного общения с местным кочевым населением — казахами (или киргизами, как их официально называли в Российской империи), каракалпаками и туркменами — Бутаков отмечал их напряженные отношения с властями Хивинского ханства, чьими подданными эти кочевники номинально являлись. Начальник Аральской экспедиции упоминал о систематическом ограблении местного населения ханскими чиновниками под предлогом взимания официального мусульманского налога закята и натуральных сборов. Хивинский хан мог запретить местным каракалпам перекочевывать в определенные места, объявляя ту или иную территорию своим личным владением. Приаральские казахи, поддерживая связи со своими соплеменниками, находившимися в подданстве России, знали, что налогообложение «кочевых инородцев» в Российской империи менее обременительно, чем в Хивинском ханстве, и потому нередко грозили ханским властям, что сами перейдут в российское подданство, если их будут по-прежнему грабить и притеснять⁴. Весьма важным для российских властей оказалось наблюдение Бутакова о том, что попытки хивинского хана сделать казахов своими союзни-

ками в борьбе с Россией под предлогом единства веры оказались неудачными: исповедание ислама казахами в большинстве случаев проявлялось лишь в том, что они не ели свинины, тогда как многие даже и не слышали о Коране. Неудивительно, что как только представители Аральской экспедиции появлялись в местах проживания кочевников, последние тут же заявляли о готовности вступить в российское подданство — такую позицию занимали практически все «хивинские» казахи, каракалпаки и большая часть туркменских племен. Постоянное присутствие Аральской экспедиции (а затем и Аральской флотилии) в этом регионе убеждало кочевников в том, что русские намерены прочно здесь утвердиться и имеют значительные силы, чтобы защитить интересы подданных империи. Представляется вполне обоснованным мнение, высказанное А.Ш. Кадырбаевым, что Бутаков, занимаясь исследованием Аральского моря и Сырдарьи, в то же время постоянно поддерживал контакты с местной «агентурой», получая ценные сведения о политической ситуации в регионе и отношении местного населения к России, Хивинскому ханству, Ирану, Великобритании ⁵.

Таким образом, на первом этапе своего пребывания в Приаралье, в конце 1840-х гг. Бутаков ограничивался ролью наблюдателя, хотя ценность его наблюдений для разработки российской имперской политики в Средней Азии была весьма велика. А уже с начала 1850-х гг. он стал принимать непосредственное участие в среднеазиатской политике России.

Так, в 1853 г. с частью судов вновь созданной Аральской флотилии (два парохода — «Перовский» и «Обручев» — и несколько барок) он принял участие в походе оренбургского военного губернатора В.А. Перовского против Кокандского ханства, закончившегося взятием стратегически важной крепости Ак-Мечеть (совр. Кызыл-Орда). В частности, на пароходе «Перовский» была размещена рота солдат, которую следовало доставить по Сырдарье непосредственно к Ак-Мечети ⁶. Тем не менее, следует отметить, что никакой важной задачи флотилия в этом походе не выполняла. Как вспоминал участник этого похода И.Ф. Бларамберг (впоследствии очень близко друживший с Бутаковым), из-за недавней засухи Сырдарья, по которой двигались суда Аральской флотилии, обмелела, так что сухопутным войскам и даже артиллерии удалось переправиться через нее вброд, не прибегая к помощи моряков, несмотря на то, что такая возможность была предусмотрена путем подготовки нескольких сборных паромов, надуваемых мешков и прочее ⁷.

Однако даже несмотря на то, что в штурме Ак-Мечети принимал участие морской десант (под командованием лейтенанта Х.П. Эрдели, командира парохода «Обручев») ⁸, функции пароходов Бутакова в этом походе были, скорее, «представительскими»: требовалось показать местному населению, что русские могут атаковать врага не только сухопутными, но и морскими силами. Причем показать не столько кокандцам, против которых был организован поход, сколько собственным кочевым подданным — в частности, по свидетельству участника похода, сопровождавшие В.А. Перовского казахские султаны Мухаммеджан Баймухаммедов и Иликей Касымов были приглашены посетить «Обручев» и остались под впечатлением от его прочности и скорости ⁹.

Особое место в биографии Бутакова занимает участие в российской дипломатической миссии в Бухару и Хиву в июне-июле 1858 г.,

возглавляемой полковником Н.П. Игнатьевым — впоследствии видным дипломатом и министром. Несмотря на важность этой миссии и большие надежды, возлагавшиеся на нее властями, именно в ходе ее проведения обнаружилось значительное противоречие между главой миссии и начальником Аральской флотилии, совершенно по-разному представлявшими себе задачи военных моряков в регионе в целом и в деятельности миссии в частности. В конечном счете, они привели не только к возникновению личной неприязни между ними, но и к не слишком удачному завершению миссии.

Надо сказать, что отношения между Игнатьевым и Бутаковым сразу не заладились. Глава дипломатической миссии, к 26 годам уже успевший получить чин полковника и флигель-адъютанта, не скрывал своего скептического отношения к результатам 10-летних изысканий начальника Аральской флотилии, называя их «смелыми бумажными предположениями». Кроме того, он постоянно подчеркивал свое верховенство над Бутаковым, при любом случае стараясь сослаться на распоряжения либо начальника Азиатского департамента Е.П. Ковалевского, либо оренбургского генерал-губернатора А.А. Катенина ¹⁰.

По всей видимости Бутаков попытался поставить на место чрезмерно амбициозного главу миссии, при этом не слишком хорошо знавшего обстановку в Средней Азии, прекрасно известную самому начальнику Аральской флотилии. Однако добился лишь того, что в своих мемуарах Игнатьев дал ему совершенно уничижительную характеристику: «Начальник Аральской флотилии Бутаков (Алексей) жил несколько лет в форте № 1 и снедаемый скукою и желанием прославиться, считал Аральское море и впадающую в него Аму-Дарью своим исключительным достоянием, собираясь заведовать всеми изысканиями и стяжать исключительную славу, сопряженную со входом в эту реку первых русских военных судов. Увлеченный давно взлелеянной мечтой, он готов был встретить ревниво, недружелюбно и даже враждебно всякое лицо, по положению своему отнимающее у него руководящую власть. Искреннего, сердечного содействия новоприезжему из Петербурга начальнику трудно было от него ожидать». И несколько ниже: «Я не знаком лично с Бутаковым, но по тому, что я слышал о нем в Оренбурге и по словам Можайского (моряк, бывший в составе посольства. — *Р.П.*) должен предположить, что Алексей Бутаков не совсем похож на возвышенно честных и самоотверженно благородных двух братьев своих. Судя, вероятно по себе, он вероятно напрасно вообразил, что я намерен действовать эгоистично, обойтись без участия флотилии и предоставить исключительно себе славу экспедиции по р. Аму. Сильно ошибся Бутаков, если думал так». И, наконец: «Под видом добросердечного моряка скрывается честолюбец не чуждый интриги. Он очень умен и образован, но слишком себялюбив и лукав иной раз, что несовместимо с обязанностями доброго и полезного слуги Отечества в этом дальнем крае» ¹¹.

Противоречия между начальником Аральской флотилии и главой дипломатической миссии были неизбежны с самого начала: в то время как центральные власти предписали Бутакову, который к этому времени дослужился до звания капитана 1 ранга и, следовательно, в чинах был равен с Игнатьевым, «всемерно содействовать» успеху

миссии Игнатъева ¹², оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин, которому Аральская флотилия подчинялась непосредственно, предоставил ей определенную свободу действий, обоснованно полагая, что ее начальник, имея многолетний опыт пребывания в Приаралье сам решит, каким образом можно принести большую пользу дипломатической миссии ¹³.

Кроме того, оказалось, что исследования русла Амударьи, проведенные Бутаковым на начальном этапе своего пребывания в этом регионе, в конце 1840-х гг. были уже неактуальны: за прошедшее десятилетие ее русло оказалось засорено, а рукава значительно обмелели. В результате морякам Аральской флотилии пришлось заново проводить промеры, что привело к срыву сроков встречи с членами миссии ¹⁴. Раздраженный задержкой судов Бутакова, Игнатъев в своих письмах отцу остроумно (как ему казалось), описывал, как отправил топографа «на разведку и открытие Бутакова, от которого ни слуха, ни духа» ¹⁵, не упустив, таким образом, случая подшутить по поводу чрезмерной увлеченности начальника Аральской флотилии научными изысканиями.

Когда же флотилия, наконец, подошла к хивинскому городу Кунград, Игнатъев, всецело сосредоточенный на целях своей миссии, предписал Бутакову немедленно двигаться по Амударье далее, надеясь, что решительность и напор российских моряков заставят хивинские власти стать стоворчивее и позволить, вернее, молчаливо согласиться на проход кораблей через свои воды. Более того, он, противореча сам себе, сначала приказал Бутакову двигаться дальше только с разрешения властей, а чуть позже распорядился не ждать этого разрешения и объяснять дальнейшее продвижение тем, что на кораблях находятся дары дипломатической миссии хивинскому хану и Бухарскому эмиру ¹⁶. Однако Бутаков не желал рисковать вверенными ему кораблями и решил сначала провести промеры будущего пути следования. В результате он установил, что в настоящее время дальнейшее следование по Амударье для флотилии невозможно, и есть риск потерять корабли, о чем он и написал главе миссии ¹⁷. Однако Игнатъев обвинил его, во-первых, в очередном срыве запланированных сроков следования дипломатической миссии, во-вторых, в том, что он внушил беспокойство хивинским властям тем, что проводил исследования русла Амударьи (хивинцы решили, что это — подготовка к очередному вторжению России в пределы ханства), и, наконец, в том, что, не пройдя дальше Кунграда, он лишил самого Игнатъева такого важного козыря в переговорах с ханом как возможность упомянуть «находящиеся под боком» корабли военно-морского флота Российской империи. Последнее обвинение было необоснованным, поскольку, хотя корабли Аральской флотилии и не миновали Кунград, слухи о флотилии, дошедшие до хана, оказались весьма грозными: так, хивинцы считали, что в распоряжении Бутакова есть некие «подводные корабли», способные незаметно пройти до Хивы, а также, что русские войска в большом количестве собраны у границ ханства (что не опровергали и моряки флотилии) ¹⁸. Все это заставило хивинского хана согласиться с рядом условий русско-хивинского договора. Тем не менее, в своих мемуарах Игнатъев пошел еще дальше и фактически обвинил А.И. Бутакова (равно как

и поддерживавшего его генерал-губернатора А.А. Катенина) в провале своей миссии в Хивинском ханстве ¹⁹.

Впрочем, в мемуарах, опубликованных в 1897 г., то есть спустя почти 30 лет после смерти Бутакова, дипломат мог писать все, что угодно. Непосредственно же по итогам миссии он повел себя более объективно, признав ценность исследований руслу Амударьи и высоко оценив «распорядительность и деятельность» Бутакова во время путешествия миссии. В рапортах генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу и морскому министру он ходатайствовал о награждении начальника и офицеров Аральской флотилии, однако в итоге Бутаков был награжден орденом св. Анны 2-й степени все же в результате хлопот Катенина, а не Игнатьева ²⁰. Гораздо более важным стало признание со стороны дипломата, что именно Бутаков является наиболее подходящим начальником предполагаемой экспедиции в Хиву и Бухару — формально с целью изучения торговых путей в Средней Азии, фактически же для дальнейшего укрепления присутствия Российской империи в регионе, допуская даже высадку десанта на территории того или иного ханства ²¹.

Это в полной мере совпадало с позицией и самого Бутакова, который, несмотря на увлечение своими научными исследованиями Аральского моря и впадающих в него рек, имел весьма четкую политическую позицию и выступал даже не просто за усиление присутствия России в Средней Азии, но и за прямое присоединение к России Хивинского ханства или, по меньшей мере, части его территории ²². Вероятно, именно это подвигло Катенина поручить Бутакову весьма деликатную задачу, в результате чего менее чем год спустя после миссии Игнатьева, в середине июня 1859 г. Бутакову вновь пришлось отправиться в Кунград.

Стоит отметить, что Кунград (или Аральское «владение») веками представлял собой угрозу целостности Хивинского ханства. Уже с XVII в. (а по некоторым предположениям даже с XVI) эта область имела достаточно автономный статус, и местное население, частично казахское, частично каракалпакское и туркменское, порой лишь номинально признавало власть Хивы ²³. А с начала XVIII в. Кунград стал опорой для претендентов на трон, желавших свергнуть власть хивинских ханов или, по крайней мере, стать полностью независимыми от Хивы монархами ²⁴. Именно таким претендентом стал кунградский правитель Мухаммад-Фана, который объявил себя ханом Кунграда, после чего обратился за поддержкой к оренбургским пограничным властям. Генерал-губернатор Катенин принял решение отправить в Кунград пароход «Перовский» и несколько барж под командованием Бутакова, придав ему для усиления отряд в 125 солдат под командованием такого же сторонника завоевания Средней Азии — полковника М.Г. Черняева (в будущем — покорителя Ташкента и первого военного губернатора Туркестанской области). Офицерам было предписано действовать по ситуации, а чтобы поход не выглядел открытой агрессией против Хивинского ханства, было решено, что корабли двинутся в Амударью под предлогом доставки на родину бухарского посла из России ²⁵.

Бухарский посол отказался плыть на корабле, что, однако, не остановило Бутакова и Черняева. Добравшись до Кунграда, они вступили в переговоры с хивинскими сановниками, командовавшими

ханскими войсками. Хивинцы предприняли ряд неудачных попыток «напугать» российских моряков и солдат — сначала направив на них свои пушки, затем изобразив намерение взять корабли на абордаж, используя для этого свои лодки. Убедившись, что их демонстрация не уменьшила решимости русских, хивинцы сначала отступили, а затем и вовсе сняли осаду, уйдя от Кунграда ²⁶.

Русские были с почетом встречены в Кунграде как освободители и удостоились аудиенции у «хана» Мухаммада-Фана, согласившегося подписать мирный договор с Россией. Однако этим благодарность и расположение восставших к русским и ограничились. Кунградцы стали требовать от Бутакова пушек и войск для защиты города, а также предприняли попытку втянуть его в войну с Хивой, предложив принять участие в преследовании отступающих ханских войск. Однако их планы были отклонены Бутаковым. Во-первых, у него не было намерений начинать открытую войну России с Хивинским ханством, учитывая также напряженность в отношениях не только с Хивой, но и с Великобританией. Во-вторых, Амударья вновь, как и в прошлом году, обмелела, и дальнейшее продвижение кораблей по ней могло привести к их посадке на мель и даже гибели. Наконец, в-третьих, кунградцы не предлагали русским ничего взамен, даже отказались снабдить корабли топливом, а моряков и солдат — продовольствием. В результате дружелюбие восставших сменилось враждебностью, и дело едва не дошло до нападения туркмен на корабли Бутакова для грабежа. Единственно верным решением в этом случае являлся немедленный уход в русские воды, в результате которого Катенину пришлось констатировать, что никакой пользы России эта экспедиция не принесла. Впрочем, Россия в очередной раз сумела продемонстрировать свою военную и морскую мощь, однако это никоим образом не способствовало улучшению русско-хивинских отношений ²⁷.

Ход восстания и его неутешительные для России итоги (гибель Мухаммада-Фана и восстановление хивинцами контроля над Кунградом вскоре после ухода сил Бутакова и Черняева) были подробно изложены Бутаковым в статье, впоследствии публиковавшейся, как минимум, дважды ²⁸. При этом о своей роли в этих событиях начальник Аральской флотилии благоразумно умолчал, заявив лишь, что «имел случай быть в Кунграде в конце июня и видеть Мухамеда-Фана» ²⁹, поскольку информация об активном вмешательстве российского флота в дела Хивинского ханства могла привести к новому витку обострения отношений не только с Хивой, но и с Британской империей, весьма болезненно реагировавшей на любые попытки России укрепить свое влияние в Центральной Азии. Поэтому сведения о роли Бутакова в событиях 1859 г. можно извлечь лишь из его донесения в Морское министерство ³⁰ и дневника Черняева, опубликованного его дочерью только в 1915 году.

Уже под конец своего пребывания в Приаралье Бутаков принял участие в очередном витке российского продвижения в Среднюю Азию. В 1863 г. на пароходах «Арал» и «Сыр-Дарья» он осуществил рекогносцировку в верховья Сырдарьи, демонстрируя мощь российских военно-морских сил и в какой-то степени оказывая поддержку войскам под командованием своего старого знакомого полковника Черняева, в итоге занявшим г. Сузак ³¹. По сути, одновременное движение

флотилии и сухопутных войск должно было показать силу и согласованность действий различных родов войск Российской империи в Средней Азии — эта цель была достигнута в полной мере. Вскоре после этого Бутаков получил звание контр-адмирала и был переведен в Балтийский флот — к немалому, впрочем, для себя разочарованию, поскольку надеялся и дальше продолжать освоение Приаралья³².

Подводя итоги анализа роли Бутакова и возглавляемой им Аральской флотилии в истории борьбы Российской империи за контроль над Средней Азией, следует признать, что ключевой эта роль не являлась. Слишком незначительны были возможности по задействованию серьезных военно-морских сил в этом регионе, а тех технических и людских ресурсов, которыми располагал Бутаков, было, конечно, недостаточно для осуществления стратегических задач. Кроме того, Аральская флотилия и ее начальник неоднократно становились в какой-то мере «разменной монетой» в противостоянии различных имперских властных структур — оренбургской пограничной администрации, Министерства иностранных дел, военного министерства. Не следует также сбрасывать со счета и личностный фактор: несомненно, эффективность действий Аральской флотилии была меньше, чем могла бы быть в силу личных неприязненных отношений Бутакова с отдельными представителями региональной имперской администрации, Игнатьевым и т.д. Тем не менее, в целом можно констатировать, что постоянное присутствие русских военных кораблей на Арале и в прилегающих реках, постоянное поддержание контактов с местными племенами и населенными пунктами на протяжении полутора десятилетий, несомненно, сыграло важную роль в формировании среди местных правителей и их подданных образа России как могущественной не только сухопутной, но и морской державы.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-03-00322 «Российский фактор» правового развития Центральной Азии в имперский период (XVIII — начало XX вв.): юридические аспекты фронтальной модернизации».

1. КАДЫРБАЕВ А.Ш. Андреевский флаг в центре Азии. — Восточный архив. 2011, № 1 (23); ВАСИЛЬЕВ А.Д. Участие морского ведомства в Ахал-текинской экспедиции. — Там же, 2014, № 1 (29).
2. ЛЕБЕДЬКО В. Роль военно-морского флота в защите интересов и обеспечении национальной безопасности России. XVII—XX вв. — Морской сборник. 2008, № 12, с. 25.
3. ДМИТРИЕВ В.И. А.И. Бутаков. М. 1955, с. 50; ХАЛФИН Н.А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX века. Ташкент. 1956, с. 51—52; СУЛАЙМАНОВ С.А. Из истории создания Аральской флотилии. — Вестник Каракалпакского государственного университета им. Бердаха. 2012. № 3—4 (16—17), с. 69. Разносторонний характер деятельности Аральской флотилии в 1840—1860-е гг. нашел отражение и в отчетах ее начальника за этот период времени. Обзор этих документов см.: КАДЫРБАЕВ А.Ш. Материалы Российского государственного архива Военно-Морского флота об изучении и освоении Аральского моря российскими военными моряками — Восточный архив. 2003, № 10, с. 66—70.
4. Дневные записки плавания А.И. Бутакова по Аральскому морю в 1848—1849 гг. Ташкент. 1953, с. 22, 39.

5. КАДЫРБАЕВ А.Ш. У самого Синего моря. — Восточная коллекция. 2005, № 1, с. 72—75; ЕГО ЖЕ. Материалы РГА ВМФ о народах Приаралья и их взаимоотношениях с Россией, Великобританией, Персией. По письмам А. И. Бутакова. 1848—1849 гг. — Иран-наме. 2009, № 1, с. 241—247. См. также: ЕГО ЖЕ. Народы Приаралья в середине XIX века (по письмам А.И. Бутакова 1848—1849 гг.). — Восточный архив. 2006, № 14—15.
6. ТЕРЕНТЬЕВ М.И. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб. 1906, с. 218—219; ЗЫКОВ С. Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и реке Сырдарье с 1847 по 1862 год. — Морской сборник. 1862, т. LIX, № 6, с. 321.
7. БЛАРАМБЕРГ И.Ф. Воспоминания. М. 1978, с. 319.
8. СУЛАЙМАНОВ С.А. Ук. соч., с. 70.
9. Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. В кн.: История Казахстана в документах и материалах. Астана. 2012, с. 311.
10. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб. 1897, с. 37.
11. Там же, с. 6, 86, 239—240.
12. ХАЛФИН Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М. 1974, с. 372.
13. КАЛИНИН А.И. «Такими офицерами мог бы гордиться любой флот». Документы об участии российских моряков в миссии Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару. 1857—1859 гг. — Исторический архив. 1996, № 4, с. 22.
14. ЗАЛЕСОВ Н. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году. Русский вестник. Т. 91. М. 1871, с. 442; КАЛИНИН А.И. Ук. соч., с. 25.
15. Миссия в Хиву и Бухару..., с. 74—75.
16. Там же, с. 101, 105; ЗАЛЕСОВ Н. Ук. соч., с. 465.
17. Миссия в Хиву и Бухару..., с. 120; ЗАЛЕСОВ Н. Ук. соч., с. 471.
18. Миссия в Хиву и Бухару..., с. 151; ХАЛФИН Н.А. Россия и ханства Средней Азии, с. 374—375.
19. Миссия в Хиву и Бухару..., с. 132—134, 139.
20. КАЛИНИН А.И. Ук. соч., с. 24, 31—32.
21. Миссия в Хиву и Бухару..., с. 262—265.
22. ХАЛФИН Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М. 1965, с. 109.
23. МИЛЛЕР Г.Ф. История Сибири. Т. III. М. 2005, с. 479—480, 503—504.
24. SHIR MUHAMMAD MIRAB MUNIS & MUHAMMAD RIZA MIRAB AGANI. *Firdaws al-iqbal: History of Khorezm*. Leiden. 1999, p. 54—63.
25. ХАЛФИН Н.А. Присоединение Средней Азии к России, с. 113.
26. А.Ч. [А.М. ЧЕРНЯЕВА]. М.Г. Черняев в Средней Азии (На Сыр-Дарьинской линии). — Исторический вестник. 1915, № 6, с. 845—850; ШЕПУРИН В. Плавание Аральской флотилии в 1858 и 1859 годах. — Морской сборник, т. LIII, 1816, май, № 5, с. 138—139.
27. А.Ч. Ук. соч., с. 851—856; ХАЛФИН Н.А. Присоединение Средней Азии к России, с. 114—115.
28. БУТАКОВ А. Эпизод из современной истории Средней Азии. — Отечественные записки, т. 163, 1865, ноябрь, кн. 1; ЕГО ЖЕ. Несколько страниц из истории Хивы. Материалы для статистики Туркестанского края. СПб. 1873.
29. ЕГО ЖЕ. Эпизод из современной истории Средней Азии, с. 112.
30. ХАЛФИН Н.А. Присоединение Средней Азии к России, с. 114—115.
31. П.М.К. [П.М. ФОН КАУФМАН]. Русское знамя в Средней Азии. — Исторический вестник. 1899, № 4; 6—8, с. 112; ТЕРЕНТЬЕВ М.И. История завоевания Средней Азии, с. 274.
32. ЛЫМАРЕВ В.И. Алексей Иванович Бутаков, 1816—1869. М. 2006, с. 127—128.

Революционная цензура на сцене государственных театров в 1917 году

П.Н. Гордеев

Цензура как вечный спутник культурной политики государства неоднократно оказывалась в фокусе внимания отечественных исследователей, изучавших и «общую»¹, и некоторые специальные² виды цензуры, существовавшие в Российской империи и СССР. Однако по-прежнему практически неизученной остается весьма своеобразная «революционная» цензура, не институционализируемая, но присутствовавшая в российской жизни в 1917 году³. Ее проявления заключались в недопущении на сцену тех или иных постановок, противоречащих, по мнению самозванных цензоров, интересам революции. Изучению данного явления и посвящена настоящая работа. Предметом ее является деятельность революционной цензуры на сцене государственных (бывших императорских) театров. Подобная локализация обусловлена рядом причин: с одной стороны, проследить репертуарную политику сотен частных театров России представляется в рамках одного исследования затруднительным, с другой — выдающееся положение государственных театров, не имевших, по своему художественному уровню, конкурентов внутри страны (кроме, пожалуй, знаменитого МХТ), приковывало всеобщее внимание к тому, что происходило на их подмостках. Наконец, являясь государственными учреждениями, эти театры находились на перекрестке разнообразных влияний, исходивших и от «февральской» власти, и от критики, и от артистического «самоуправления», и потому исследование происходивших в них общественных процессов, включая и действия революционной цензуры, представляет особый и самостоятельный интерес.

Одним из последствий Февральской революции стала отмена многочисленных цензурных ограничений, в том числе, и в сфере сценического искусства. Хотя постановление Временного правительства «О надзоре за публичными зрелищами», содержащее в себе заветные слова «предварительная драматическая цензура упраздняется», было принято лишь 27 апреля⁴, тем не менее, обстановка в стране обусловила фактическую отмену цензуры, в том числе и драматической, с самых первых дней переворота. Иное развитие событий, на фоне общенационального упоения свободой, было бы в то время невозмож-

Гордеев Пётр Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург.

ным. Несмотря на это, уже 12 марта, в день открытия после двухнедельного перерыва бывших императорских, а теперь — государственных театров, произошел инцидент (оставшийся практически не замеченным современниками), который с полным правом можно назвать первым случаем революционной цензуры в «свободной России».

За несколько дней до торжественного открытия театров во многих газетах, имевших театральные рубрики, помещались сведения о спектаклях, которые должны были пойти в государственных театрах 12 марта. В частности, посетителей Михайловского театра⁵ артисты собирались порадовать представлением классической пьесы Шекспира «Венецианский купец». Однако этот спектакль не состоялся. «В Михайловском театре, вместо назначенного по репертуару “Венецианского купца”, с участием г. Дарского давали “Свадьбу Кречинского”» — отмечалось в «Петроградской газете». «Перемена спектакля произошла по распоряжению комиссара Н.Н. Львова⁶ и, по слухам, объясняется желанием начать спектакли русской пьесой. Кроме того, “Венецианский купец” принадлежит к числу таких пьес, которые в 1905 г. вызывали нежелательные эксцессы»⁷.

Истинная подоплека событий становится понятна из дневниковой записи директора государственных театров В.А. Теляковского, сделанной 12 марта: «Вчера вечером произошел инцидент по поводу сегодняшнего репертуара. Мне звонили от Н.Н. Львова, что ему некоторые члены Государственной Думы звонили по поводу того, что в Михайловском Театре объявлена была пьеса “Шейлок” Шекспира и что желательно ее заменить другой, ввиду того, что в пьесе этой выведен еврей. Что за причина заставила опасаться постановки этой классической вещи Шекспира мне не ясно, в особенности при полной свободе [от] цензуры. Я вызвал к себе Карпова⁸, чтобы переговорить с ним по поводу перемены спектакля, и от него узнал, что на улицах уже раздаются голоса против евреев, которые за эти дни будто стали вызывающе себя вести и говорить речи, не понравившиеся солдатам — это возбуждение, вероятно, дошло до слуха членов Думы, и они хотели не возбуждать толпу. Тут же Карпов мне сказал, что когда ему раз пришлось говорить с Горьким по поводу репертуара Народного Дома, этот последний ему сказал, что Шейлока не надо включать в репертуар, ибо это разжигает страсти. Но ведь во многих русских пьесах сами русские часто представлены в непривлекательном виде, и это не мешает эти пьесы давать — то же бывает и с разными народностями населяющими Россию» — примирительно рассуждал директор театров⁹.

Именно как возобновление цензуры, причем особого рода, восприняла отмену спектакля и писательница С.И. Смирнова-Сазонова (вдова актера Александринского театра Н.Ф. Сазонова и мать актрисы того же театра Л.Н. Шуваловой, которая должна была 12 марта играть в «Венецианском купце»). Свою весьма эмоциональную оценку происходящего Смирнова-Сазонова, державшаяся правых взглядов, также занесла в дневник. «Нынче впервые после революции открываются театры» — записала она 12 марта. «В Михайловском стоял на афише “Венециан[ский] купец”. Люба (Л.Н. Шувалова. — П.Г.) радовалась, что она будет играть. И вдруг приказ снять с афиши “купца”. Это распоряжение князя Львова¹⁰ из Думы. ... Дожили! Царская цензура уничтожена, теперь будет жидовская»¹¹.

Отметим, что отказ от постановки «Венецианского купца» был разовым, и в дальнейшем пьеса продолжала идти на сцене Михайловского театра (вплоть до конца 1917 г. ее давали еще восемь раз)¹². Ставилась она и в Москве, где тоже вызывала двойственные чувства у театральной общественности. Так, в декабре 1917 г. в «Новостях сезона» было опубликовано письмо читателя М. Униговского, адресованное артисту Малого театра О.А. Правдину, исполнявше-

му роль Шейлока. Указывая на «то ложное толкование, которое вы интонацией и особыми черточками “польского жида” придаете главной роли этого крупнейшего произведения гениального Шекспира», Униговский попрекал Правдина тем, что «ваше участие в “Шейлоке” значительно увеличивает ту бездну человеконенавистничества, которая за последнее время охватила сплошь да рядом “свободную” Россию. ... Казалось бы, святое искусство и ярые его поклонники ничем не пострадают, если “Венецианский купец” будет заменен каким-нибудь другим из шедевров Шекспира до лучших времен, когда покрытое черными тучами небо молодой России прояснится и страсти русских граждан улягутся»¹³. Редактор журнала С.Л. Кугульский, опубликовавший письмо, встал при этом на сторону артиста: «Искусство вне политики, и если Правдин так толковал этот образ раньше, было бы странно требовать от него отказа от того, что он уже продумал, что подсказало ему его художественное чутье. ... Правдину, как художнику, трудно отказаться от своего толкования образа по политическим соображениям и вряд ли театр может по тем же соображениям отказываться от представления бессмертного произведения Шекспира»¹⁴.

Если «Венецианский купец» в конечном итоге все же продолжал идти в театрах «свободной России», то иная судьба ждала знаменитую оперу М.И. Глинки «Жизнь за царя». Уже во время революции 1905 г. это произведение неофициально снималось с репертуара императорских театров¹⁵; тем более неуместным казалось его представление весной 1917 года. Не прошло и недели после падения монархии, как «Петроградская газета», всегда уделявшая большое внимание театральным делам, сообщила своим читателям: «По слухам, опера “Жизнь за Царя” будет исключена из репертуара русских театров»¹⁶. В течение нескольких дней новость распространилась в прессе, причем она подавалась уже как факт, а не слух¹⁷ (отметим, что какого-либо формального распоряжения о запрете на постановку этой оперы нам обнаружить не удалось, да, по-видимому, его и не было¹⁸). Сообщалось также, что «из репертуара консерватористов-басов исключена знаменитая ария Сусанина “Чуют правду”», а саму «Жизнь за царя» «предположено переименовать в “Ивана Сусанина”»¹⁹. Предположение это, как известно, оказалось пророческим; пока же мысль о переименовании подхватили юмористы — помещенная в московской однодневной сатирической газете «Известия актерских депутатов» шуточная заметка гласила: «Нам сообщают, что известный либреттист Званцев спешно переделывает оперу “Жизнь за Царя” в “Жизнь за Исполнительный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов”. Главную партию поет по-прежнему товарищ Шаляпин»²⁰. Другой шуточный вариант переименования знаменитой оперы («Жизнь за Керенского») появился на страницах «Петроградской газеты»²¹.

«Одною из “жертв прежнего режима” бесспорно надлежит считать гениальную оперу Глинки “Жизнь за царя”» — отмечал журналист газеты «Театр», скрывшийся под псевдонимом «Диез». «Преступление, которое было совершено по отношению к этой опере, состояло в том, что это произведение сделали символом политического курса, из художественного образа, внепартийного, внеполитического, сделали знамя политического течения, которое ни одной минуты не могло похвастаться популярностью. И в результате произведение, которое могло бы быть жизнеспособным еще долго, при нормальном течении дела, теперь сойдет со сцены, быть может, уже навсегда, ибо все же время старит многое. ... Как бы то ни было, но оперы “Жизнь за царя” наши ближайшие потомки не увидят»²². И действительно, «Жизнь за царя» исчезла из репертуара русских театров на целых 22 года²³. Она была восстановлена лишь 21 февраля 1939 г. (под именем «Ивана Сусанина») на сцене Большого театра²⁴ (если не считать постановки 1920-х гг. вроде «Жизни за серп и молот», которые

трудно назвать «оперой Глинки», а, вероятно, правильнее было бы — новой оперой с использованием музыки М.И. Глинки).

Еще одной оперой, исключенной из репертуара театров революционной цензурой, стала «Метель» А.С. Танеева, впервые поставленная в Мариинском театре в 1916 г. (последнее представление перед революцией состоялось 22 января 1917 г.)²⁵ Высокопоставленный композитор занимал пост главного управляющего Собственной Его Императорского Величества Канцелярией и приходился отцом А.А. Вырубовой, что, конечно, ставило его произведения в «свободной России» в непростое положение. Спустя три недели после переворота в прессе писали: «Опера “Метель” А.С. Танеева, отца пресловутой “Аннушки” Вырубовой, навсегда снята с репертуара Мариинского театра»²⁶. Политический подтекст этого решения был ясен современникам; музыковед Н.П. Малков, критикуя репертуарную политику Мариинского театра за излишний консерватизм, отмечал: «Сняли с репертуара “Жизнь за царя” за черносотенство Глинки, да “Метель” А.С. Танеева за родственные связи с г-жой Вырубовой»²⁷. Впрочем, помимо революционной цензуры, в этом решении могли проявиться и доводы художественного порядка: в прессе оперу называли слабой и критиковали Дирекцию императорских театров, допустившую в свое время эту постановку²⁸.

Схожая судьба ждала и пьесу великого князя Константина Константиновича (К. Р.) «Царь Иудейский». Запрещенная к постановке еще до революции (евангельские сюжеты не допускались к представлению на сцене), в первые недели после переворота пьеса активно обсуждалась в печати, ее ожидали увидеть на сцене Александринского театра²⁹. Однако в августе, после, видимо, долгих раздумий, артисты этого театра «высказались против постановки», так как нашли «неудобным ставить теперь пьесу, принадлежащую перу члена дома Романовых»³⁰. Таким образом, многострадальное произведение вновь пало жертвой цензуры. При этом александринцы излишне перестраховывались — частный театр К.Н. Незлобина показал «Царя Иудейского» уже в ноябре 1917 г., и никаких эксцессов личность автора у публики не вызвала³¹.

Весной 1917 г. в прессу проникли слухи, что не только «Жизнь за царя», но и все произведения, в которых фигурируют члены дома Романовых, будут запрещены к постановке (кроме, разумеется, тех, где монарх выставлялся в отрицательном свете — как, например, в весьма популярном на театральных подмостках эпохи революции «Павле I» Д.С. Мережковского³²). «Собственно говоря, таких пьес наберется очень мало» — размышлял корреспондент «Петроградской газеты». «Цензура делала все возможное для того, чтобы стеснять авторов в этом направлении. Екатерина Великая появлялась только в “Капитанской дочке” Ц.А. Кюи, Петр Великий — в опере “Царь-Плотник”, в драматической хронике В.А. Крылова и в “Ассамблее” П.П. Гнедича»³³.

Династия Рюриковичей, по-видимому, такого раздражения в революционных кругах не вызывала, однако, осенью 1917 г. разгорелся конфликт вокруг сценического воплощения одного из ее виднейших деятелей. Речь шла о трагедии А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» — первой части его знаменитой трилогии. В 1917 г. исполнялось полвека со времени первой постановки этой пьесы в Александринском театре, и Художественно-репертуарный комитет театра еще в мае решил дать юбилейный спектакль, запланировав его на осень³⁴. В то время это не вызвало никаких возражений. Однако через несколько месяцев, когда должны были начаться репетиции, ситуация изменилась. В сентябре группа актеров выступила против постановки, как несвоевременной и способной «разжечь страсти»³⁵.

Данный эпизод хорошо освещен в историографии, однако, ни имен этих артистов, ни сколько-нибудь подробной аргументации их позиции в литерату-

ре не приводилось. Это позволяет привести выявленный нами в фондах Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства протокол общего собрания труппы Александринского театра, состоявшегося 6 октября 1917 года. Выступавший на собрании актер Д.Х. Пашковский³⁶, касаясь вопроса о постановке «Смерти Иоанна Грозного», заявил: «...именно я был инициатором вопроса “о своевременности этой постановки”, именно я выдвигал целую серию мотивов за важность этого вопроса, и я вправе полагать, что большая доля всей суммы напечатанного в прессе относится именно ко мне; и правда, для члена наших Собраний ясно, что в числе “второ-” или “третьестепенных актеров”, “некультурных”, “вносящих политику”, “распоясавшихся” и пр. и пр. должен подразумеваться именно я». Пашковский выделил четыре критерия, которым должна была соответствовать пьеса, ставившаяся в Александринском театре: высокий литературный уровень, «сценичность» (и в том, и в другом случае, по его мнению, трагедия Толстого вполне соответствовала требованиям); соответствие произведения «наличным средствам театра», в том числе его материальным возможностям и имевшимся в труппе артистическим силам (в этом смысле Пашковский предрекал неудачу постановки и, как показало время, оказался совершенно прав — рецензенты в один голос признали спектакль провальным³⁷); наконец, четвертый критерий включал в себя политическую составляющую.

Остановимся подробнее на этом сюжете, в котором нашли свое выражение аргументы революционной цензуры. Пашковский полагал, что пьеса «не должна быть в значительном несоответствии с событиями дня, с жизнью общества, с исторической эпохой», тут же оговариваясь: «...я не говорю большего, чем сказал: не “пьеса должна быть в соответствии...” , а “пьеса не должна быть в значительном несоответствии...”». Напомнив коллегам о том, что к их театру у «демократии» отношение «угрожающее» («Давно ли Г.Г. Ге³⁸ констатировал, что на нас еще видят парадные ливреи придворных... комедиантов. Нам ли сейчас лягать заболевший и умирающий русский монархизм? ... Нам ли сейчас играть с комом ваты, пропитанным бензином, в атмосфере раскаленных страстей?³⁹»), Пашковский предупреждал: «“Смерть Иоанна Грозного” в избытке дает (особенно в I-ой картине) сопоставления с ужасами современности, аналогии до тождества. Пьеса трактует об аналогичном историческом положении России и, в сущности, не указывает исхода, лишь беря жгучие раны и боли». Трагедия Толстого, по мнению Пашковского, «скорее — противумонархична⁴⁰. Но прием опасен, почти на грани провокации: масса логики в монологах Бориса в I картине; исторически-логично и следствие: “идем к царю, иначе нет исхода”; а со 2-ой картины: действительность исхода — сам царь! Все это может именно внести опасную и запретную “политику” в представление. Даст повод к репликам из зрительного зала. Грозит спектакль превратить в митинг. Где уж тут бесстрастное высокое искусство?! А последствия, возможные, очень возможные, от таких очень возможных эксцессов, возможно, будут ужасны для родного театра и для псевдо-автономной труппы»⁴¹.

Тем временем, вокруг грядущей премьеры разгорелся нешуточный скандал, который освещали все газеты, уделявшие какое-либо внимание театральным делам. Вмешались в него, по некоторым сведениям, и представители власти. Так, заведующий постановочной частью государственных театров С.Л. Бертенсон вспоминал, что накануне постановки к главноуполномоченному по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову «явилась делегация от Совета рабочих и солдатских депутатов, потребовавшая снятия пьесы с репертуара. Мотивом для этого было указано то, что до Совета дошли слухи о готовящейся в театре демонстрации монархистов, которые собираются приветствовать речь Бориса Годунова в первой картине трагедии, когда тот призывает бояр убедить

Иоанна, отказавшегося от царствования, вернуться на престол ... Батюшков наотрез отказался исполнить требование делегации и заявил, что он категорически протестует против подобного вмешательства самозванных лиц в дела управления театрами»⁴². Решительная позиция Батюшкова, а также большинства крупных актеров Александринского театра (так, за постановку публично высказались Р.Б. Аполлонский, Б.А. Горин-Горяинов, Н.С. Васильева, М.А. Ведринская, Ге, В.Н. Давыдов, А.Н. Лаврентьев, Ю.М. Юрьев⁴³, поддержал ее и председатель литературной комиссии Александринского театра П.О. Морозов⁴⁴) привела в итоге к тому, что премьера состоялась в назначенный срок, 9 октября 1917 года. Произошел и предсказанный Пашковским скандал: во время спектакля часть зрительного зала хлопала во время «монархического» монолога Годунова (которого играл Р.Б. Аполлонский): «Единое спасенье нам, бояре, // Идти к царю немедля, всею Думой, // Собором целым пасть к его ногам // И вновь молить его, да не оставит // Престола он и да поддержит Русь!», другая (впрочем, меньшая⁴⁵) рукоплескала свободолюбивым тирадам боярина Сицкого (в исполнении актера П.И. Лешкова)⁴⁶. Аплодисменты, хотя и более слабые, повторились и на следующем представлении (11 октября); подобные проявления эмоций со стороны зрительного зала стихли только во второй половине октября⁴⁷. Любопытно, что схожая реакция зрителей имела место и в 1906 г., когда в Александринском театре, также во время революции, давали эту пьесу⁴⁸.

Рассмотрев, таким образом, фактическую сторону действий революционной цензуры на сцене государственных театров в 1917 г., представляется возможным сделать некоторые выводы. Во-первых, революционная цензура проявляла себя, хотя и спорадически, в течение всего революционного года. Во-вторых, поводами для выступления «цензоров» являлись: «монархизм», реальный или мнимый, («Жизнь за царя», «Смерть Иоанна Грозного»), антисемитизм («Венецианский купец»), связь автора со старым режимом («Метель», «Царь Иудейский»). Любопытно, что три произведения из этого списка (кроме написанных позднее «Метели» и «Царя Иудейского») вызывали схожие эмоции у публики и во время первой российской революции 1905—1907 годов. В-третьих, следует отметить сравнительную слабость позиции «цензоров»: из пяти спектаклей, оказавшихся в фокусе их внимания, два так и не были отменены, для снятия с репертуара третьего («Метели») имелись и причины неполитического порядка (прежде всего, невысокий художественный уровень), а «Царя Иудейского», которого побоялись ставить александринцы, без каких-либо последствий показали на частной сцене. Лишь опера Глинки была запрещена полностью и безусловно «за политику»; невозможность ее постановки в период революции была настолько ясна современникам, что до сих пор не удалось найти инициатора негласного запрета этой национальной русской оперы. Повидимому, данное решение, так сказать, витало в воздухе. Наконец, в-четвертых, есть основания полагать, что подобному запрету подверглись все произведения, в которых фигурировали члены династии Романовых, кроме, однако, тех, где царствующие особы изображались в негативном ключе, как, например, в «Павле I» Мережковского.

Примечания

1. ГОРЯЕВА Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917—1991 гг. М. 2009; ПАТРУШЕВА Н.Г. Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX — начало XX века). СПб. 2011.
2. ГРИГОРЬЕВ С.И. Придворная цензура и образ Верховной власти (1831—1917). СПб. 2007.

3. Любопытно, что схожие явления наблюдались в театральной жизни Франции при якобинцах: «У братьев Гонкуров отмечены некоторые наиболее выдающиеся из преступных подвигов революционной цензуры... возмутительно были исковерканы Расин, Корнель, Мольер и даже сам Вольтер. Малейшее слово, которое могло бы задеть “цивизм” публики, или вовсе вычеркивалось, или заменялось чем-нибудь “приблизительным»». Революционный невроз. М. 1998, с. 502.
4. Журналы заседаний Временного правительства. Март-октябрь 1917 года. Т. 1. М. 2001, с. 362.
5. В этом театре не было своей постоянной русской драматической труппы; спектакли в нем ставились артистами Александринского театра или французскими актерами.
6. Николай Николаевич Львов — депутат Государственной думы, октябрист, со 2 по 16 марта 1917 г. был комиссаром Временного комитета Государственной думы, а затем и Временного правительства. См.: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб. 2011, с. 36—47.
7. Неожиданная перемена спектакля. — Петроградская газета. 14.III.1917. Интересно, что корреспондент «Биржевых ведомостей», не утруждая себя посещением театра, сообщил на следующий день, что «спектакли в Александринском (“Милые призраки”) и в Михайловском театрах (“Шейлок”) прошли при переполненных сборах». Эхо. — Биржевые ведомости (вечерний вып.). 13.III.1917.
8. Евтихий Павлович Карпов — режиссер Александринского театра. См. о нем: Театральная энциклопедия. Т. II. М. 1963, с. 1158—1159.
9. Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина (АРО ГЦТМБ), ф. 280, № 1325, л. 59об.—60.
10. Вероятно, С.И. Смирнова-Сазонова имела в виду комиссара Н.Н. Львова (не носившего княжеского титула), которого нередко в прессе того времени объявляли родственником князя Г.Е. Львова (они были однофамильцами).
11. Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ), ф. 285, № 65, л. 175.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 497, оп. 10, д. 1360, л. 45, 56, 68, 71, 124, 131, 153, 156, 162.
13. УНИГОВСКИЙ М. Открытое письмо заслуженному артисту О.А. Правдину. — Новости сезона. 12—13.XII.1917.
14. S. [КУГУЛЬСКИЙ С.Л.] По поводу письма О.А. Правдину. — Там же.
15. В.А. Теляковский вспоминал о сезоне 1905—1906 гг.: «Между прочим, весь этот сезон оперу “Жизнь за царя” мы не давали. Ею только открыли сезоны в Петербурге и Москве. По царившему тогда настроению ставить ее боялись, боялись каких-нибудь выпадов и протестов публики, ибо в единственных ее представлениях при пении фразы “Лягу за царя и за Русь” — раздавались отдельные шиканья. Опера не шла и в Москве, где петь ее опасался Шаляпин и под разными предлогами старался от нее уклониться, ибо получал анонимные письма с угрозами». ТЕЛЯКОВСКИЙ В.А. Воспоминания. Л.-М. 1965, с. 274.
16. «Жизнь за царя» снимается с репертуара. — Петроградская газета. 7.III.1917.
17. Большой театр. — Раннее утро. 9.III.1917; Москва. — Театральная газета. 12.III.1917.
18. В.М. Богданов-Березовский писал о том, что «в силу политических причин по прямому запрету цензуры была снята опера “Жизнь за царя”». БОГДАНОВ-БЕРЕЗОВСКИЙ В. Театр оперы и балета имени С.М. Кирова. Л.-М. 1959, с. 37. Однако, революционная цензура (единственная, действовавшая в то время в театре), не будучи институционализированной, не могла, конечно, породить «прямого запрета» на что-либо.
19. Хроника. — Новости сезона. 21—22.IV.1917. Интересно, что в годы войны по политическим соображениям либретто оперы уже подвергалось изменениям: «Кому не памятно, как после начала войны из оперы без долгих разговоров выкинули все, что относится к полякам, лишив ее и смысла и содержания, обратив ее сюжет в нечто и бессмысленное и неисторическое. Говорят — боялись обидеть поляков. Чем другим — их не боялись обидеть, а вот оперными либретто боялись». ДИЕЗ. Нюансы. — Театр. 19—20.III.1917. К лету 1917 г. от обсуждавшейся ранее

- мысли еще раз переделать либретто этой оперы и «лишить его своего узко-самодержавного содержания» отказались. Открытие Марининской оперы. — Петроградская газета. 20.VII.1917.
20. Цит. по: «Известия актерских депутатов». — Биржевые ведомости (вечерний вып.). 12.V.1917.
 21. Театральное эхо. — Петроградская газета. 17.V.1917. Впрочем, в охваченной революционными преобразованиями стране шутки воплощались в жизнь: так, Ольга Берггольц записала в дневнике в декабре 1924 г. о своем споре с матерью: «Недавно говорили о том, что “Жизнь за царя” переделали в “Жизнь за серп и молот”, она сказала, что это низко, мерзко и т.д. Я же сказала, что не вижу тут ничего худого». Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб. 2013, с. 703—704. Возможно, об этой постановке вспоминал в эмиграции музыковед Л.Л. Сабанеев: «Первая редакция была — перенесение действия в эпоху польшевицкой революции. В соответствии с этим Иван Сусанин обратился в “предсельсовета” — передового крестьянина, стоящего за советскую родину. Ваня обращен был в комсомольца. Поляки остались на месте потому, что в это время как раз была война с Польшей, где выдвинулся Тухачевский». САБАНИЕВ Л.Л. Воспоминания о России. М. 2005, с. 30—31.
 22. ДИЕЗ. Нюансы. — Театр. 19—20.III.1917.
 23. Последний раз эта опера шла в императорских театрах (одновременно и в Марининском, и в Большом) 6 декабря (в «царский» день) 1916 года. Театры. — Петроградская газета. 6.XII.1916; Большой театр [Афиша]. — Новости сезона. 6—7.XII.1916. Вообще же в столичных театрах (а возможно, и на всей русской сцене) последнее перед революцией представление оперы Глинки состоялось 6 февраля 1917 г., в московской Опере С.И. Зимина. Опера С.И. Зимина [Афиша]. — Новости сезона. 5—6.II.1917.
 24. Театральная энциклопедия, т. II, с. 825.
 25. РГИА, ф. 497, оп. 10, д. 1360, л. 10; Музыкальная энциклопедия. Т. 5. М. 1981, с. 412. Интересно, что сам композитор, при всех тяжелых обстоятельствах, наступивших для него после Февральской революции, продолжал внимательно следить за судьбой своего произведения; директор театров В.А. Теляковский записал в дневнике 11 марта 1917 г.: «Несмотря на трагическое положение семейства Танеева, я вчера получил письмо от А.С. Танеева, который просил меня о выдаче ему гонорара за последние представления его оперы “Метель”». АРО ГЦТМБ, ф. 280, № 1325, л. 58.
 26. Театральное эхо. — Петроградская газета. 22.III.1917.
 27. Театр и искусство. 1917, № 40, с. 690.
 28. ОСТРОЖСКИЙ К. Авгиевы конюшни российской Мельпомены (параллели). Александринский театр. — Новое время. 17.III.1917.
 29. Театральный курьер. — Петроградский листок. 6.III.1917; Царь Иудейский. — Биржевые ведомости (утренний вып.). 9.III.1917.
 30. Почему не ставят «Царя Иудейского». — Петроградская газета. 22.VIII.1917.
 31. История советского театра: Очерки развития. Т. I. Л. 1933, с. 13—15.
 32. «Эпоха» Павла I. — Петроградская газета. 28.VI.1917.
 33. Романовы на сцене. — Там же. 17.III.1917.
 34. Юбилейная постановка. — Там же. 10.V.1917.
 35. История советского театра: Очерки развития, с. 38—39; Ученые записки Государственного научно-исследовательского института театра и музыки. Т. I. Л. 1958, с. 31; ЗОЛОТНИЦКИЙ Д.И. Академические театры на путях Октября. Л. 1982, с. 30—31; ЗНАМЕНСКИЙ О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль—октябрь 1917 г.). Л. 1988, с. 311.
 36. Донат (настоящее имя — Николай) Христофорович Пашковский — актер Александринского театра, еще в 1917 г. стал симпатизировать большевикам, в 1918 г. возглавил просоветский «Временный комитет», управлявший театром. Отдел рукописей и документов Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства (ОРД СПбГМТиМИ), ф. 45, ГИК 20912/1, л. 1—3об.

37. Р. Александринский театр. — Петроградская газета, 10.X.1917; ALBUS. Александринский театр. «Смерть Иоанна Грозного». — Обозрение театров. 11.X.1917; ИРЕЦКИЙ В. Александринский театр. — Речь. 11.X.1917; ОСТРОЖСКИЙ К. «Смерть Иоанна Грозного» (Александринский театр). — Новое время. 12.X.1917; РОССОВСКИЙ Н. Александринский театр. — Петроградский листок. 11.X.1917; Эхо театра. — Петроградский листок. 13.X.1917.
38. Григорий Григорьевич Ге — один из видных актеров Александринского театра, исполнитель роли Иоанна Грозного. Театральная энциклопедия. Т. I. М. 1961, с. 1129—1130.
39. Цитата из ответа известного юриста А.Ф. Кони, который на вопрос актера Александринского театра Е.П. Студенцова о том, что он думает о грядущей постановке «Смерти Иоанна Грозного», сказал, что он, в принципе, считает, что «театр, суд и церковь должны стоять вне всяких партий и с этой точки зрения в театре можно ставить что угодно», однако, «ввиду того, что в данное время существует особое настроение, заставляющее отдельные партии наклеивать на все партийные этикетки, то вполне возможно, что и на постановку трагедии гр. Ал. Толстого могут наклеить ярлык контр-революционности. Представьте себе, что в толпу людей, разгоряченных страстью, кинут ватку, обмоченную бензином. Своей страстью эти люди воспламят бензин, который, в свою очередь, может сжечь театр...». А.Ф. Кони о «Смерти Иоанна Грозного». — Петроградская газета. 30.IX.1917.
40. Этот, казалось бы, очевидный для всякого читавшего произведение А.К. Толстого факт, признавали, тем не менее, далеко не все. Так, например, Н.Н. Ходотов, один из «премьеров» Александринского театра, в письме общему собранию труппы недоумевал: «Чем объяснить появление в настоящий острый момент монархизма пьес А. Толстого, а не постановку “Власти тьмы” Льва Толстого?». Актриса Е.И. Тиме в своих мемуарах констатировала, что «премьера промонархической трагедии А. Толстого “Смерть Иоанна Грозного”, состоявшаяся 8 октября 1917 года, превратилась в откровенную шумную политическую демонстрацию». Театр и искусство. 1917, № 42, с. 729; ТИМЕ Е.И. Дороги искусства. М. 1967, с. 186.
41. ОРД СПбГМТиМИ, ф. 66, КП 8624/68, л. 3—4, 6—6об.
42. БЕРТЕНСОН С.Л. Вокруг искусства. Холливуд. 1957, с. 230.
43. БИНОКЛЬ. «Смерть Иоанна Грозного» под запретом артистов. — Петроградская газета. 22, 24. IX.1917; Снимать ли «Смерть Грозного»? — Петроградский листок. 12.X.1917.
44. 18 сентября на заседании Художественно-репертуарного комитета Александринского театра Г.Г. Ге спросил П.О. Морозова, «возможна ли в связи с переживаемым моментом постановка на сцене Государственного театра п[ьесы] “Смерть Иоанна Грозного”»; на это Морозов ответил, что «протестовать против постановки этой пьесы нет оснований». ОРД СПбГМТиМИ, ф. 67, КП 7042/11, л. 1—1об.
45. Актриса М.А. Ведринская отметила в интервью через несколько дней после премьеры: «Надо быть мужественным и честно сознаться, что дружные аплодисменты вызвали лишь слова Годунова о призыве к власти царя, реплика же боярина Сицкого — “Царь, что лютей зверь” — была встречена совсем не так, как ожидали, и два-три хлопка быстро смолкли после окрика из публики: “Не мешайте слушать”». Снимать ли «Смерть Грозного»? — Петроградский листок. 12.X.1917.
46. Н.Р. [РОССИНСКИЙ Н.А.]. Александринский театр. — Там же. 10.X.1917; НЕКТО. Все хорошо, что хорошо кончается. — Обозрение театров. 11.X.1917; Театр и искусство. 1917, № 42, с. 733; ЗОЛОТНИЦКИЙ Д.И. Ук. соч., с. 31.
47. Второе представление «Смерти Иоанна Грозного». — Петроградская газета. 12.X.1917; Демонстрации прекратились. — Там же. 21.X.1917. В первое время после премьеры в прессу проникали слухи о том, что пьесу, вызвавшую подобный скандал, снимут с репертуара, и представителям театра приходилось делать заявления о том, что этого не будет. Е.П. Карпов о «Смерти Иоанна Грозного». — Там же. 17.X.1917; Снимут ли с репертуара «Смерть Грозного»? — Там же. 18.X.1917.
48. ЗОЛОТНИЦКИЙ Д.И. Ук. соч., с. 30.

Открытие каменного угля в Кузбассе в 1720-х гг.

И.В. Ковтун

Согласно распространенной и официально принятой точке зрения, кузнецкий уголь был открыт 11 сентября 1721 г., когда «доносител[ь] Михайло Волков об[ъ]явил против своего доношения вверх по Томе реке, от Верхотомскова острогу семь верст, красную горелую гору...»¹, а позднее проведенная экспертиза отобранных образцов показала наличие каменного угля: «№ 1: Уголь каменной из Томска доносителя Михайла Волкова»².

Предпринималась попытка гипотетической реконструкции более ранней даты указанного события. Так, авторы документального жизнеописания М. Волкова связывают предполагаемое упоминание об этом открытии с октябрём 1720 года. Исследователи относят к данному времени пребывание Волкова в Тобольской губернской канцелярии, где им якобы в это время и было сделано первое заявление о находке руды на Красной горе³. Известно, что 11 октября 1720 г. Волков действительно прибыл из Тобольска в Кунгур в качестве курьера, доставившего В.Н. Татищеву письмо от вице-губернатора А.К. Петрово-Солового с двумя образцами руды⁴. Поэтому, не исключено и его пребывание в Тобольске в сентябре — начале октября 1720 года. Однако никаких документальных подтверждений заявления Волкова о находке им каменного угля или руды в 1720 г. не существует.

Однако, имеется его донос, датированный июнем (июлем?) 1721 г., в котором сообщается об «открытии» им не каменного угля, а серебряной руды на Красной горе и упоминается, что будучи в 1720 г. в Тобольской губернской канцелярии Волков «подал доношение о прииске руд в Томском уезде ниже Томска верст семдесят на реке Шагарке да вверх по Обе на реке Поросе и во всем Томском уезде по рекам же»⁵.

Этот донос, составленный Волковым в соавторстве с «отставным салдатом» Павлом Бычковым, раскрывает и истинное содержание нижеприводимого «доношения» и неочевидную мотивацию «рудознатца». Доношение предваряется сопроводительным письмом с кратким изложением существа дела:

Ковтун Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, заведующий лабораторией археологии Института экологии человека СО РАН. Кемерово.

«Копия

Лета 1721 генваря в 31 [день] по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия малыя и белыя России самодержца от артиллерии капитану Василию Никитичю Татищеву. Сего 721 генваря...дня в доношении тоболского казачьего сына Михайла Волкова да отставного салдата Павла Бычкова написано. В прошлом де 720 году был он Волков в Омской крепости для звериного промыслу и сказал за собою государево дело. И из Омской крепости прислан в Тоболеск и подал доношение о прииске руд в Томском уезде. И по оному его доношению посылан был ис Тоболска в Томск с ним Волковым рудной мастер Федор Инютин с указом великого государя. И будучи в Томску оной Инютин взяв взятки Томского уезду Чауского острогу с жителей для прииску руд. Где надлежало не ездил и по писму твоему, оной мастер Инютин послан на Кунгур к розыскному делу, сентября 10 дня 720 году. И то его великого государя указ с вышеписанного, его доношения копия. И оного доносителя Волкова послал к тебе на Кунгур под караулом, а другой доноситель Бычков не послан для того что в Тоболской губернской канцелярии касается до него дело. И о приеме оного доносителя Волкова и копия. И об отпуске провожатого до Тоболска учинить по его великого государя указу.

Подлинной указ за подписанием рук господина губернатора князя Алексея Михайловича Черкасского, да господина вице-губернатора Петрово-Солового.

Секретарь Козьма Баженов.

Справил Матвей Козлов.

Подлинной указ подан на уктуских заводах февраля в 23 день 1721[-го] году»⁶.

За ним следует собственно текст доношения М. Волкова и П. Бычкова:

«Копия

Царского величества в Тоболскую губернскую канцелярию.

Доношение.

В прошлом 720 году был я, нижеименованный, в Омской крепости для звериного промыслу и сказал за собой государево дело, и из Омской крепости прислан в Тоболеск и подал доношение о прииске руд в Томском уезде ниже Томска верст семдесят на реке Шагарке да вверх по Обе на реке Поросе и во всем Томском уезде по рекам же. И по тому моему доношению посылан был ис Тоболска в Томск со мною нижеименованным, рудной мастер Федор Инютин, с указов великого государя по которому указу велено ему Федору в Томску у коменданта требовать к тому рудокопному делу и на струментов и работных людей и других припасов что понадобится и потому великого государя указу выдано ему Федору в Томске из приказной палаты на вышеописанные инструменты и на припасы денег восемьдесят шесть рублей. И приняв он Инютин те деньги, рудокопные инструменты делал ис покупного железа томскими кузнецами и зделав инструменты, ездили ис Томска на вышеписанную речку Поросу, и взяв он, Федор, в Чауском остроге по указу из Томска работных людей семьдесят человек и приехав на речку Поросу к горе, и работали оные работники у тое горы две недели, и в той горе приискали руду, а приискав тое руду он Федор с тоболским сыном боярским с Павлом Выходцовым ездили в Чауской острог для питья и были в Чауском остроге с неделю и чауские жители просили у него Федора чтоб в чауском чертеже и в Томском уезде руды не искать и им не работать для того что та работа положена на них на одних и за то ему посулили четыреста рублей. А как он Федор ездил в Чауской острог и в то время жил я с работными людьми у той горы ден с восемь. И приехав он Федор ис Чауской работных людей отпустил в Чауской и от тое горы поехали в Томск и заезжали на Ояш-речку для прииску руд, и он Федор у той речки руды не искал, и от Ояши-речки поехали в Томской, и едучи звал ево для прииску ж на

Шагарку-речку, и на той речке взял я без него Федора руды, и приехали в Томской, и жили недел с восьм без дела. И ис Томска ездили вверх по Томи до Красной горы, и у той горы руды приискали, и взяв сверху тои горелой земли, и говорил та де земля значит добрую серебряную руду, и я ему Федору говорил чтоб до тои свежой руды дойти и звал его на речку которая ис тои горы вышла и при которой речки есть знаки серебряной руды освидетельствовать. И он не поехал и от тои Красной горы поехали в Томск. И едуци звал ево, Федора, на Тайменку-речку для прииску самородного хрусталю которой родитца в кожую близ мельницы томского жителя Тимофея Чюкреева а тот хрустал родитца болшой фунтов в десять и в полпуда. Да ево же звал вверх ниже Мунгату-речки к Горелой горе для прииску ж руд, и он, Федор, на те речки не поехал же неведомо для чего. А приехав в Томск, и жили шесть недел. И в то время чауские жители прислали ему вышеписанные посульные деньги чтыреста рублей чауских беломесных казаков с пятидесятиком Григорием Белоглазом с товарищи три человека. И взяв он Федор оные денги поехал со мною в Тоболск. А про взятие оных денег ведает томский сын боярский Семен Варгусов. И его Федора теми денгами уличал. Да присылной тоболской жител Леонтей Ремезов про те взятые денги ведает же. А приехав, явились и руду объявили в Тоболской губернской канцелярии А про тое руду говорил в Тоболской губернской канцелярии, что та руда значит на серебряную руду с которую рудою он, Федор, послан на Кунгур для свидетельства и опыту. Да я ж, нижеименованный, знаю в Кузнецком уезде гору, которая ныне горит, а в той горе садитца сера горючая многое число, да я ж знаю в Белоярском уезде, которой город ныне построен вновь, на реке Обе, и в том уезде вверх по Чарышу и по Алею рекам в вершинах в камнях садитца нашатырь самородной, и близ тех урочищ значит древных лет заводы, ямы и пещины по тем же рекам есть в камнях краски разные немалое число и самородной хрустал.

И освидетельствовов вышеписанных уездех руд нашатырь и хрустал и красок што царское величество указ.

О сем доносят тоболский казачий сын Михайло Волков да отставной салдат Павел Бычков.

У подлинного доношения пишет вместо доносителей Михайла Волкова да салдата Павла Быčkова тоболский сын боярский Петр Шишкин руку приложил.

Подлинная копия за приписью дьяка Стефана Пупкова с подлинной же копиею чол и справил Матвей Козлов [подпись].

С подлинного указа и копии списывал подъячей Трофим Ожиганов.

1721 июнь [июль ?] в 6 день записать в протокол»⁷.

Вероятно, и обычный донос, выпячивающий служебное рвение доносчика и его значимость, как носителя ценной информации, может служить документальным подтверждением открытия своего автора. Но в случае Волкова донос, бесспорно, был, а открытия угля в 1720 г., безусловно, не было. Квалификация «рудознатца», не умевшего распознавать геологические признаки различных рудных местонахождений, не способствовала идентификации каменноугольного месторождения у Красной горы.

Таким образом, Волков заявлял о находке на Красной горе не каменного угля, а «серебра» или иных рудопроявлений⁸. Даже при повторном обследовании в сентябре 1721 г. немецкий специалист Пауль Прифцен и уктусский житель Никита Петров называют Красную гору месторождением руды (а не каменного угля), из которой предполагалось выплавлять металл. При этом ни в доношениях Волкова, ни в отчете Прифцена каменный уголь не упомянут, что следует и из доношения сибирского обер-бергамта: «3. Того ж числа прибыли

суда ис Томска бергаур Павел Бривцын да уктуской житель Никита Петров да доносители Михайло Волков, Степан Костылев. И оные, Павел Бривцын и Никита Петров, объявили нам при доношении томских медных руд признаки и тем рудам опись и их, доносителей, скаску за руками. И оная руда явилась по пробе плохой, однако ж, для подлинного свидетельства оной руды не по большому куску с каждого места...»⁹.

Позднее, по привезенным экспедицией образцам каменный уголь все же определили, но уже в Уктусе, специалисты Берг- и Мануфактур-коллегии. Автором этой экспертизы, вероятно, следует считать саксонца Иоганна Фридриха Блюэра, а датой ее проведения — 7 мая 1722 года¹⁰.

О положившем «начало изучению Кузнецкого бассейна» Д.Г. Мессершмидте, составившем «первые описания встреченных им каменноугольных залежей», в 1947 г. писал М.Н. Колобков¹¹. Поразительна научная принципиальность автора, имевшего мужество спустя два года после страшной войны назвать немца с такой фамилией, пусть не первооткрывателем, но первым описателем кузбасских угольных месторождений.

К каким источникам обращался Колобков, остается неизвестным. Но находившийся в Томске весной 1721 г. Мессершмидт (вместе со своим помощником Ф.И. Страленбергом) в своем дневнике сообщает о местонахождении каменного угля «между Комарова и деревней Красная»:

«28 апреля 1721.

28-го (пятница) допрашивали мы лейтенанта Ээнберга, что здесь должен быть казначей по имени Вилкасельски [Великосельский?], который о всяких делах [происходящих] вокруг мог дать всевозможные справки; но его надо угостить хорошей водкой. Он также сказал, здесь возле р. Оби, между ней и Иртышом есть три соляных озера, из них сюда привозят соль. Далее, в 1,5 верстах от Верхотомска должна быть гора у деревни Мазукина (современная д. Мозжуха. — И.К.), там возможно находится хорошая медная руда. Также между Комарова и деревней Красная, на левой стороне реки, должно быть находится каменный уголь...»¹².

Это самое раннее документальное свидетельство о месторождении каменного угля на Красной горе и вообще в Кузбассе.

Таким образом, причастность Волкова к открытию каменного угля документально датирована 7 мая 1722 г. (на место указано 11 сентября 1721 г.). Документальное упоминание открытия каменного угля Мессершмидтом при содействии его информатора лейтенанта Ээнберга и его помощника Страленберга датировано 28 апреля 1721 года. Это удостоверяет первенство трех последних исторических персонажей в документальном засвидетельствовании первого, ставшего известным, месторождения кузбасского угля.

В Кузнецк плывшая вверх по течению р. Томи экспедиция Мессершмидта добралась к 30 июля, а уже 9 августа она двинулась дальше «на небольших татарских челноках вверх по р. Томь до Балык-су»¹³.

Описание передвижения экспедиции Мессершмидта в Верхнем Притомье не отражено в письменных источниках. Но у Страленберга есть упоминание о необычном геологическом феномене, зафиксированном в верховьях р. Томи: «Также между городами Томск и Кузнецк, у абинских татар, существует такое место, где из горы извергаются дым и пламя»¹⁴. В этом фрагменте описана так называемая «Огнедышащая гора», расположенная в устье правого притока р. Томи — р. Абашевой. Но не поднимавшийся с Мессершмидтом вверх по р. Томи и не владевший информацией о гидрографии района Страленберг мог узнать о ней либо от самого Мессершмидта, либо от его спутников, следовавших с ним по указанному маршруту. Этим объясняется и неверная локализация «Огнедышащей горы» между Томском и Кузнецком, а не выше последнего. Тем не менее,

на экспедиционной карте Мессершмидта ее местонахождение обозначено верно, а именно — в месте впадения р. Абашевой в р. Томи нанесено схематичное изображение горы с выходящим из ее жерла дымом¹⁵. Вероятно, этот рисунок выполнен не Мессершмидтом, а никогда не бывавшим здесь Страленбергом или другим рисовальщиком, который со слов Мессершмидта изобразил горящий пласт юрского угля как «вулкан».

От Кузнецка до устья р. Абашевой экспедицию Мессершмидта отделяли около 25 км речного пути. Скорость передвижения экспедиции от Кузнецка вверх по р. Томи, вероятно, увеличилась, ввиду замены стругов на более легкие «татарские челноки»¹⁶. Следовательно, отплыв из Кузнецка 9 августа, Мессершмидт достиг «Огнедышащей горы», находившейся на правом берегу р. Томи, выше устья ее притока р. Абашевой, напротив Боровковского острова, не позднее первой половины следующего дня — 10 августа 1721 года. Это ровно на один месяц раньше открытия Волковым каменного угля на Красной горе, не идентифицированного «рудознатцем» в качестве такового.

Связь каменноугольного месторождения на «Огнедышащей горе» с местонахождением Мессершмидта в 1745 г. была подтверждена М.В. Ломоносовым при работе над русским переводом каталога минералов Кунсткамеры¹⁷. Еще раньше, в 1739 г., получить для собственных нужд «обысканной подле реки Том под городом Кузнецким уголь» пытался Демидов, представивший в Генерал-Берг-Директориум собственные образцы угля из этих мест¹⁸.

Таким образом, 28 апреля 1721 г. в дневнике Мессершмидта появилась запись об угле «между Комарова и деревней Красная», еще через три с половиной месяца, 9 или 10 августа 1721 г., им же открыта «Огнедышащая гора»¹⁹, и только 11 сентября 1721 г., «доносител[ь] Михайло Волков об[ъ]явил против своего доношения вверх по Томе реке, от Верхотомскова острогу семь верст, красную горелую гору...»²⁰. Проведенная, по-видимому, в феврале-апреле 1722 г. экспертиза отобранных образцов показала наличие каменного угля: «№ 1: Уголь каменной из Томска доносителя Михайла Волкова»²¹, а само доношение «Подано июня в 4 день 1722 года»²².

Как уже отмечалось, документальное подтверждение открытия Волковым каменного угля датировано 7 мая 1722 г. (на место указано 11 сентября 1721 г.), тогда как в дневнике Мессершмидта, который, как известно, некоторое время велся Страленбергом, упоминание об информаторе — лейтенанте Ээнберге и его сведениях о каменном угле — датированы 28 апреля 1721 года. Таким образом, Мессершмидт, лейтенант Ээнберг и, вероятно, Страленберг представляются соавторами первого письменного указания на первое, документально зафиксированное месторождение кузбасского угля на Красной горе, образцы с которой позднее получил и представил Волков.

Кроме того, Мессершмидту принадлежит первенство в открытии другого каменноугольного месторождения — «Огнедышащей горы» под Кузнецком в устье притока р. Томи р. Абашевой, состоявшегося на один месяц раньше открытия Волковым каменного угля на Красной горе.

Примечания

1. ПЕРЕВАЛОВ В.А. Новые документы о горнозаводском деле на Урале и в Сибири в первой четверти XVIII в. (по материалам ГАСО). Уральский исторический вестник № 9: проблемы экономической истории России: региональное измерение. Екатеринбург. 2003, с. 316—335.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 271, оп. 1, кн. 620, л. 198.

3. УСКОВ И.Ю., ВОЛКОВ В.Г. Михайло Волков: Опыт документальной биографии. Кемерово. 2007, с. 14—15.
4. РОЖКОВ В. Деятельность артиллерии капитана В.Н. Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого. СПб. 1884, с. 71.
5. РГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 621, л. 85—87.
6. Там же, л. 84—84об.
7. Там же, л. 85—87.
8. БОРОДАЕВ В.Б. Архивные материалы о Михайле Волкове и открытии Кемеровского месторождения каменного угля на Красной горе. В кн.: Историко-культурное наследие: изучение сохранение, использование (к 100-летию Кемеровского рудника). Кемерово. 2008, с. 26—28; УСКОВ И.Ю. Исследования и разработка кемеровского угольного месторождения в XVIII—XIX вв. В кн.: Сб. научных трудов ИЭЧ СО РАН. Кемерово. 2010, с. 49.
9. РГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 620, л. 193.
10. Там же, л. 198об.; БОРОДАЕВ В.Б. Ук. соч., с. 27.
11. Цит. по: Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Исследование и документы. М.-Л. 1952, с. 84.
12. MESSERSCHMIDT D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Tagebuchaufzeichnungen. T. I. Berlin. 1962, S. 93.
13. НОВЛЯНСКАЯ М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л. 1970, с. 29.
14. STRANLENBERG PH.J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730, S. 324.
15. Карта Кузнецкого уезда Д.Г. Мессершмидта. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, ф. 98, оп. 2, № 4.
16. НОВЛЯНСКАЯ М.Г. Ук. соч., с. 29.
17. ЛОМОНОСОВ М.В. Catalogus minerarum. б. [Русский перевод Минерального каталога]. В кн.: ЛОМОНОСОВ М.В. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.-Л. 1954, с. 76, 82, 97.
18. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Исследование и документы. М.-Л. 1952, с. 108—109.
19. ТОЛМАЧЁВ И.П. Геологическое описание восточной половины 15-го и юго-западной четверти 16-го листа VIII-го ряда десятиверстной топографической карты Томской губернии. В кн.: Труды геологической части Кабинета Его Императорского Величества. Т. VII. СПб. 1909, с. 5.
20. ПЕРЕВАЛОВ В.А. Ук. соч., с. 316—335.
21. Подано июня в 4 день 1722 года, записать в книгу, написав в реэстр, списав кому, а руд опробовать немедленно. По реэстру № 12. В Государственную Высокоповелительную Берг- и Мануфактур-Коллегию. Доношение. РГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 620, л. 198.
22. Там же, л. 193.

Роль института аманатства в черкесско-русских отношениях в 1552—1864 гг.

Ф.А. Озова

Проблема дипломатического заложничества или аманатства являлась важным аспектом русско-черкесских отношений на протяжении трех столетий. Ее актуальность и значимость подчеркивалась многими исследователями¹. Наибольшее внимание ей уделял видный советский кавказовед Г.А. Кокиев, который оценивал аманатство, как один из методов колониальной системы, и разделял его историю на два периода. Первый — когда заложники выдавались феодальными владетелями Кавказа царскому двору добровольно, и второй — когда дипломатическое заложничество стало носить принудительный характер². Эта проблема вновь привлекла к себе исследовательское внимание в постсоветский период в связи с попытками системного освещения истории черкесско-русских отношений. Б.Х. Бгажноков трактует аманатство как один из признаков асимметрии черкесско-русских связей и делает вывод, что дипломатическое заложничество способствовало растрате Кабардой своего социального ресурса и потенциала без получения взамен каких-либо ощутимых импульсов развития³. Ряд современных исследователей видят в этом институте способ приобщения черкесов к русской культуре и русскому языку⁴.

Дипломатическое заложничество практиковалось в разных культурах с древних времен. В период Средневековья оно имело место в Византийской империи, в европейских и кавказских странах, на Руси и в Чингизидской империи⁵. Акт выдачи дипломатических заложников завершал принесение клятвы по языческому, христианскому или по мусульманскому обряду⁶. Клятва и выдача заложников были непременным условием международных договоров. Главная задача дипломатического заложничества заключалась в том, чтобы крепче привязать к себе новых союзников. В Византийской империи сыновья союзников воспитывались при императорском дворе «в духе преданности интересам империи; одновременно они служили заложниками на случай измены отцов»⁷.

В Новое время эта практика значительно уменьшилась, даже можно сказать, прекратилась. Вместо аманатов для обеспечения выполнения условий до-

Озова Фатима Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при правительстве КЧР.

говора стали брать не заложников, а «какую-либо землю или область в виде залога»⁸. В этом отношении дипломатические связи русского двора с кавказскими и татарскими князьями можно назвать исключением. Дипломатическое заложничество получило в российской дипломатии настолько широкое развитие, что нашло свое отражение во всех наиболее значимых русских энциклопедических словарях XVIII—XIX веков⁹. В словаре В.И. Даля, к примеру, понятие «заложник аманат» толковалось как «человек, данный или взятый в виде залога, в обеспечение верности договора»¹⁰. Называя заложника аманатом, подчеркивали его особое социальное положение: изначально аманатом мог стать только представитель высшей аристократии (великих князей, князей, первостепенных дворян). Массив эмпирических сведений о русско-черкесских отношениях XVI—XIX вв. свидетельствует о том, что в аманаты отбирались наиболее важные фигуры политической жизни Черкесии или близкие им люди, имелось стремление со стороны царских представителей взять в аманаты старших сыновей (потенциальных наследников) владетелей черкесских княжеств или имевших исключительный общественный вес деятелей. Договоры Иналидов с царем в 1552, 1555, 1557 гг. не были исключением. Первыми черкесскими аманатами стали сыновья бесленеевского, жанеевского и кабардинского князей.

Во второй половине XVI в. Черкесия, продолжая испытывать экспансионистский напор со стороны Османской империи и Крымского ханства из Причерноморья, становится объектом экспансии и со стороны Астрахани. Установление в 1588 г. сюзеренно-вассальных отношений между Иваном Грозным и князьями клана Идаровых было закреплено строительством на землях этого клана в Теменском (Тюменском) княжестве крепости Терки. Тогда же Теменское княжество было объявлено Терским воеводством¹¹ под экстерриториальным управлением его владетельного князя Канклыча-Джанклиша Идарова-Черкасского и присланного сюда царем русского воеводы. Однако попытка русского правительства во второй половине XVI в. создать в Притеречье широкий плацдарм, охватив территорию от побережья Каспия до р. Сунжи, не удалась. До третьего десятилетия XVIII в. Россия имела в своем распоряжении лишь «самый крайний северо-восточный угол Кавказа в непосредственной близости Аграханского залива, откуда сравнительно нетрудно было поддерживать связь водным и сухопутным путем с Астраханью», служившим надежным тылом для Терского города¹². Хотя Терки был сам по себе слабым военным пунктом, впоследствии в контексте активации русской экспансии в Кабарде он сыграл важную роль российского форпоста.

Дипломатические отношения Ивана IV с владетельными князьями западно-черкесских княжеств просуществовали тогда всего десятилетие: 1553—1561 годы. По периодизации Г.А. Кокиева это был первый период в истории института аманатства. Его главным признаком было отсутствие явно выраженных элементов принуждения¹³. В Кабарде такой этап продлился с 1552 по 1589 год. Определяющее влияние на такой характер института аманатства в ту эпоху имело признание равного статуса русского княжеского дома Рюриковичей и черкесского княжеского дома Иналидов¹⁴. В период установления дипломатических связей между царем и великим князем московским Иваном IV и владетельными князьями Черкесии в них доминировало чувство взаимного уважения, партнерства и союзничества, что в значительной степени способствовало позитивному восприятию черкесскими князьями условия договора с царем об аманатах. Владетельные князья Черкесии отправляли к русскому двору своих сыновей в сопровождении свиты из представителей тлекотлешских и уоркских¹⁵ фамилий. Дипломатические заложники из Черкесии принимались у «самого царьского приближения по их достоинству»¹⁶. Их селили при царском дворе,

обучали грамоте и согласно византийскому обычаю называли «воспитанниками», а не закладами или залогами ¹⁷.

В 1589 г., вследствие перехода Москвы от политики диалога в Восточной Черкесии к политике давления, обнаружились различия во взглядах на институт аманатства. В дальнейшем, если «воеводы видели в них (аманатах. — *Ф. О.*) знак безусловного и исключительного подчинения Москве, то “иноверцы” — неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве» ¹⁸. В записи князя Камбулата Идарова (1588) и в «Жалованной грамоте царя Фёдора Ивановича кабардинскому князю Камбулату Идарову и всей Кабардинской земле» (1589) ¹⁹ была намечена тактика для достижения стратегической цели русской политики на Кавказе, заключавшейся в установлении протектората над всей Кабардой. С тех пор речь стала идти не о «воспитанниках», как прежде, а о выдаче в «заклады» сыновей кабардинских князей, имеющих политический вес в своей стране ²⁰, а также представителей тех князей, через чьи земли пролегали транскавказские магистрали. Договоры между русским царем и черкесскими князьями стали заключаться уже не в Москве, как это было в 1552, 1555, 1557, 1577, 1588 гг., а в Кабарде. С.А. Белокуров отмечал, что «со времени построения Терского города князья — подручники Московского государства отдают в Терский город заклады, “знатные аманаты” — детей и лучших людей в верности своей службы» ²¹. Для кабардинских дипломатических заложников был построен специальный аманатный двор во вновь отстроенной крепости Терки.

Роль института аманатства в русско-кабардинских отношениях в 1589—1763 гг. постоянно росла. Зачастую кабардинские аманаты оставались единственным связующим звеном с крепостью, выступавшей в тот или иной период времени русским форпостом на Кавказе (Терки, кр. Св. Креста, Кизляр, Астрахань, Моздок). Вопрос об аманатах стал одним из ключевых в конфликте 1641 г., закончившемся Малкинским сражением 12 июля 1641 г., и практически полной потерей какого бы то ни было московского влияния в Кабарде и, соответственно, на всем Кавказе вплоть до 1730-х годов.

В первой трети XVIII в. Москвой была предпринята попытка дальнейшего расширения системы политического заложничества. В 1735 г. в крепости Кизляр находилось 11 аманатов от Большой Кабарды и 4 — от Малой ²². После Белградского трактата 1739 г. вопрос об аманатах, который по настоянию Коллегии иностранных дел был включен в его текст ²³, стал ширмой для вмешательства Москвы во внутренние дела Кабарды. Именно под предлогом решения вопроса об аманатах на ее территории систематически находились российские офицеры. По проблеме дипломатических заложников между сторонами происходили интенсивные переговоры. Кабардинские князья прилагали значительные дипломатические усилия для ее четкой регламентации ²⁴. Им удалось добиться уменьшения числа заложников и решения об их ежегодной сменяемости.

На протяжении XVIII в. особенно ярко проявлялась роль кабардинских аманатов в политической жизни страны. Она была многогранна. Но необходимо отметить, что из представителей правящей элиты была сформирована своеобразная «пятая колонна», состоявшая из князей и тлекотлешей, в то или иное время побывавших в аманатах. Достаточно для иллюстрации этого положения вспомнить один факт: бывшие аманаты — князь Жанбулатова рода Кайтуко Кайсынов и тлекотлеш Шабаз-Гирей Куденетов были отправлены в 1764 г. парламентарями в Санкт-Петербург для решения вопроса о строительстве города Моздок. Однако они не только не выполнили своей миссии, но и по просьбе Коллегии иностранных дел лжесвидетельствовали, что земли, на которых была основана крепость, никогда не принадлежали Кабарде ²⁵. Впослед-

ствии для царского двора это стало главным «юридическим документом перед Крымом и Турцией, которые колонизационные действия России в Моздокском районе рассматривали как нарушение суверенных прав Кабарды, признанной по Белградскому трактату, заключенному в 1739 г. между Россией и Оттоманской Портой, независимой»²⁶.

Определяющее влияние на дальнейшее развитие дипломатического заложничества в Черкесии имел Указ императора Александра I от 13 июля 1820 г. за № 28.354 «О распределении пленных Горских народов, аманатов и Кабардинских беев и узденей», принятый по представлению генерала А.П. Ермолова. Пункт 5-й этого закона приравнивал аманатов от кабардинских князей и тлекотлешей к арестантам в случае, «если народы или общества, от которых были выданы аманаты вновь возобновляли борьбу против царских войск»²⁷. Этот указ, принятый, как видно из его названия, прежде всего для Кабарды, также стал применяться с конца 1820-х гг. в Западной Черкесии. На это указывают многочисленные документы, вышедшие из недр Главного штаба и командования Кавказской армии. Последний раз кабардинские аманаты были взяты в 1822 году. Согласно указа № 28.354, дети представителей кабардинской политической элиты были высланы генералом Ермоловым из Кабарды в ответ на участие их отцов в антиколониальном восстании 1825 года. В 1828 г. по просьбе кабардинских князей были предприняты их поиски и возвращение на родину. Двое из аманатов — Атажука Касаев 15 лет и Алжарук Куденетов 11 лет — находились в Дмитровском военно-сиротском отделении, Канболет Куденетов — в Дмитровском полубатальоне военных кантонистов, а Анзор Анзоров бежал из Дмитровского училища еще в 1825 году²⁸.

Институт аманатства в западно-черкесско-русских отношениях в 1820—1864 гг. развивался в соответствии с теми же принципами, что и в кабардино-русских отношениях на протяжении многих десятилетий. Необходимо отметить как главную особенность трансформации дипломатического заложничества в период Кавказской войны усиление в нем элементов принуждения. Если в середине XVI в. в аманаты брались единицы, то в годы Кавказской войны число политических заложников стало исчисляться десятками. В Западной Черкесии аманаты стали братья не только от князей и тлекотлешей, но и от избранных селениями старшин. Учитывая характер и длительность этой войны, многие аманаты, согласно Указу № 28.354 от 1820 г., были сосланы из Кавказа в Россию.

Таким образом, мы можем констатировать, что дипломатическое заложничество было постоянным элементом русско-черкесских отношений с момента их установления. Оно практиковалось царским двором в Черкесии непрерывно на протяжении 1553—1864 годов. Его трехсотлетняя история позволяет проследить развитие этой системы со времени ее возникновения и до момента ликвидации. На территории Восточной Черкесии (Кабарды) институт аманатства бытовал в 1553—1828 гг.; Западной Черкесии — с 1553 г. по 1864 г., но его существование в последнем случае носило спорадический характер. Аманаты от князей Западной Черкесии находились в Москве в 1553—1562 гг., а затем — в построенных в Закубани русских крепостях — с 1820-х гг. по 1864 год. Практика в отношении тех или иных субэтносов Черкесии в этом вопросе имела некоторую специфику. Она определялась тактическими особенностями русской политики на том или ином отрезке времени. Однако надо отметить, что на всей территории Черкесии на протяжении всех этих веков решение вопроса об аманатах регулировалось одними и теми же российскими законодательными актами.

Трансформация положения черкесских аманатов на протяжении 1553—1864 гг. — от почетного положения при царском дворе — до состояния солдат-кантонистов, арестантов — разительна. Причин такой трансформации мно-

жество. Важнейшей из них являлся процесс целенаправленного разрушения правящего сословия страны, в том числе, и через систему аманатства. Дипломатическое заложничество, ослабляя и разрушая изнутри правящий класс черкесского общества, значительно способствовало усилению деструктивных тенденций в жизнедеятельности, как политической системы, так и всей общественной жизни страны.

Аманатство, которое по замыслу русской дипломатии должно было обеспечить лояльность правящей аристократии Черкесии к политике Москвы на Кавказе, напротив, в значительной мере способствовало разрушению двусторонних отношений. Его малая эффективность в годы Кавказской войны была предметом постоянных дебатов в среде высшего военного командования России. Можно сказать, что институт дипломатического заложничества стал одним из факторов, оказавших значительное влияние на трансформацию содержания русско-черкесских отношений на протяжении XVI—XIX вв. в сторону утраты взаимного доверия и взаимопонимания, которыми отличались двусторонние отношения в период установления дипломатических связей в середине XVI века.

Примечания

1. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сборник статей и документов. Нальчик. 2005, с. 86—87, 114; ТХАМОКОВ Н.Х. К вопросу о роли системы аманатства в развитии русско-кабардинских связей в XVIII в. Ученые записки КБГУ. Нальчик. 1971, с. 108—116; ЦВИЖБА Л. Аманаты. В кн.: Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М. 1997, с. 128—130; ГУГОВ Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. Нальчик. 1999, с. 385—387; МАМБЕТОВ Г.Х. Институт аманатства и его роль в распространении и изучении русского языка на Северном Кавказе. Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик. 2003, с. 13—16; БГАЖНОКОВ Б.Х. О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм). Исторический вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик. 2005, с. 57, 66—69; МАРЕМКУЛОВ А.Н. Юридические формы политики российской империи на Северном Кавказе в XVIII—XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов-на-Дону. 2005, с. 242; ТЮТЮНИНА Е.С. Аманатская школа в Нальчике. — Горянка. 2003, № 20, с. 15; МАРКЕЛОВ Н.В. Поговорим о бурных днях Кавказа... М. 2006, с. 190—191; ТАКОВА Д.Д. Аманаты — гарантии верности складывающегося сообщества. Вопросы южнороссийской истории: научный сборник. М.-Армавир. 2007, с. 108—110; ТОРОПИЦЫН И.В. Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII—XVIII вв. Кавказский сборник. Т. IV (XXXVI). М. 2007, с. 59—80.
2. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева, с. 86—87, 114.
3. БГАЖНОКОВ Б.Х. Ук. соч., с. 69.
4. ТХАМОКОВ Н.Х. Ук. соч., с. 108—116; ГУГОВ Р.Х. Ук. соч., с. 385—387.
5. История дипломатии. Т. I. М. 1959, с. 124—125, 138; ТРЕПАВЛОВ В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М. 2007, с. 136—140.
6. Принесение клятв выражалось в языческих клятвах, сопровождавшихся магическими обрядами; в обрядах целования креста; в целования Корана.
7. История дипломатии, т. I, с. 105—107.
8. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. I. СПб. 1890.
9. ТАТИЩЕВ В.Н. Российский исторический, географический и политический лексикон. В кн.: Избранные произведения. Л. 1979.
10. ДАЛЬ В.И. Толковый словарь живаго великорусского языка. Т. I. СПб. 1996.
11. ПОПКО И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Нальчик. 2001, с. 85.

12. ГАМРЕКЕЛИ В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси. 1976, ч. II, с. 52—53.
13. КОКИЕВ Г.А. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. Известия юго-осетинского НИИ. 1933, с. 87.
14. Патриаршая или Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIII. СПб. 1904, с. 228.
15. Тлекотлеши — буквально благородные рыцари. Тлекотлеши — первостепенные уорки.
16. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы. Т. I. М. 1957, с. 47.
17. История дипломатии, т. I, с. 105—107.
18. Цит. по: ТРЕПАВЛОВ В.В. Ук. соч., с. 139—140.
19. КРО, т. I, с. 50—54.
20. Там же, с. 53.
21. БЕЛОКУРОВ С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского архива Министерства Иностранных Дел. М. 1889, с. CVII.
22. БУТКОВ Г.Ф. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Извлечения. Нальчик. 2001, с. 33.
23. ЮЗЕФОВИЧ Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М. 2005, с. 41.
24. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. II, с. 94—95, 109.
25. БУТКОВ Г.Ф. Ук. соч., с. 159; Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Т. I. Нальчик. 1996, с. 127, 137—138, 446.
26. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева, с. 86.
27. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1830, т. XXXVII, с. 389—390, № 28.354.
28. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 13454, оп. 2, д. 49, л. 142, 179.

Первая мировая: взгляд из окопа. М.-СПб. Нестор-История. 2014. 216 с.

100-летняя годовщина начала первой мировой войны послужила поводом для множества публикаций на эту тему. В научный оборот введено немало новых документов, среди которых видное место занимают источники личного происхождения. Наиболее типичными остаются воспоминания, дневники и переписка крупных военачальников, политических и общественных деятелей, чиновников и дипломатов различных рангов, составивших своего рода официоз, который, за редким исключением, предлагает взглянуть на войну из высоких штабов и правительственных кабинетов. Иначе обстоит дело со свидетельствами настоящих тружеников войны — солдат и младших офицеров. Почти уникальным явлением можно считать воспоминания «нижних чинов» — российских солдат и матросов. Причины тому очевидны. В те годы они представляли наименее образованную часть общества, а дальнейшая жизнь у большинства из них складывалась так, что было не до мемуаров. Исключением могут считаться воспоминания некоторых видных советских военачальников, чья солдатская служба пришлось на годы первой мировой войны (С.М. Будённый, Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, Р.Я. Малиновский и др.). Таким образом, сегодня мы имеем довольно ограниченные возможности взглянуть на события той войны глазами ее самого массового участника — солдата¹. Столь же редкими в отечественной печати являются личные свидетельства фронтовиков-офицеров, которые в течение долгого времени считались ненадежными в социальном и политическом отношении, а публикации их материалов представляли собой исключения².

Именно поэтому мы можем говорить о ценности издания, подготовленного и выпущенного в свет при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Российского военно-исторического общества. В него вошли хранившиеся до недавнего времени в час-

тных собраниях воспоминания о войне двух «нижних чинов» — А.Я. Семакова и Е.В. Тумиловича, а также фронтовой дневник прапорщика К.В. Ананьева. В них повествуется о событиях, участниками или свидетелями которых они были в разные периоды войны и на разных участках фронта. Кадровый финляндский стрелок Семаков стал свидетелем первых боев августа-сентября 1914 г. в Восточной Пруссии, пехотинец-разведчик Тумилович участвовал в завершающих сражениях летнего наступления 1916 г. на Юго-Западном фронте, а центральное место в дневниковых записях младшего офицера 405-го пехотного Льговского полка Ананьева занимают фронтовые будни на Стоходе зимой 1916—1917 годов.

Любые военные записки представляют интерес для военных историков, так как содержат подробности конкретных боевых эпизодов. В еще большей степени они являются материалом для военно-антропологических исследований, поскольку описывают картины фронтовой повседневности, военного быта. Это в полной мере относится и к предлагаемым произведениям. Однако первая мировая война в истории России не была лишь очередным вооруженным конфликтом, имевшим серьезные внешнеполитические последствия. Будучи гранью двух эпох, она выдвинула более сложные проблемы, которые сохраняют актуальность и вовлекают в дискуссии, наряду с историками, философами, социологами, культурологами.

Первая мировая война застала Россию на сложном и противоречивом этапе незавершенной модернизации. Перемены, происходившие в российском обществе, хорошо заметны на примере авторов записок. В годы войны все они были молодыми людьми 18—22 лет, выходцами из непривилегированных сословий: двое рядовых происходили из крестьян, офицер — из мещан столичной Санкт-Петербургской губернии. Тем не менее, им удалось получить начальное и даже незаконченное

среднее образование, и таким образом они возвышаются над большинством армейской массы, на две трети состоявшей из неграмотных и малограмотных крестьян. Их образовательный и культурный уровень давал возможность и даже подталкивал к осмыслению войны, которая стала для них первым значимым жизненным и социальным опытом. Отправившись на фронт преисполненными патриотических чувств и энтузиазма авторы публикуемых записок очень быстро пережили разочарование от подлинной военной действительности. Более того, подобно молодым героям Ремарка, они ощутили бессмысленность происходящего. Не случайно с печальным сарказмом звучат слова солдата, передающие впечатление о первых днях войны на территории врага: «... мы, конечно, пошли в его землю, и вот там ходили туда и сюда».

Война не могла отменить свойственного российскому обществу социального неравенства, которое сказывается и на армии военного времени. С произволом и бессмысленной жестокостью офицеров солдаты сталкивались еще в тыловых частях, не были они исключением и на фронте. Тяжелое впечатление оставляют образы офицеров из воспоминаний Тумиловича — озлобленный и одновременно беспомощный командир батальона капитан Гречкин или «звероподобный» ротный командир прапорщик С., не расстающийся с нагайкой. Однако солдаты-фронтовики уже не желали мириться с унижениями. Это по-своему ощущали их командиры, которые более не были уверены в надежности подчиненных. Прапорщик Ананьев замечает в дневнике: «Ведь офицер один в роте — что он сделает... Если солдат будет зол на офицера, ему ничего не стоит пустить пулю в затылок ему или не оказать помощи в нужный момент». На этом фоне объяснимы становятся самые вопиющие примеры неповиновения и даже мести, с которыми начальство ничего не в силах было поделать. Дисциплина, строящаяся лишь на страхе наказания, окончательно деградировала, а армия военного времени превращалась в поле внутренней вражды, которая пересиливала и вытесняла пафос общей борьбы за Отечество.

Эта логика объясняет противоречивый, но неуклонный процесс формирования в ходе войны «человека с ружьем» — «эмалсипированного» от государства солдата и офицера, которые к 1917 г. воплощали в себе военный фактор в истории России и определяли ее судьбу в течение нескольких последующих лет.

Революционные события на фронте нашли отражение в воспоминаниях Тумиловича и дневниках Ананьева, которые ярко продемонстрировали разрыв в настроениях солдатской массы и офицерства. Все решительно привет-

ствовали политические перемены в стране, но не могли найти общего языка в отношении к войне. Юный офицер поначалу верил, что революция поможет победоносно завершить войну. Однако солдаты связывали с ней другие ожидания. Для них революция в первую очередь становилась обещанием мира и отрицанием войны как порождения прежнего низвергнутого строя. Этого не могли изменить ни политическая пропаганда, ни усилия начальства. Отношение к ним среди солдат точно выразил Тумилович: «Все слушали, все принимали и одобряли, но воевать больше никто не хотел». Россия и ее армия вступали в эпоху гражданского противостояния.

Предлагаемые читателю свидетельства современников различны по генезису, все они носят на себе отпечаток времени, в которое создавались. Короткие записки Семакова были сделаны им еще в военные годы, Тумилович писал воспоминания спустя несколько десятилетий и смотрит на военное прошлое с высоты своих лет и знания. Офицерский дневник представляет наблюдения и впечатления автора, сделанные по горячим следам. Несмотря на это, свидетельства современников удивительно созвучны по духу и настроению. В них одинаково присутствуют и боевой порыв воинов, и ужас человека перед жестокой мясорубкой войны, и открытие молодыми людьми окружающего социального мира, его законов и несообразностей. Спустя сто лет они позволяют нам приблизиться к пониманию реальных мотивов, взглядов, чувств соотечественников, ставших участниками великих событий мировой истории.

И.Н. ГРЕБЕНКИН

Примечания

1. ОСЬКИН Д. Записки солдата. М. 1929; МАКАРОВ-ЗАРЕЧЕНЕЦ Г.В. «Горьевские кавалеры». Записки пулеметчика мировой войны. М. 1930; АРАМИЛЕВ В. В дыму войны. М. 1930; ПАДУЧЕВ В. Записки нижнего чина. М. 1931; Из бумаг Якова Дементьевича Драгуновского. В кн.: Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910—1930-е гг. М. 1989, с. 325—436.
2. ОСЬКИН Д. Записки прапорщика. М. 1931; Из офицерских писем с фронта в 1917 г. — Красный архив. 1932, № 1—2 (50—51), с. 194—210; ГЕРАСИМОВ М.Н. Пробуждение. М. 1965; Фронтовые письма есаула А.А. Упорникова периода Первой мировой войны. — Военно-исторический журнал. 2007, № 1, 3, 5—7; Письма ротмистра лейб-гвардии Уланского полка А.В. Поливанова родным (октябрь 1916 — май 1917 г.). — Вопросы истории. 2012, № 9, с. 74—97.

Utrecht-Rastat-Baden 1712–1714. Ein europaisches Friedenswerk am Ende des Zeitalters Ludwig XIV. Vandenhoeck & Ruprecht. Göttingen. 2013. 422 S.

Утрехт-Раштатт-Баден 1712–1714. Работа по заключению европейского мира в конце века Людовика XIV. Гёттинген. 2013. 422 с.

Сборник под редакцией известного немецкого историка, президента Фонда Макса Вебера профессора Х. Духхардта и сотрудника Института европейской истории общества Лейбница в Майнце доктора М. Эшпенхорста состоит из докладов, прочитанных на международной научной конференции, состоявшейся 19–22 сентября 2012 г. в швейцарском курортном городке Бадене. В конференции приняли участие ученые из Германии, Австрии, Болгарии, Великобритании, Нидерландов, России, Франции и Швейцарии. Примечательно, что конференция проходила в том месте, где был подписан заключительный договор, означавший конец первого «светского» конфликта начала XVIII в. — войны за испанское наследство. Тональность конференции определялась обсуждением не порядка проведения переговоров, дипломатических интриг и анализа статей договоров, а, так сказать, рабочих моментов, игравших также значительную роль, но привлекавших меньше внимания исследователей. В число этих рабочих моментов входило преимущественно проблемы переводов, общения дипломатов и другие коммуникативные вопросы, возникавшие в процессе подготовки мирных договоров и особенно трансляции, обоснования, а также подготовки формулировок статей договоров и их содержания в средствах массовой информации и международно-правовой науке. Инициаторами и организаторами конференции выступили Институт европейской истории в Майнце и Институт истории европейской культуры в Аугсбурге.

Безусловный интерес представляет статья Х. фон Тиссен «Дипломатия и дипломаты в начале XVIII в.». Автор отмечает, что в то время иерархический порядок, при котором единая Европа, представлявшаяся в виде пирамиды с императором на вершине христианского мира, окончательно потерял свое значение. Но в то же время европейское общество оставалось, как и прежде, обществом государей, в котором монархия была привычным явлением власти и стабильной политической системы. В этой системе дипломатия представляла собой сферу деятельности аристократии и определялась придворными ценностями и нормами отношений, а также являлась средством повышения социального положения. Другой немецкий историк, К. Кампманн, детально рассмотрел проблему соотношения между заключением мира и династическими принципами, не игравшими

центральной роли при подписании мира в Утрехте. Однако после него династический фактор усилился, что видно на примере войн за польское и австрийское наследство. Баденский мир, как известно, нашел меньшее отражение в истории европейской дипломатии, чем мир в Утрехте и Раштатте. Но швейцарский историк Р.Штюхели не без оснований рассматривает его не только как продолжение мирного договора в Раштатте, но и как исходный пункт будущей швейцарской внешней политики нейтралитета.

Молодой кембриджский исследователь Э. Томпсон, исследуя восшествие на британский престол в 1714 г. Ганноверской династии, уния с которой вовлекла Лондон в центрально-европейские дела, отметил, что эта линия проявилась на переговорах в Раштатте и Бадене. М. Шнеттгер обращается к проблеме микроисторической перспективы на примере анализа политики малых итальянских государств — вассалов Священной Римской империи, покаявая, что эти государства отнюдь не были бесправны в рамках Империи, и имели возможность защищать свои интересы перед императором, в Имперском придворном совете, а также на рейхстагах. Французский историк Л.Белый (Bély) акцентировал внимание на соотношении тайной дипломатии и публичной сферы при заключении мира в Утрехте. На материалах различных источников он показал двойственность атмосферы, в которой проходили переговоры, — с одной стороны, тайные контакты, вызывавшие подозрения, с другой стороны, — война перьев в газетах и листовках, а, кроме того, возможность для дипломатов показать свои манеры и костюмы. В принципе на эту же тему, но с акцентом на противопоставление тайной политики в духе «государственного интереса» и общественно-политической мысли эпохи Просвещения написана статья В. Вебера. Характерно название статьи Х. Штейгера «Что имеют подданные от мира?». Детально рассмотрев различные моменты последствий подписания мирного договора, автор подчеркивает, что включение в тексты договоров статей о правах подданных способствовало развитию международного права, и одним из важных промежуточных пунктов в этом смысле был Утрехтский мир. Проблеме игнорирования интересов личности посвящена большая статья З. Вестфаль, в которой на примере статьи о религиозных делах Рисвикско-

го мира 1697 г., принятой под влиянием французского короля Людовика XIV, рассматривается вопрос о ее использовании королем для проведения политики рекатолизации в оккупированных протестантских территориях по течению Рейна. Автор делает справедливый вывод, что Рисвикский мир и повторение его статьи о религиозных делах в тексте Баденского мира способствовали обострению религиозных противоречий в Священной Римской империи и формированию коалиции протестантских чинов Империи под названием *Corpus Evangelicorum*.

Весьма информативна статья М. Ланцинера, в которой характеризуются различные ритуалы доверия, принятые в дипломатической практике после Вестфальского мира: рукопожатия, объятия, поцелуи, заверение подписи печатью, которые в средние века были редкостью. Автор отмечает, что ритуалы как бы фиксировали подписанные соглашения и закрепляли их в общественном сознании, воспринимавшим Вестфальскую систему как династическую и государственную одновременно. О роли и месте итальянского языка в деятельности дипломатов XVII — начала XVIII в. как языка культуры Ренессанса и Барокко, а также рабочего повседневного языка римской курии и, кроме того, общения с сановниками и купцами Османской империи, дает достаточно четкое представление статья Г. Брауна. Довольно подробно, на основании статистического материала А. Шмидт-Рёслера рассматривает проблему языков, на которых были написаны тексты международных договоров, выделяя динамику, особенно в 1764—1789 гг., в сторону использования французского языка и составления двуязычных текстов договоров. О том, насколько важным было владение дипломатами иностранными языками и о роли переводчиков во время заключения договоров, пишет К. Янкрифт. В большой статье М. Эшпенхорста характеризуются различные переводы текстов договоров в Утрехте, Раштатте и Бадене в 1712—1815 гг., особенно в Священной Римской империи, Франции, Англии и Нидерландах. Изучив этот вопрос, автор приходит к выводу, что как у юристов, так и историков тексты договоров не нашли адекватного и полного изложения.

Х. Духардт рассмотрел вопрос о систематизации и типологизации мирного договора на примере предисловия некоего Казимира Фрешотса к опубликованной в 1716 г. «Истории конгресса и мира в Утрехте, также в Раштатте и Бадене» анонимного автора, который первым источником мира называл Бога, вторым — право и справедливость, третьим — необходимость.

Отражение мира в Бадене во французской прессе и публицистике, часто изображавшей Людовика XIV как победителя в войне за ис-

панское наследство, стало предметом исследования Б. Клесмана «Часовой механизм, лавры, радуга». Интересный сюжет об отношениях Европы и исламского мира в эпоху раннего Просвещения рассмотрен в статье О. Асбаха, поместившего в центр своей работы идею «Проекта мира» аббата Ш. де Сент-Пьера, который, по мнению автора, был проектом обширной политической и общественной реформы и рационализации в универсалистском плане, в котором универсальный разум, тем не менее, был европейской реалией, религией разума, стоящей выше христианства и ислама.

Восприятие Баденского мира в Константинополе показано в статье болгарской исследовательницы М. Барамовой, взявшей за основу своей работы деятельность имперской дипломатии в Османской империи. Договоры в Раштатте и Бадене не имели особого значения в переписке Гофкригсрата (Придворного военного совета) и императорского посланника в Константинополе Фляйшманна, наиболее важной заботой которого было отслеживание намерений правящих кругов Османской империи с точки зрения использования франко-габсбургского конфликта для возможной агрессии в направлении Вены. Турки опасались активной политики России и поэтому сохраняли мир с императором. В статье австрийского ученого В. Телеско на многочисленных примерах показано восприятие мирных договоров в Раштатте и Бадене средствами визуализации, а именно в памятных медалях с использованием античной и христианской символики и образов, изображающих мир. Позитивная оценка Утрехтского мира в английской поэзии начала XVIII в. с приведением многих отрывков из стихотворений и поэм, прежде всего Поупа и Тикелла, показана в статье Л. Ивониной. Автор отмечает, что уже в то время главной политической идеей в английской поэзии становится идея британского превосходства и мирного пути для его достижения.

Статьи сборника дают прекрасное представление о том, как действовали дипломаты, как готовились статьи договоров в Утрехте, Раштатте и Бадене, какие языковые проблемы встречались, как воспринимались переговоры и подписание договоров общественным мнением. Вместе с тем, из поля зрения авторов выпало восприятие договоров в ряде стран Европы, например, в Испании. Однако следует признать, что сборник во многом расширяет наши представления о процессах подготовки мирных конгрессов и договоров в раннее Новое время и их месте в развитии международного права в европейской и мировой истории, а также в исторической памяти и культуре.

Ю.Е. ИВОНИН

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Переписка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 4, 2015

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.03.2015. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1600. Заказ 382-2015. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2015 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

***Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21***

ВИИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**